Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№3

2026

Center for Research and analytics,
Foundation for historical outlook

Perspectives and prospects

E-journal

№3

2026

ISSN 2411–3417

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Foundation for Historical Outlook
Center for Research and Analytics

Рецензируемый научный сетевой журнал «Перспективы. Электронный журнал». №3 (46)
E-journal «Perspectives and prospects». №3 (46)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год
Published since 2015. Published 4 times a year

Мнения авторов статей могут не совпадать с мнением редакции

Редакционная коллегия:

Главный редактор

НАРОЧНИЦКАЯ Екатерина Алексеевна — канд. ист. наук, руководитель Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.

Выпускающий редактор

ШТРЫКОВА Елена Михайловна — сотрудник Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы.

Ответственный секретарь

ЩЕРБИНА Анна Владимировна — канд. фил. наук, сотрудник Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы.

Члены редколлегии

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна — д-р полит. наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ (МГИМО), МИД Российской Федерации, профессор-исследователь Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ).

КАПИТОНОВА Наталия Кирилловна — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ (МГИМО), МИД Российской Федерации.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна — д-р ист. наук, иностранный член Сербской академии наук и искусств, президент Фонда исторической перспективы; член Общественной палаты РФ. ПЛЯЙС Яков Андреевич — д-р ист. наук, д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Финансового университета при Правительстве РФ, профессор РАНХиГС при Президенте РФ.

ПЛЯЙС Яков Андреевич — д-р ист. наук, д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Финансового университета при Правительстве РФ, профессор РАНХиГС при Президенте РФ.

РУДАЯ Елена Николаевна — канд. ист. наук, руководитель научно-просветительских и культурных программ Фонда исторической перспективы.

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна — д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Сектора социальной философии Института философии РАН.

ШИШЕЛИНА Любовь Николаевна — д-р ист. наук, заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.

ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — д-р экон. наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Editorial Board

Москва
2026

Editorial Board

Editor in chief

Ekaterina NAROCHNITSKAYA — Ph.D. in History; Head of the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook; Leading Researcher, Institute of Europe RAS.

Managing editor

Elena SHTRYKOVA — Analyst at the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook.

Executive secretary

Anna SCHERBINA — Ph.D. in Philology, expert of the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook.

Members

Oxana GAMAN-GOLUTVINA — Doctor of Political Science, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Comparative Politics Department of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Professor at Higher School of Economics (HSE University).

Natalia KAPITONOVA — Doctor of History, Professor, Professor at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).

Natalia NAROCHNITSKAYA — Doctor of History, President of the Foundation for Historical Outlook; Foreign Member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation.

Yakov PLYAIS — Doctor of History, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Political Science Department of Financial University under the Government of the Russian Federation; Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Elena RUDAYA — Ph.D. in History, Head of Scientific, Educational, and Cultural Programs, Foundation for Historical Outlook.

Valentina FEDOTOVA — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy RAS.

Lyubov SHISHELINA — Doctor of History, Head of the Department of Central and Eastern European Studies, Institute of Europe RAS.

Petr YAKOVLEV — Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics.

Москва
2026

Содержание:

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПАС

Владимир ВАСИЛЬЕВ. Мифологизация истории США.
I. «Американская исключительность» и «явное предначертание» 8

АЗИАТСКИЙ МИР

Марина ТКАЧЕНКО. Демографический фактор экономического
благополучия Китая 24

АМЕРИКАНСКИЕ ДОСЬЕ

Николай КАЛАШНИКОВ, Людмила НИКОЛАЕВА. Трансформации на Кубе
и фактор США 37

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Алексей ШТРЫКОВ. Постамериканский Ирак: сценарии борьбы
внутренних и внешних сил и риски региональной дестабилизации 59

Фархад ИБРАГИМОВ. Мекканское соглашение как фактор формирования
многополярной архитектуры безопасности на Ближнем Востоке 68

Алексей ШТРЫКОВ. Эволюция йеменского кризиса: истоки,
логика и стратегический расчет движения «Ансар Аллах» 76

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Антон КРУТИКОВ. Военный представитель Италии при Ставке Верховного
главнокомандующего Маурицио Марсенго и его мемуары (1915–1917 гг.) 89

Authors 110

Abstracts and Keywords 111

Contents:

HISTORICAL COMPASS

Vladimir VASILIEV. Mythologizing US History.
I. American Exceptionalism and Manifest Destiny 8

ASIAN WORLD

Marina TKACHENKO. The Demographic Factor in China's Economic Prosperity 24

AMERICAN DOSSIERS

Nikolay KALASHNIKOV, Lyudmila NIKOLAEVA. Transformations
in Cuba and the US Factor 37

INTERNATIONAL RELATIONS

Alexey SHTRYKOV. Post-American Iraq: Scenarios of Internal
and External Power Struggles and Risks of Regional Destabilization 59

Farhad IBRAGIMOV. The Mecca Agreement as a Catalyst for a Multipolar Security
Architecture in the Middle East 68

Alexey SHTRYKOV. The Evolution of the Yemeni Crisis: The Origins, Logic,
and Strategic Calculus of the Ansar Allah Movement 76

BOOKSHELF

Anton KRUTIKOV. The Memoirs of Maurizio Marsengo: Italian Military
Representative at the Headquarters of the Supreme Commander (1915–1917) 89

Authors 110

Abstracts and Keywords 111

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПАС

DOI 10.32726/2411-3417-2026-3-8-22
УДК 93/94

Владимир Васильев

Мифологизация истории США. I. «Американская исключительность» и «явное предначертание»

Аннотация. *В статье анализируются тенденции современной американской историографии, где на фоне методологического кризиса усиливается роль мифологизированных нарративов. Дискуссии вокруг тезиса Ф. Фукуямы о «конце истории» рассматриваются как катализатор переосмысления критериев объективности и способов интерпретации прошлого. Автор обращается к античным образам, раскрывая идеи цикличности и потенциальной «программируемости» исторических процессов, и уделяет особое внимание культурному влиянию Эллады и Древнего Рима на американскую государственность, начиная с ее зарождения. Мифологемы «американской исключительности», «града на холме» и «явного предначертания» раскрываются как ключевые элементы гражданской религии и основы национальной идентичности американцев.*

Ключевые слова: *историография США, нарративизм, мифологемы, Ф. Фукуяма, конец истории, американская исключительность, град на холме, явное предначертание, Клио, цикличность исторических процессов.*

Публикация в конце 1980-х — начале 1990-х годов работ Ф. Фукуямы (в тот период сотрудника Государственного департамента США), объединенных общим названием «конец истории» и вызвавших огромный резонанс в академическом мире США и международном сообществе в целом, имела следствием в том числе результат, на который вряд ли рассчитывал сам автор.

Следует заметить, что выражение «конец истории» создавало путаницу и вводило в заблуждение. Такая оценка благоприятного для США исхода почти полувековой конфронтации с СССР, временами ставившей мир на грань глобальной ядерной катастрофы, могла быть воспринята по меньшей мере двояко. Ясно, что речь шла просто об окончании периода американской (и мировой) истории, который прочно вошел в летописные анналы как холодная война. Но такое понимание поворотного момента в конце XX в. было бы слишком обыденным и приземленным, не говоря о том, что имело явный оттенок очевидности. И Ф. Фукуяма, достаточно искусственно пристегнув к, по сути, «информационному меморандуму» внешнеполитического ведомства США философию истории Г.В.Ф. Гегеля и исторический материализм К. Маркса, внес немалую сумятицу в теоретические построения американских философов и политологов для которых ев-

Сведения об авторе: *ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич — главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, vsvasiliev@mail.ru.*

ропейские традиции диалектического понимания хода исторических и экономических процессов были совершенно чужды именно по причине того, что историческая эволюция США как страны «Нового света», в корне отличалась от становления общественно-исторических формаций европейских стран «Старого света».

Однако «сухой остаток» беспощадной критики, которой подверглись работы Ф. Фукуямы того периода [См., напр.: Рудакова] и справедливость которой он впоследствии признал [1], свелся к одному чрезвычайно интересному следствию, за который ему должны быть благодарны прежде всего именно американские историки. В XXI в. проблемы характера, направленности и глубинного смысла исторических процессов постепенно сместились с периферии в центр интересов и дебатов американских и западных обществоведов. Как указал в этой связи американо-британский историк (античности и раннего Средневековья) доцент М. Келли, в течение последних нескольких десятилетий «ученые приветствовали конец истории и провозглашали ее возрождение. ...В СМИ легко найти утверждения о том, что читатели и зрители «становятся свидетелями» истории (или «потребляют» ее), что определенные события, от конкурсов по поеданию пирогов до военных катастроф и природных явлений, являются «историческими». И даже государственные органы также стали частью этой тенденции: например, Сенат США в 2006 г. сформулировал официальное определение истории, согласно которому ее следует рассматривать как инструмент для понимания прошлого и решения проблем будущего» [Kelly, Rose. P. 1].

«Культурологические войны» англосаксонских историков

Общий вектор радикальной трансформации американских исторических исследований в конце XX и первой четверти XXI в. заключался в резком расширении круга традиционных и появлении принципиально новых теорий истории и исторических процессов. В результате в современной исторической науке США возникла ситуация методологической «Вавилонской башни», которую финский историк проф. П. Хаапала определил как «эпистемологический кризис историографии». Этот кризис «породил путаницу, неопределенность, критику бесполезного релятивизма, обвинения в политическом волюнтаризме и в конечном итоге утверждения о наступлении «эпохи постправды», во что историография также внесла свой вклад» [Haapala. P.13].

Фронтальный удар по более или менее цельным концепциям исторических процессов в США был нанесен именно на рубеже XX–XXI вв. Исходные основы, которые имплицитно базировались на представлениях о белых англосаксонских протестантах как творцах и перманентных лидерах американской цивилизации на протяжении большей части ее существования, подверглись жесткому критическому разбору в логике идеологем «критической расовой теории».

В методологическом плане на центр тяжести дебатов о смысле и направленности исторических процессов указывали споры о принципе их представления. Как излагать историю — в концептуально-теоретической форме или в виде повествования

(нарратива)? Концептуально-теоретическая форма изложения возводила историю на уровень **науки**, и на первый план выдвигалась проблема научной объективности или истинности событий и явлений прошлых эпох.

Культурологические войны, которые стали набирать обороты в американском обществе в 1990-е годы, распространились на многие сферы общественных отношений, в том числе и на историческую науку. Более того, по мнению ряда ученых (в частности британского историка Р. Приста) идеологема культурологической войны может считаться частью исторической науки, поскольку «концепция культурной войны всегда содержала в себе исторический контекст» [Priest. P. 103]. На поле исторической науки культурологические войны означали бескомпромиссное столкновение «исторических правд» о событиях и процессах, имевших место в прошлом. В перспективе это грозило распространением синдрома «конца истории» и на историческую науку как таковую. И тогда взоры сообщества историков обратились к наследию одного из самых известных мыслителей второй половины XX в., французского историка и философа М. Фуко (1926–1984), который выступил в качестве своеобразного арбитра враждующих лагерей англосаксонских летописцев.

Конечным итогом изысканий М. Фуко в области философии истории считается создание парадигмы исторического релятивизма, которую правильнее было назвать парадигмой относительности исторических знаний как таковых. Фактически Фуко отказал истории в праве называться наукой, полагая, что наукой в истинном смысле слова могут быть только естественнонаучные дисциплины, такие как математика, физика, астрономия, химия, биология и ряд других отраслей знаний о природе и мироздании. (В этом отношении французский философ был далеко не оригинален. В частности, аналогичного подхода придерживается Нобелевский комитет, который из всех общественных дисциплин причисляет к науке только экономику, да и то с рядом существенных оговорок.)

В работе «Археология знания», увидевшей свет в 1969 г., М. Фуко сформулировал критерий *объективной истины* для исторической науки, заимствованный из математики, придав ему (как и ряду других барьеров, за которые в обязательном порядке должна переступить наука, претендующая на провозглашение универсальных и общепризнанных истин) значение *порога позитивности*. Свой выбор французский мыслитель обосновал тем, что, «вероятно, существует только одна наука, в которой невозможно ни выделить эти различные пороги, ни описать подобную совокупность смещений между ними: это математика, единственная дискурсивная практика, сразу переступившая порог позитивности, порог эпистемологизации, пороги научности и формализации» [Фуко. С. 345]. И далее, в своей парадоксальной манере, Фуко подчеркнул, что математика создала практически недостижимый стандарт идеальности, поскольку зарождение математики «рассматривается не как историческое событие, а, скорее, как принцип историчности» [Там же. С. 346].

Иными словами, истина в идеале должна носить «самоочевидный характер», что абсолютно неприменимо к исторической науке, поскольку современные историки «по

определению» не могут иметь «истинного» представления и понимания событий прошлого, в которых они не участвовали и которые не переживали «эмпирически». С этой точки зрения истина в исторической науке является продуктом постоянных поисков и открытий, совершаемых каждым следующим поколением историков, и в этом плане их исследования сродни изысканиям археологов, вынужденных в прямом смысле слова «докапываться» до истин. Как указал в этой связи американский философ Дон Дир, «истина связана с историей в модальности события, что требует изучения условий его возникновения и географии его воплощения. Истина создается в определенных обстоятельствах и порождает определенный набор поведенческих моделей и ограничений. Событие-истина противостоит понятию самоочевидной доказательной истины, которую можно найти в любом месте и в любое время независимо от обстоятельств» [Deere. P. 518].

Потеря исторической наукой твердой «научной» почвы под ногами, основанной на выверенных как швейцарские часы закономерностях, применительно к истории США имело два принципиально важных следствия. Во-первых, историческая достоверность стала все больше определяться своего рода режимами истинности, основанными на «неопределенностях, вероятностях и возможностях» [Benvenuto]. Во-вторых, историческая наука все отчетливее стала обретать черты нарратива. Достоинства «нарративного понимания» состояли в том, что оно открывало большие перспективы для поколения историков, пик творческой активности которых начался в период «постправды». Они получили возможность стать *субъективными* творцами исторического прошлого, не особенно нуждаясь в обременении «достоверными» фактами и общепризнанной трактовкой смысла и направленности исторических процессов.

Начало развороту в сторону нарративизма, или так называемому лингвистическому повороту в исторической науке, было положено еще в первой половине 1970-х годов работой известного американского историка и филолога Хейдена Уайта (1928–2018) «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в.» [White]. Х. Уайт сфокусировал внимание на том, что труды историков имеют четко прослеживаемую лингвистическую структуру, в рамках которой излагаемые «факты» и «события» представлены, как правило, в форме «исторического повествования», причем объединяемые такой литературной формой метафоры, ирония, синекдохи и метонимии имеют такое же, если не большее, значение для понимания логики исторических процессов [Kleinberg. P. 691]. Эта и ряд других работ Х. Уайта привели к тому, что американские историки в XXI в. сочли необходимым «внимательно изучать понятие протяженного во времени воображения как основополагающее для построения общей картины осознаваемой нами реальности» [Philosophy of History… P. 42].

Прогрессирующее усиление позиций и влияния исследователей-нарративистов в американском историческом сообществе объективно породило опасность широкого использования трактовки исторических фактов и событий в качестве снарядов и стрел в современных политико-идеологических баталиях. Главным критерием нарративной исторической истины становится то, что «она воспринимается как хорошая, правильная,

согласуясь с вашей идентичностью и эмоциями. История не существует независимо от историографического повествования о ней, и это повествование — не о прошлом, а об идентичности и эмоциях пишущих; оно неотличимо от художественной литературы» [Там же. P. 161].

Лингвистическая трактовка исторических процессов оказала неоднозначное и во многом противоречивое влияние на современную историческую науку. Американские историки, профессиональное становление которых произошло в период господства «аналитической истории», с тревогой заговорили о наступлении «эпохи поверхностной историзации», когда историческая наука потеряла теоретичность, а «широкая публика и студенты наших [американских] университетов перестали видеть причины обращаться к истории как к научной дисциплине или инструменту критики» [Там же. P. 85]. Однако историки, воспринявшие логику понимания исторических процессов Х. Уайта, по сути повернувшего американскую историческую науку к «спекулятивной философии» XIX в., наоборот, стали считать его работы «общей точкой отсчета для философов истории, занимающихся самыми разными проектами…» [Paul. P. 20].

К мифо-поэтическим истокам: в поисках прафеномена исторической науки

Западная историческая литература, восходящая своими истоками к античности, к Древней Греции, на протяжении тысячелетий существовала в мифо-поэтической форме, а в средние века была окрашена еще и в религиозные тона. Иными словами, традиционно история всегда существовала в форме нарративов. Сам термин «история», происходящий от древнегреческого слова **ἱστορία**, буквально означает «расспрашивание» и «получение сведений путем расспросов». Как замечает британо-канадский историк Д. Вулф, неслучайно «английское слово «history» (в более узком смысле понимаемое как повествование в письменной форме о Прошлом) имеет множество похожих вариантов на европейских языках: *histoire* на французском, *Geschichte* на немецком, *storia* на итальянском и *dzieje* на польском» [Woolf. P. 2].

В древнегреческой мифологии «термин «муза» обозначает любую из девяти дочерей Зевса и богини памяти Мнемозины, которые считались покровительницами определенных искусств и наук и отвечали за них. В своей мудрости греки назначили этих Муз — девять дочерей (богинь) — всем известным тогда дисциплинам, и Клио стала музой истории. Соответственно, в академическом дискурсе **Клио просто означает историю**» [Adjepong et al. P. 324].

Однако мифопоэтический мыслеобраз Клио заслуживает тщательного рассмотрения — как возможной носительницы базового алгоритма исторической науки, подчиняющегося строго определенным закономерностям, причинно-следственным связям и циклическим процессам. Среди девяти муз семь стали покровительницами искусств, более всего ценимых древними греками, в том числе поэзии, трагедии и комедии. И только две получили в качестве сфер ответственности науки — астрономию (Урания) и историю (Клио). Эти науки уже в тот период фактически считались фундаменталь-

ными отраслями человеческих знаний, и этот их статус сохранился вплоть до наших дней. тот факт, что Урания и Клио являлись сестрами, дает основания предположить, что в сознании древних греков астрономия и история являлись родственными дисциплинами, воплощая общие базовые закономерности мироустройства Небесной (астрономия) и Земной (история) сфер. В этой логике, подобно тому как астрономия — от древнегреческих слов ***ἄστρον*** (звезда) и ***νόμος*** (закон), — базируется на законах небесной механики, так и история зиждется на не менее строгих закономерностях хода исторических процессов.

В основе общности астрономии и истории в понимании древних греков лежала циклическая природа небесных и земных явлений и процессов. Цикл дня и ночи и смена времен года проистекали из закономерностей движения небесных тел. Рождение и смерть самих греков также подчинялись циклической закономерности. Цикличность природных и социальных процессов упорядочивала хаотичность повседневной жизни: «суть цикла заключалась в устранении изменчивости, а смысл циклического понимания времени в конечном итоге вел к устранению самого времени» [Liu, Huang. P. 93]. Последнее достаточно парадоксальное умозаключение проистекает из античного фаталистического понимания сути истории, согласно которому она была всего лишь повторением предопределенных событий, неподвластных человеческой воле. Таким образом, для древнегреческих историков история не имеет начала, конца или цели, а является лишь круговым повторением событий, главным образом — разрушительных войн, периодически сотрясавших Пелопоннесский полуостров.

Древнегреческие поэты и рапсоды, такие как Гесиод и Гомер, жившие и творившие в период примерно от 750 до 650 г. до н.э., указывали на инспирации духовного мира при создании своих мифологических поэм. Например, Гесиод в «Теогонии» так охарактеризовал роль муз в своем становлении:

Песням прекрасным своим обучили они Гесиода.
В те времена, как овец под священным он пас Геликоном.
Прежде всего обратились ко мне со словами такими
Дщери великого Зевса-царя, олимпийские музы:

«Эй, пастухи полевые, несчастные, брюхо сплошное!
Много умеем мы лжи рассказать за чистейшую правду.
Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем!»
Так мне сказали в рассказах искусные дочери Зевса [2].

Гесиод свидетельствует о своем прямом общении с музами, при этом многозначительно добавляя, что их наставничество свелось к тому, что они научили его отличать правду от лжи. Как указал в этой связи известный американский специалист по античности проф. Т. Скэнлон, эта оговорка «также согласуется с греческим представлением о том, что поэты и пророки не могут раскрыть волю богов без загадочного затемнения» [Scanlon. P. 8].

Представители более позднего периода в эволюции древнегреческой историографии, считающиеся основоположниками «письменной» исторической науки, такие как Геродот (484–425 гг. до н.э.) и Фукидид (460–400 гг. до н.э.), также напрямую связали свои труды с влиянием муз. Каждая из девяти книг, составляющих «Историю» Геродота, посвящена той или иной из муз, причем первая книга — как раз Клио, и она начинается с весьма примечательного пассажа: «Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния, как эллинов, так и варваров, не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом» [Геродот. С. 2].

Фукидид в «Истории Пелопоннесской войны» раскрыл содержание своего метода, который исходил из периодической повторяемости исторических событий, главным образом войн. Он сделал особый упор на том, что его «труд создан как достояние навеки, а не для минутного успеха у слушателей». «Мое исследование при отсутствии в нем всего баснословного, быть может, покажется малопривлекательным. Но если кто захочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде), то для меня будет достаточно, если он сочтет мои изыскания полезными» [Фукидид. С. 17].

Вышеприведенные сентенции древнегреческих авторов свидетельствуют, что субъективно воспринимаемое ими духовное водительство муз, в том числе Клио, вдохновляло историков на протяжении веков. Этот вывод побуждает более внимательно отнестись к дошедшему до нас содержанию рисуемого древнегреческим мифом образа Клио, духовной родоначальницы исторической науки. Свое имя муза истории получила от греческого слова *kleos*, что означает «слава» или «известность» и отражает ее роль в сохранении памяти о значимых событиях и личностях.

Самым знаковым атрибутом образа Клио является книга в ее руках, символизирующая письменные записи об исторических событиях и творивших их героях. Принято считать, что она содержит простую хронологию исторических событий, сформатированных в линейной последовательности. Но если учесть, что древние греки воспринимали историю как повторяемый циклический процесс, исторический круговорот, подобный смене времен года, то книга Клио содержит не только летопись событий прошлого, но и является сценарным сюжетом возможных событий будущего. В итоге этот образ говорил о возможности духовного воздействия на ход исторических процессов и даже управления ими, основанного на их периодической повторяемости (говоря современным языком — программируемости) в потоке исторического Времени.

При такой трактовке роли Клио в исторических процессах в античные времена, в несколько иных ракурсах предстают еще три символа, неразрывно связанных с ее образом: лира, лавровый венок и труба. С их помощью она по сути и «управляет» ходом очередного исторического цикла, «память» о котором задана предыдущим кругообо-

ротом событий. Основное назначение ***лиры*** – с помощью поэзии и песен обеспечить повторение на этапе нового исторического цикла основных прошлых сценариев. ***Лавровый венок*** призван отметить (или не отметить) выдающуюся роль, сыгранную очередным актером в исторической «трагедии» или «комедии» жизни, а ***труба*** возвещает об успешном окончании очередного исторического цикла.

Тем самым Клио в художественных (нарративных) образах сохраняет историческую память о прошлом путем не только ***увековечивания*** его событий и имен, но и предавая забвению те эпизоды минувшего, которые ***надлежит забыть***.

Центральная роль образа Клио сохранилась вплоть до наших дней, поскольку и сейчас она «остается мощным символом важности истории, напоминая современникам, что понимание прошлого имеет важное значение для прокладывания куса в будущем. Клио зримо воплощает идею о том, что история — это не просто запись того, что произошло, но источник мудрости, самобытности и культурной преемственности» [Clio].

Отметим, что культурологические войны англо-американских историков в XXI в. породили следствие, которое испанский историк Х. Фернандес охарактеризовал как повторное «возведение на трон» Клио. Аналитическая историческая наука имела практически непреодолимые барьеры для изучения и постижения далекого прошлого, поскольку брала за основу анализа мифы и труды древних историков. В частности, история античности в изложении современных ученых неизменно была и будет не чем иным, как интерпретационным нарративом — старым или новым, но она никогда не будет иметь «прямого доступа к прошлому» [Fernández. P.12].

В условиях кризиса академической исторической науки на Западе история, понимаемая и как нарратив, и как сухой текст, должна быть «блестяще риторически изложена», пронизана «поэтическим воображением», призванным в конечном итоге постигнуть историческую истину. Как подчеркивает испанский историк, «на протяжении последних двух тысяч лет риторика ценилась всегда; поэтическое воображение — не так часто; а язык как средство открытия миров — почти никогда. Западная историческая академическая среда страдает от постоянной *семиофобии*» [Fernández. P.17].

Однако американская историография зарождения и первых этапов становления США всегда стояла особняком от основных течений западной историографии, поскольку с самого начала строилась на представлениях об американской исключительности и «явном предначертании».

«Божественное предначертание» как «книга судьбы» североамериканской цивилизации

С момента своего рождения 4 июля 1776 г. США позиционировали себя как наследников идей демократии Античной Греции и государственности Древнего Рима. В специальной публикации Фонда адвокатов шт. Индиана, посвященной характеристике ан-

тичных истоков США, подчеркивается, что «одним из наиболее значительных вкладов Древней Греции в государственное устройство Соединенных Штатов является идея демократии. В древних Афинах граждане имели право участвовать в принятии решений и высказываться о том, как должно осуществляться управление их городом-государством» [Ancient Roots...].

Не менее значимое влияние Древнего Рима выразилось в том, что США заимствовали у римлян «концепцию разделения властей, разделив свое правительство на три ветви: исполнительную, законодательную и судебную. Эта система обеспечивала баланс сил, предотвращая чрезмерную концентрацию власти в руках какого-либо лица или группы лиц» [Там же].

Стремление отцов-основателей США, таких как Дж. Вашингтон, Дж. Адамс, Т. Джефферсон и Дж. Мэдисон, во всем «подражать античности» сказалось и на архитектуре столицы США. Важнейшее здание г. Вашингтона — Капитолий — заимствовало многие элементы своего облика у древнеримского Пантеона. Впоследствии здания Центрального железнодорожного вокзала, мемориала Линкольна, Национального архива, Верховного суда, Национальной галереи искусств и мемориала Джефферсона также строились «по образу и подобию» сооружений Древнего Рима.

Однако самое большое влияние на умонастроения отцов-основателей США оказали Геродот, Фукидид и другие античные историки, чьи труды оставались во второй половине XVIII в. единственным источником информации о политическом и государственном устройстве древнегреческих полисов и Римской республики. Основатели США усиленно штудировали их работы, «сочинения Фукидида, Тацита, Ливия, Саллюста, Полибия, Плутарха и, прежде всего, Цицерона постоянно цитировались основателями в защиту республиканизма, основанного на идеях Просвещения. Наряду с политическими сочинениями, похвалы часто удостаивались деятели, известные образцовой нравственностью, — как пример для подражания» [Meany]. При этом создатели США были прямо-таки загипнотизированы «красноречием античных историков, их искусством повествования и почти всеобщим восхищением, которое вызывали их труды, — все это вместе взятое способствовало подавлению их инстинктов критического отношения к античности. Они буквально восприняли тексты их сочинений как собственные догматы веры, в значительной мере проигнорировав аристократические и иные наклонности античных историков» [Richard. P. 21].

Отцы-основатели США стремились не только положить в фундамент американской государственности идеи и представления античных историков, но и создать на Североамериканском континенте республику, которая явилась бы «живым» примером для современного мира. Б. Франклин, по праву считающийся «интеллектуальным архитектором» США, в своем благодарственном письме испанскому принцу Габриэлю Испанскому за присланный сборник трудов древнеримского историка Гая Саллюстия Криспа, с сожалением отмечал, что никаких равных по значимости творений американских авторов он ему послать не может, поскольку «музы едва ли успели посетить наши отда-

ленные регионы». Но в письме выражалась надежда, что в скором времени он вышлет документы о «первых шагах» молодого американского государства, «которое, по всей видимости, вскоре будет играть важную роль в делах человечества» [The Works… P. 93].

Дж. Вильсон, юрист, политик и государствовед, числящийся соавтором Дж. Мэдисона в составлении Конституции США, прямо указал на роль и влияние Фукидида в создании молодой американской республики, подчеркнув, что «если когда-нибудь в будущем появятся новые Ксенофонты Афинские или Фукидиды, чтобы отдать должное добродетелям и поступкам основателей Америки, то только по причине того, что ее слава будет равна или даже затмит славу Греции» [Richard. P. 20].

С трудами древнегреческих и древнеримских историков, которые легли в идейный фундамент США при их конституировании, Североамериканский континент не мог не стать восприимчивым и к духовным инспирациям музы истории Клио. Прежде всего это выразилось в создании основополагающего мифа, необходимость которого «по очевидным причинам ощущалась нацией, основанной в порядке эксперимента и поддерживаемой иммиграцией» [Donoghue. P. 7]. «В Соединенных Штатах, чья история в очень большой степени является историей трансформации протестантизма в гражданскую религию, основополагающий миф принял форму мифа о завете. Считается, что нация с самого начала взяла на себя обязательство, будь то перед Богом, историей или человечеством, соблюдать определенные принципы и что задача историка — выяснить, как было принято это обязательство, каковы эти принципы и был ли завет соблюден или ему позволили утратить силу» [Там же].

Следует иметь в виду одно чрезвычайно важное обстоятельство: в отличие от древнегреческих мифов, которые относились к давно канувшей в Лету цивилизации, американский (почти библейский!) миф об Америке как о «***граде на холме***», возникший уже в 1630 г. в мироощущении первых поселенцев из Англии на территории современного штата Массачусетс и ставший главной составляющей мифологии США, лег в фундамент *американской мечты* практически всех американских поколений. Мифологема «града на холме» остается «живым» мифом. Как отмечал американский поэт и публицист Дж. Парини, «*идея* Америки — так называемая американская мечта, которая лежит в основе нашего национального нарратива, — по-настоящему появилась с Декларацией независимости, успешной войной за отделение от Великобритании и принятием Конституции, выразившей представление Америки о своем идеальном «я» в юридических терминах, которые приобрели почти религиозный ореол» [Parini. P. 54].

Именно изначальная религиозная составляющая мифологемы «града на холме» с течением времени выдвинула на первый план культурный архетип божественного Провидения, которое, как утверждается, на всем протяжении становления и существования США направляет их на тернистом пути цивилизационного восхождения к вершинам эволюционного развития. И одним из главных проявлений направляющей роли Провидения в развитии Америки стали преподноситься почти мистические совпадения в летописи исторических событий, переживавшихся американским обществом.

Первым совпадением такого рода явилась одновременная кончина 4 июля 1826 г. двух отцов-основателей США — второго и третьего президентов Дж. Адамса (1735–1826) и Т. Джефферсона (1743–1826). Причем случилось это не просто в день национального праздника, а в 50-ю годовщину рождения страны. Двойное совпадение произвело неизгладимое впечатление на Америку, в глазах которой стечения обстоятельств было «явно недостаточно, чтобы объяснить произошедшее: это казалось очевидным для американцев в 1826 г., как и для их современных соотечественников. Жутковатые события того эпохального Дня независимости предполагали вмешательство сверхъестественных сил, смешавших смерть и преданность столь впечатляющим образом, что представители всех вероисповеданий, равно как и неверующие, увидели в американских делах руку судьбы. Даже теперь, после почти двухсот лет бурной истории, воспоминания о том четвертом июля могут заставить даже наиболее скептически настроенных ученых признать странные, чудесные аспекты в становлении Республики и вновь обратиться к старой, приводящей в замешательство идее о том, что Бог проявляет особую нежность к американскому эксперименту» [Medved. P. 1].

Именно мистические события подобного рода привели к появлению в середине 1840-х годов еще одной резонансной мифологемы — о «явном предначертании» Америки («Manifest Destiny»). Аллегорию этой мифологемы в 1872 г. изобразил американский художник немецкого происхождения Дж. Гаст на картине «Американский прогресс». Это полотно, ставшее самой его известной работой, вплоть до настоящего времени изучается в курсе американской истории в средних школах и университетах (рис. 1).

Рис. 1. Американский прогресс (Дж. Гаст, 1872 г.)

Картина Дж. Гаста периодически использовалась для различного рода интерпретаций «предопределенности» пути американского исторического развития в том или ином плане — от географической экспансии США к Тихоокеанскому побережью до современной трансформации в глобальную сверхдержаву. В XXI же столетии полотно все чаще служит иллюстрацией в ходе критического переосмысления идеалов прогресса и процветания, ассоциируемых с XIX в.

Крайне важно, что картина Дж. Гаста представляет американскую историю в виде мифологического нарратива. В центре картины изображена Колумбия — богоподобный образ самой Америки, которая «из духовных высей» направляет американское общественное развитие. Каноническая трактовка изображения сводится к тому, что в правой руке Колумбия «держит книгу — обычный школьный учебник — символ образования и свидетельство нашего [американцев] национального просвещения, а левой рукой разворачивает и натягивает тонкие провода телеграфа, которые должны передавать информацию по всей стране» [Sandweiss].

Вместе с тем, как отмечают сами американские историки, «картина намекает на прошлое, представляет фантастическую версию развивающегося настоящего и, наконец, излагает видение будущего. Статичная картина передает динамичную историю» [Там же]. Таким образом, ее вполне можно интерпретировать как наглядное представление прафеномена американской истории. По всей видимости, это *европейский взгляд* на американскую историю, поскольку художник Дж. Гарт длительное время жил и учился в Берлине и Париже. (В связи с этим можно вспомнить, что, например, самый известный панегирик американской демократии принадлежит французу А. де Токвилю.)

Проамериканские представления европейцев об Америке были всегда окрашены в мифологические тона, в отличие от нередко «приземленных» взглядов самих американцев. Наиболее ярким символом здесь служит Статуя Свободы в г. Нью-Йорке, подаренная Соединенным Штатам Францией в середине 1880-х годов. Богиню Колумбию вполне можно представить как музу американской истории, и тогда книга «американской Судьбы» в ее правой руке вполне соответствует аналогичному фрагменту изображения Клио, созданного французским художником П. Миньяром в 1689 г. Да и сама мифологема «предопределенности судьбы» предполагает алгоритм предсказуемости и программируемости исторических процессов в прошлом и будущем. Кроме того, на картине Дж. Гаста имеется одна необъясненная деталь: бухта проволоки висит на правой руке богини и непосредственно примыкает к книге. Можно предположить, что проволока означает невидимые «духовные скрепы», которые трансформируют исторические сценарии в повседневную реальность.

Индейцы, изображенные на картине, в ужасе бегут скорее не от американцев как таковых, а от Колумбии. С учетом этого «Американский прогресс» Дж. Гаста можно трактовать как столкновение «не на жизнь, а на смерть» двух фундаментально разных представлений о ходе исторического времени. Проводная связь и виды транспортных средств, изображенные на картине, однозначно выражают линейное понимание хода

(«нарастающего и прогрессирующего») исторического времени, привнесенное переселенцами из Европы и радикально расходящееся с античными взглядами на историю, равно как и с представлениями коренных народов Северной Америки.

Статья II следует

Примечания

1. С наступлением XXI в. Ф. Фукуяма стал постепенно отходить от резонансного словосочетания «конец истории» и последовательно развивать идею о том, что история продолжается, поскольку имеет место поступательный научно-технический прогресс, главным образом, в сфере информационно-коммуникационных технологий. Однако после президентских выборов 2016 г., когда Д. Трамп стал 45-ым президентом США, наступил «конец конца истории» 1989 г., и эта не менее резонансная концовка историко-философских метаний профессора Стэнфордского университета заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее. В октябре 2018 г. британское издание New Statesman вышло с кричащим заголовком: «Ф. Фукуяма говорит, что социализм должен вернуться». В ходе интервью американский философ заявил: «...всё зависит от того, что вы подразумеваете под социализмом. Собственность на средства производства — за исключением тех областей, где она явно необходима, например, коммунальные предприятия — я не думаю, что это сработает. Если же вы имеете в виду программы перераспределения, которые пытаются исправить тот большой дисбаланс доходов и богатства, который возник, то да, я думаю, что социализм не только может, но и должен вернуться. Длительный период, начавшийся при Рейгане и Тэтчер, в течение которого укоренились определенные идеи о преимуществах нерегулируемых рынков, во многом имел катастрофические последствия... На данном этапе мне кажется, что некоторые вещи, сказанные Карлом Марксом, оказываются правдой. Он говорил о кризисе перепроизводства... о том, что рабочие будут бедствовать, а спрос будет недостаточным» [Eaton]. Это высказывание Ф. Фукуямы лучше всяких слов говорит о том, что исторический процесс не является линейным, а подчиняется циклическим закономерностям.

2. См. Гесиод. Полное собрание текстов. Москва: Лабиринт. 2001. С. 21.

Литература

Геродот. История. М. 2004. 638 с.

Рудакова А.Л. Концепция конца истории Ф. Фукуямы и её антропологический смысл // Вестник МГОУ. 2015. № 4. С. 110-118. — DOI: 10.18384/2310-7227-2015-4-110-118 (дата обращения: 18.09.2026).

Фукидид. История. Москва. 2022. 896 с.

Фуко М. Археология знания. СПб. 2004. 416 с.

Adjepong A., Oppong Ch., Kachim J. 'Clio' in Danger: The Causes, Condition and Consequences of the Decline of Interest in History in Perspective // E-Journal of Humanities, Arts and Social Sciences. 2023. Vol. 4. No. 3. P. 324–356. — URL: doi.org/10.38159/ehass.20234312 (date of access: 19.09.2026).

Ancient Roots of the United States Government: Greek and Roman Influence. // Indiana Bar Foundation. — URL: inbarfoundation.org/wp-content/uploads/2023/11/Standard-15-Lesson-3-Greek-and-Roman-Influences-on-the-US-Government-1.pdf (date of access: 21.09.2026).

Benvenuto S. Michel Foucault: Telling the Truth on the History of Truth // Philosophy World Democracy. 29 October 2024. — URL: philosophy-world-democracy.org/posts/article/michel-foucault-telling-the-truth-on-the-hi... (date of access: 15.09.2026).

Clio. // Clio History Society. — URL: clio-society.com/?page_id=13 (date of access: 20.09.2026).

Deere D. Truth. // The Cambridge Foucault Lexicon. / Ed. by Lawlor L., Nale J. Cambrige. 2014. P. 517–527. — URL: philpapers.org/archive/DEEQ.pdf (date of access: 19.09.2026).

Donoghue D. Introduction. // On the American Narrative. // Dædalus. Journal of the American Academy of Arts & Sciences. Winter 2012. P. 5–10. — URL: amacad.org/sites/default/files/daedalus/downloads/Wi2012_On-American-Narrative.pdf (date of access: 21.09.2026).

Eaton G. Francis Fukuyama interview: "Socialism ought to come back". The End of History author on what Karl Marx got right, the rivals to liberal democracy and why he fears a US-China war // The New Statesman. 17.10.2018. — URL: newstatesman.com/politics/2018/10/francis-fukuyama-interview-socialism-ought-come-back (дата обращения: 20.09.2026).

Fernández J. The Ages of Clio: What a semiotic history of historiography looks like. 2017. P. 12. — URL: academia.edu/43158871/The_Ages_of_Clio_What_a_semiotic_history_of_historiography_looks_like (date of access: 21.09.2026).

Haapala P. Experience and Explanation: What the History of Experiences Can Add to Historical Understanding // Cultural History. February, 2025. Vol. 13. Issue supplement. P. 10–34. — DOI: 10.3366/cult.2024.0317 (date of access: 19.09.2026).

Kelly M., Rose A. Theories of History, History Read across the Humanities. N.Y. 2018. 264 p.

Kleinberg E. Hayden White: In Memoriam // The Historian. 2018. Vol. 80. Issue 4. P. 691–704. — URL: doi.org/10.1111/hisn.12998 (date of access: 19.09.2026).

Liu Z., Huang A. The Evolution of the Concept of Time: From the Cyclical Theory of Ancient Greece to the Ontological Reconstruction of Modern Subjective Rationality // Journal of Research in Philosophy and History. 2025. Vol. 8. No. 1. P. 92–97. — URL: dx.doi.org/10.22158/jrph.v8n1p92 (date of access: 20.09.2026).

Meany P. First Principles: What America's Founders Learned from the Greeks and Romans and How That Shaped Our Country (Book Review) // Cato Journal. Spring/Summer 2021. — URL: cato.org/sites/cato.org/files/2021-05/cj-v41n2-20.pdf (date of access: 21.09.2026).

Medved M. The American Miracle: Divine Providence in the Rise of the Republic. N.Y. 2016. 416 p.

Parini J. The American Mythos. // On the American Narrative. // Dædalus. Journal of the American Academy of Arts & Sciences. Winter 2012. P. 52–60. — URL: amacad.org/sites/default/files/daedalus/downloads/Wi2012_On-American-Narrative.pdf (date of access: 21.09.2026).

Paul H. A Loosely Knit Network: Philosophy of History After Hayden White // Journal of the Philosophy of History. 2019. Vol. 13. Issue 1. P. 3-20. — DOI: 10.1163/18722636-12341413 (date of access: 19.09.2026).

Philosophy of History. Twenty First Century Perspectives. / Ed. by Kuukkanen J.-M. London, N.Y. 2021. 312 p.

Priest R. Culture War: A Useful Category of Historical Analysis? // History Workshop Journal. Vol. 100. Issue 1. Autumn 2025. P. 101–121. — URL: doi.org/10.1093/hwj/dbaf021 (date of access: 19.09.2026).

Richard C. Greeks and Roman Bearing Fifts. How the Ancients Inspired the Founding Fathers. N.Y. 2008. xi+203 p.

Sandweiss M. John Gast, American Progress, 1872. // Picturing U.S. History. — URL: web.archive.org/web/20140615021554/http://picturinghistory.gc.cuny.edu/item.php?item_id=180 (date of access: 21.09.2026).

Scanlon T. Greek Historiography. Oxford. 2015. 315 p.

White H. Metahistory: Thye Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore. 1973. 448 p.

Woolf D. A Concise History of History. Global Historiography from Antiquity to the Present. Cambridge. 2019. 358 p.

The Works of Benjamin Franklin in Twelve Volumes. Federal Edition. // Ed. by Bigelow J. Volume VII. N.Y. 1904. xiv + 456 p.

АЗИАТСКИЙ МИР

DOI 10.32726/2411-3417-2026-3-24-35
УДК 338.2(510):314

Марина Ткаченко

Демографический фактор экономического благополучия Китая

Аннотация. *Несколько десятилетий, прошедшие с начала политики реформ и открытости наглядно продемонстрировали значимую роль демографического фактора, и прежде всего, наличия многочисленной, растущей и дешевой рабочей силы в экономическом развитии Китая. Теперь КНР превращается в страну, где благополучие все больше зависит от того, насколько эффективно используются ее сокращающиеся человеческие ресурсы. Поэтому демографический спад в Китае следует рассматривать не только как социальную проблему, но и как структурный экономический фактор. Демография во многом определяет, сможет ли Китай сохранить высокие темпы экономического роста и создать принципиально новую модель экономического благополучия.*

Ключевые слова: *Китай, КНР, депопуляция, демографический кризис, старение населения, производительность труда, цифровизация, серебряная экономика.*

Оценка новых демографических вызовов для Китая

Китай находится на пороге серьезных демографических изменений. Расчеты на основе ежегодных данных Национального бюро статистики Китая показывают устойчивое замедление роста численности населения страны. В 2002 г. численность населения увеличилась на 0,647% по сравнению с предыдущим годом. В течение 2000-х годов ежегодный темп прироста постепенно снизился примерно до 0,48–0,53%. Если временной промежуток с 2011 по 2017 г. можно охарактеризовать как период относительной стабилизации, то впоследствии замедление ускорилось. В 2017 г. население выросло на 0,533%, в 2018 г. — лишь на 0,381%, а в 2019 г. — на 0,335%. В 2021 г. прирост фактически приблизился к нулю: численность населения увеличилась только на 480 тыс. человек, или на 0,034% по отношению к предыдущему году [National Bureau of Statistics...].

Таким образом, еще до перехода Китая к сокращению населения в 2022 г. статистика фиксировала практически полное исчерпание экстенсивного роста населения. В абсолютных показателях падение ежегодного прироста населения с 8,26 млн человек в 2002 г. до 0,48 млн человек в 2021 г. выглядит еще более наглядно. Последующие годы продемонстрировали устойчивую убыль населения, а к концу 2025 г. сокращение

Сведения об авторе: *ТКАЧЕНКО Марина Федоровна — заведующая кафедрой отраслевой экономики Дипломатической академии МГИМО МИД России, доктор экономических наук, профессор, marstav251280@gmail.com.*

численности стало самым масштабным после начала периода убыли, составив 3,39 млн человек за год, что на 2 млн человек больше, чем в предыдущем аналогичном периоде [Там же].

Сокращение численности населения в Китае происходит на фоне фундаментальных изменений в возрастной структуре. Данные выборочного опроса 1% населения в 2005 и 2025 г. продемонстрировали, что число детей от 0 до14 лет в 2025 г. по сравнению с 2005 г. сократилось с 264,78 до 214,36 млн, тогда как население 60+ выросло со 144,08 до 321,22 млн человек. В 2005 г. детей и подростков было почти в 1,8 раза больше, чем лиц старше 60 лет; в 2025 г. население 60+ уже примерно в 1,5 раза превышало по численности население 0–14 лет. Одновременно доля лиц 15–59 лет сократилась с 68,7 до 61,9%, а естественный прирост на 5,89‰ сменился убылью на 2,41‰.

Соотношение лиц трудоспособного возраста и лиц старше 60 лет существенно поменялось. Если в 2005 г. на 100 человек в возрасте 15–59 лет приходилось примерно 16 человек в возрасте 60+, то в 2025 г. их было уже 37. Вместе с тем сокращается число занятых — на 33 млн человек в 2025 г. по сравнению с 2005 г. [Communiqué on Major Data of 1% National Population Sample Survey in 2005; Communiqué of the 1% National Population Sample Survey in 2025].

На формирование новой возрастной структуры населения повлияли рождаемость, смертность и ожидаемая продолжительность жизни. Если в 2005 г. общий коэффициент рождаемости составлял 12,40 ‰, а общий коэффициент смертности — 6,51‰, то в 2025 г. аналогичные показатели уже составляли 5,63 и 8,04‰ соответственно [Там же; Statistical communiqué...]. Более высокий коэффициент смертности обусловлен, с одной стороны, значительным увеличением доли старших возрастов в общей численности населения, а с другой — ростом продолжительности жизни, которая в 2024 г. достигла в Китае 79 лет. В целом за последние двадцать лет доля населения 60+ в общей численности практически удвоилась, увеличившись с 11,03 до 22,86% [Там же]. Старение населения в Китае обусловлено не только сокращением рождаемости, но и тем, что в целом китайцы живут дольше.

Сокращение количественного демографического ресурса сопровождается ростом образовательного уровня населения и мощными процессами урбанизации. Численность китайцев с высшим образованием выросла с 67,6 млн человек в 2005 г. до 272,3 млн человек в 2025 г., то есть более чем в четыре раза. В 2025 г. средняя продолжительность обучения в возрастных когортах 16–59 лет составила 11,3 года. На фоне общего сокращения занятости растет городская занятость, которая в период с 2005 по 2025 г. увеличилась на 200 млн человек. Доля городского населения возросла с 43% в 2005 г. до 67,9% в 2025 г., или на 392 млн человек в абсолютных показателях [Там же].

Таким образом, прежнее количественное демографическое преимущество («дивиденд») Китая исчерпано, что подогревает научные дискуссии о роли демографического фактора в развитии китайской экономики и ставит перед КПК вполне конкретные

практические задачи по разработке новой экономической политики в условиях назревающего демографического кризиса.

Дискуссии о причинах и последствиях нарождающейся китайской депопуляции

Большинство исследователей признает, что благоприятная возрастная структура населения была одним из факторов китайского экономического подъема в период реформ. Вместе с тем не существует единой концепции так называемого демографического дивиденда, который трактуется и оценивается в трудах разных исследователей по-разному. Соответственно, его влияние в прошлом и настоящем также можно интерпретировать различным образом.

Так, видный китайский экономист, вице-президент Китайской академии общественных наук Цай Фан отмечал, что демографический дивиденд проявляется не только в увеличении численности трудоспособного населения, но и в сочетании высокой доли населения трудоспособного возраста, низкой демографической нагрузки, высокой нормы сбережений и расширения занятости. При этом он еще в 2004 г. фиксировал тенденцию к исчерпанию этого фактора [Cai Fang. Demographic Transition…], а в 2013 г. утверждал, что Китай прошел «поворотную точку Льюиса» [Cai Fang. Approaching a neoclassical scenario…]. В 2020 г. ученый пришел к мысли о постепенном переходе от «первого» ко «второму» демографическому дивиденду, который связан с человеческим капиталом, участием пожилых на рынке труда и более длительной экономической активностью [Cai Fang. The Second Demographic Dividend…].

О смене экономического механизма демографического дивиденда говорят Гу Хенъю и У Инъю из Нанкинского университета и их соавторы. Они отмечают, что после 2010 г. начался переход от демографического дивиденда, основанного на благоприятной возрастной структуре, к демографическому дивиденду, основанному на структуре навыков и человеческом капитале. Преобладание возрастного дивиденда наблюдалось в очень коротком временном периоде (с 2000 по 2005 г.), что во многом было связано с влиянием ограничительной политики рождаемости, ускорявшей изменение возрастной структуры [Hengyu Gu et al.].

Другая китайская исследовательница, профессор Исследовательской школы экономики Австралийского национального университета Син Мен,, предлагает критически оценивать вклад увеличения численности населения трудоспособного возраста в китайское экономическое чудо, выдвигая тезис о совокупном влиянии таких факторов, как миграция, образование, региональные различия и качество человеческого капитала [Xin Meng].

В целом как в ранних, так и в более современных работах китайских ученых предметом дискуссии является не столько роль демографического дивиденда в экономическом росте КНР, сколько оценка его структурных особенностей. При этом всеми так

или иначе фиксируется переход от количественных характеристик демографического фактора к качественным, которые в инновационной экономике будут оказывать гораздо большее влияние на экономическое развитие.

Научные споры вокруг проблемы старения населения в Китае и влияния изменений в возрастной структуре на экономическое развитие имеют более глубокие корни, чем просто поиск ответа на вопрос, что же может компенсировать окончание положительного влияния демографического дивиденда. Ключевым направлением дискуссии является обсуждение китайскими и зарубежными авторами факторов, способных продлить китайское экономическое чудо и содействовать появлению новой модели экономического роста, учитывающей изменившиеся реалии демографической ситуации в стране. Важным аспектом является оценка взаимосвязи особенностей инновационной экономики и роли демографических вызовов в ее развитии.

Прямыми последствиями трансформации возрастной структуры населения Китая являются: 1) сокращение предложения труда; 2) изменение эффектов производительности труда; 3) изменение параметров пенсионной системы; 4) изменения в потребности услуг в сфере здравоохранения; 5) изменения в структуре потребления и спросе на товары/услуги. Особенно важно совокупное влияние перечисленных последствий на динамику экономического роста и формирование новой модели экономического развития.

Эффект от **сокращения предложения труда** (как одного из наиболее вероятных последствий изменения возрастной структуры) нельзя назвать однозначным, что демонстрируют результаты ряда исследований. На фоне алармистских выводов некоторых китайских авторов и экспертов Международного валютного фонда (МВФ) [Jinqi Ye et al.] об очевидном уменьшении численности трудоспособного населения Китая и критическом влиянии этого процесса на темпы экономического роста, существуют иные оценки. Они связывают проблемы на рынке труда не столько с общим количеством пожилых лиц, относящихся к экономически неактивному населению, сколько с тем, какое число из них смогут продолжить работу и как способно измениться пенсионное поведение в ближайшей перспективе. Подобные исследования демонстрируют умеренно-позитивный сценарий, подводящий к мысли о сопутствующих старению населения факторах, которые позволят пролонгировать занятость в старших возрастных группах. В итоге старение мало повлияет на экономический рост в краткосрочной перспективе.

Что касается **производительности труда**, здесь выводы во многом зависят от того, на каком уровне (макроэкономическом или микроэкономическом) проводилось исследование, а также на статистические данные какого времени оно опиралось. На уровне фирмы эффекты оказываются более положительными: старение населения стимулирует предприятие компенсировать отсутствие работников вложениями капитала и внедрением новых технологий, что повышает производительность труда. Особенно ярко эта тенденция проявляется в трудоемких компаниях, среди работников с относительно низкой квалификацией и в китайских городах первого и второго уровня [1]. Вместе

с тем уменьшение числа работников может привести к замедлению темпов роста национальной экономики в целом [Chen Wu et al.]. Исследования ряда китайских авторов показывали, что увеличение доли населения в возрасте 65+ на 10% снижало темп роста ВВП на душу населения примерно на 2% [Jinqi Ye et al.].

При этом очень сильно выражено влияние региональной дифференциации по таким критериям, как разные уровни образования населения, в целом качество человеческого капитала, а также темпы внедрения технологий. Так, одинаковые темпы старения населения могут иметь разный эффект для производительности труда в провинциях с разным уровнем образования [Fange Meng, Xin Wen].

Общий вывод состоит в том, что изменения в возрастной структуре населения в пользу старших возрастов не оказывает линейного и одинакового воздействия на производительность труда.

Для **пенсионной системы** последствия более однозначны. С учетом дифференциации механизмов выплат пенсионерам, охват пенсионными схемами превышает в Китае миллиард человек. В исследовании МВФ [Bonthuis et al.] приводится моделирование влияния демографических изменений на ситуацию с пенсионными выплатами до 2050 г. При отсутствии реформ старение будет существенно увеличивать расходы на пенсионное обеспечение в Китае (с 5,4% ВВП в 2024 г. до 15,3% ВВП в 2050 г.), при этом сократятся возможности для накопления капитала и снизится темп роста ВВП. При увеличении пенсионного возраста пенсионные расходы станут сокращаться, а ВВП будет немного, но неуклонно расти. Таким образом, большое значение в условиях старения населения имеют параметры пенсионной системы и продолжительность периода экономической активности населения.

Спрос на **услуги здравоохранения**, с одной стороны, будет неизменно расти, но, с другой, фактические расходы могут оставаться прежними либо снижаться за счет развития системы медицинского страхования, контроля ценообразования, доступности самих услуг и состояния здоровья пожилых людей. Об этом свидетельствуют результаты сразу нескольких исследований [Xiaocang Xu et al.; Shangguang Yang et al.].

Наиболее острым аспектом дискуссии является выявление влияния демографических изменений на **внутренний спрос и потребление**. Тут можно отметить несколько направлений исследований. Во-первых, старение населения не просто уменьшает внутренний спрос, но и меняет его структуру — вследствие роста спроса на медицинские услуги, услуги социального обеспечения и развитие соответствующей инфраструктуры [Yue Wang et al.]. Во-вторых, меняется жизненный цикл сбережений, поскольку население начинает переходить от накопления к использованию ранее накопленных средств [Which Way Forward?...]. Как итог, будут меняться источники инвестиций.

На основе приведенных исследований можно констатировать, что сокращение трудовых ресурсов и пенсионная нагрузка оказывают отрицательное воздействие, тогда

как повышение занятости пожилых, качества человеческого капитала и капиталоемкости (через технологическое переоснащение производства) способно частично компенсировать демографическое сокращение. Другими словами, должен произойти переход от роста, основанного на расширении трудовых ресурсов, к росту, основанному на производительности, человеческом капитале, автоматизации и более длительной экономической активности населения. Поиск баланса различных источников экономического роста остается одним из центральных вопросов исследований китайской экономики, а на практике подталкивает к внедрению новых инструментов в ответ на растущие демографические вызовы.

Как Китай отвечает на демографические вызовы?

Коммунистическая партия Китая (КПК), сознавая значимую роль демографического фактора в экономическом развитии страны, реализует целый комплекс мер демографического, социального и экономического характера по преодолению последствий усугубляющегося демографического кризиса. Идеологической основой системной политики в этой области являются установки председателя Си, которые он высказал в ходе ряда партийных совещаний и съездов.

Важной отправной точкой стал XX съезд КПК, в обращении к которому Си призвал «активнее отвечать на старение население». Демографическая проблема, таким образом, была встроена в более широкую концепцию китайской модернизации.

Несколькими месяцами позже, в мае 2023 г., Си Цзиньпин в своем выступлении в рамках первого заседания Комиссии ЦК по финансовым и экономическим вопросам фактически сформулировал новую концепцию — «высококачественное развитие населения», которая сочетает в себе несколько ключевых аспектов:

- улучшение качества населения через повышение качества образования, здоровья, рост профессиональных навыков и человеческого капитала;
- поддержка «соответствующего» уровня рождаемости, но не любой ценой, а путем достижения оптимального уровня рождаемости и численности населения;
- создание универсальной инфраструктуры ухода за детьми;
- более эффективное использование уже имеющихся человеческих ресурсов; формирование человеческих ресурсов в достаточном количестве, высокого качества, оптимальной структуры и на основе принципа рационального распределения;
- создание проактивной национальной стратегии реагирования на старение населения через использование экономического потенциала стареющего населения на основе развития базовой системы услуг для пожилых, многоуровневой пенсионной системы, системы «серебряной экономики», повышения качества жизни пожилых людей [Xi stresses building…].

Следует отметить, что в новой концепции председателя Си повышение уровня рождаемости уже не рассматривается как наиболее важная мера по преодолению влияния изменений в возрастной структуре общества. Теперь это скорее вспомогательный

инструмент. Хотя еще двумя годами ранее были приняты несколько важных решений, которые непосредственно касались рождаемости. Так, в 2021 г. было принято «Решение ЦК КПК и Госсовета КНР о совершенствовании политики в области деторождения для содействия долгосрочному и сбалансированному демографическому развитию» [China releases decision...], которое разрешило иметь супружеским парам до трех детей. В документе впервые системно были изложены комплексные меры поддержки рождаемости. При этом четко определялась взаимосвязь «политики трех детей» и торможения процессов активного старения населения, а сама демографическая проблема рассматривалась уже как поиск источников оптимальной возрастной структуры населения.

В том же году Постоянный комитет ВСНП КНР внес изменения в Закон о народонаселении и планировании семьи, которые ознаменовали переход от «ограничения рождаемости» к «поддержке семьи» на государственном уровне.

В целом политика деторождения стала увязываться не столько с либерализацией подхода к планированию семьи, сколько с обеспечением доступности детских садов, услуг нянек, предоставлением налоговых и жилищных льгот, отпуска по уходу за ребенком, защите занятости женщин. На реализацию этих и ряда других мер (всего их 13) нацелено решение Госсовета КНР (от 28 октября 2024 г.), которое опубликовано в виде циркуляра «О стимулировании рождаемости» [2]. В данном документе, в дополнение к уже указанным мерам, в целом декларируется создание общества, ориентированного на формирование благоприятной среды для деторождения. В частности, предусматривается проведение общенациональной информационной кампании через СМИ и киноиндустрию в целях повышения статуса и авторитета института семьи в обществе. Воспитание ребенка становится, таким образом, делом не только семьи, но буквально задачей всего общества.

Однако стимулирование рождаемости является не единственной мерой по преодолению перекосов в возрастной структуре населения. Принципиально новым направлением является формирование «серебряной экономики», в целях развития которой в 2024 г. был составлен и опубликован правительственный план [China unveils measures...]. Государство рассматривает пожилых людей не только как группу, связанную с бюджетными расходами, но и как новый сегмент спроса на определенные виды товаров и услуг. Китайские власти связывают расширение возрастной группы 60+ с созданием специализированных промышленных парков для развития «серебряной экономики» по всей стране и реализуют меры, направленные на формирование пула отраслевых лидеров и стимулирование потребления среди пожилых людей.

Неотъемлемой частью трансформации экономики в условиях увеличения количества лиц старших возрастных групп является постепенное повышение пенсионного возраста. Принципиальное решение об этом принято. Кроме того, в декабре 2024 г. было объявлено о распространении частной пенсионной системы на всю страну после пилотного периода. Одновременно Китай создает систему финансовой поддержки

пенсионной сферы и «серебряной экономики». Это выражается в расширении каналов финансирования, развитии пенсионных финансовых продуктов, кредитной поддержке отрасли, финансовом планировании пенсионного обеспечения и защиты потребителей пенсионного возраста.

В ходе Центральной экономической рабочей конференции в 2024 г. Си Цзиньпин вновь отметил важность активного развития «серебряной экономики», фактически определив ее как одно из звеньев макроэкономической стратегии. Были поставлены задачи, связанные с:

- повышением базовых пенсий;
- увеличением государственных субсидий медицинского страхования;
- развитием системы ухода за пожилыми людьми;
- проведением сбалансированной политики рождаемости [Xi delivers important speech…].

На последней Центральной экономической рабочей конференции (декабрь 2025) председатель КНР не упоминал «серебряную экономику» прямо, однако в его речи прозвучали тезисы о необходимости поддержки пожилых людей в части расширения реабилитационной и сестринской помощи, а также введения системы долгосрочного ухода.

Фактически происходит адаптация китайской модели развития к новой возрастной структуре населения. Начиная с 2023 г. в выступлениях лидера КНР (на ключевых экономических совещаниях и крупных политических мероприятиях) так или иначе отмечается взаимосвязь экономических достижений с качеством человеческого капитала и его структурой. Выделен ряд ключевых факторов (рождаемость, труд лиц пенсионного возраста, качество человеческого капитала, технологии, пенсионное обеспечение, инфраструктура ухода, потребление со стороны пожилых людей), развитие которых в совокупности должно существенно снизить риски, связанные с демографическими изменениями в ближайшем будущем.

Параллельно идущие роботизация, цифровизация и внедрение интеллектуальных систем в промышленности также являются мощным фактором влияния на рынок труда и, следовательно, могут стать неким демпфером нестабильности и иных негативных последствий постарения населения для китайской экономики. Следует отметить, что ни в одном из программных выступлений Си Цзиньпина необходимость роботизации и внедрения ИИ не связывалась напрямую с усиливающимся демографическим кризисом. Вместе с тем, например, перестройка производственного процесса в рамках Плана развития интеллектуального производства (2016–2020 гг.) [Intelligent Manufacturing…] не сводилась к простой замене человека роботом, но ставила задачу снизить зависимость объема выпуска от количества человеческого труда. Последующие подобные документы констатировали необходимость перехода от менее квалифицированного к более квалифицированному труду и владения навыками использования искусственного интеллекта, что подразумевает сокращение необходимых трудовых ресурсов.

Взаимосвязь демографии, производительности, цифровизации и промышленной политики нашла непосредственное отражение в 14-ом пятилетнем плане КНР (2021–2025), где была прямо поставлена задача опережающего роста совокупной производительности труда по сравнению с ростом ВВП, что фактически означает независимость экономического роста от увеличения трудовых ресурсов [Outline...]. 14-й пятилетний план развития индустрии робототехники в КНР, поставив цель удвоить плотность промышленных роботов, одновременно стал ответом на старение населения, тем более что в качестве одной из задач предусмотрено развитие производства роботов сервисных, медицинских и предназначенных для ухода [Xiaogang Song]. Задачи расширения применения ИИ в сфере ухода за пожилыми людьми прослеживаются и в других китайских документах. Таким образом, не только промышленное производство, но и социальная сфера становятся отраслями применения новейших технологий на основе ИИ.

На фоне развития цифровой экономики появилась концепция «новых качественных производительных сил», которая рассматривается председателем Си как неотъемлемая часть «новой эры» [Xi stresses development...]. Новые производительные силы Си Цзиньпин связывает с технологическими инновациями, ИИ, цифровизацией, интеллектуальным производством, новым сочетанием работников и средств производства и ростом совокупной факторной производительности. Эта концепция, по сути, положена в основу очередного 15-го пятилетнего плана КНР (2026–2030).

В целом следует отметить линейность и логику внедрения роботизации и ИИ в различные общественные сферы. Изначально эти технологические инновации не являлись ответом на изменения в возрастной структуре населения. Демографическая политика и цифровизация до недавнего времени развивались как два абсолютно независимых направления. Начиная с 2015 г. внедрение новых технологий определялось как инструмент модернизации и повышения конкурентоспособности китайской экономики, с 2021 г. технологии становятся средством роста производительности труда, но уже в 2023 г. появляется понятие «новых качественных производительных сил», которое можно рассматривать как ответ на изменившиеся демографические вызовы. При этом с 2024 г. роботизация и ИИ начинает активно внедряться как инструмент «серебряной экономики».

Можно сделать вывод, что на данном этапе в Китае формируется система мер по преодолению последствий сокращения численности трудоспособного населения, которая предполагает решение возникающих проблем не только с помощью инструментов демографической политики, но и за счет технологической перестройки производства. В этой системе роботизация и ИИ выступают не как буквальная замена сокращающегося населения, а как механизм повышения производительности труда при менее благоприятной количественной структуре трудовых ресурсов.

Заключение

Демографический кризис не означает неизбежного экономического упадка Китая. Он означает конец прежней модели роста, основанной на дешевой и многочисленной

рабочей силе. Китай пытается перестроить экономические механизмы так, чтобы рост больше не зависел от постоянного увеличения численности рабочей силы. Новая экономическая модель будет строиться уже не столько на количестве работников, сколько на производительности, уровне автоматизации, развитии искусственного интеллекта и способности государства адаптировать социальную политику к стареющему обществу. В этом смысле КНР становится первой крупной экономикой, которая проверяет на практике, может ли технологическая модернизация компенсировать демографическое сжатие. Дальнейшую динамику экономического роста определяет комбинация четырех групп инструментов:

1. Поддержка рождаемости;
2. Проведение эффективной пенсионной реформы и повышение занятости лиц старших возрастных групп;
3. Рост уровня образования, внедрение ИИ, роботизация и рост капиталоемкости производства;
4. Развитие «серебряной экономики» в совокупности со здравоохранением и сектором услуг, нацеленными на лиц старшего возраста.

Первая группа мер возымеет эффект лишь в долгосрочной перспективе, предположительно в 2040-х годах, а до этого времени динамика экономического развития будет зависеть исключительно от эффективного сочетания трех остальных групп мер.

Это особенно важно в краткосрочном плане, пока технологическая модернизация еще недостаточна для преодоления последствий сокращения численности трудоспособного населения. В этот период Китай может компенсировать утрату количественного демографического дивиденда расширением экономической активности пожилых людей и изменением структуры экономики. Особенно важны более поздний выход на пенсию, занятость пожилых, урбанизация, услуги, здравоохранение, «серебряная экономика», рост внутреннего потребления. Весьма вероятно, что КНР сохранит нынешние темпы экономического роста. В частности, это демонстрируют данные официальной китайской статистики, согласно которой в 2025 г. прирост производительности труда составил 6,1% на фоне сокращения численности трудоспособного населения [Statistical communiqué…].

В среднесрочной перспективе при благоприятном сценарии могут проявиться положительные последствия внедрения ИИ и роботизации, которые будут поддерживать производительность труда и способствовать накоплению человеческого капитала. Именно в ближайшие 10-15 лет должна сформироваться новая модель экономического развития Китая [China's new journey…], основанная на повышении производительности труда и высококачественном человеческом капитале.

Примечания

1. Городами первого уровня в Китае называют четыре мегаполиса (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Шэньчжэнь), еще 15 городов относят к новому первому уровню и 30 ко второ-

му. Это не официальное административное деление, а скорее индикатор положения города в национальной городской и экономической иерархии.

2. См.: Щепин К. От ограничений к поощрению: Китай издал циркуляр о стимулировании рождаемости. // CGTN. 29.10.2024. — URL: russian.cgtn.com/news/2024-10-29/18511116284421570 58/index.html (date of access: 04.09.2026).

Литература

Bonthuis B., Yongquan Cao, Freudenberg C. Population Aging and Pension Reforms in China. // IMF Working Paper. WP 26/27. February 2026. 34 p. — URL: imf.org/-/media/files/publications/wp/2026/english/wpiea2026027-source-pdf.pdf (date of access: 04.09.2026).

Cai Fang. Approaching a neoclassical scenario: the labor market in China after the Lewis turning point // China Finance and Economic Review. Volume 1, article number 1 (2013). Dec 13, 2013. — URL: link.springer.com/article/10.1186/2196-5633-1-1 (date of access: 04.09.2026).

Cai Fang. Demographic Transition, Population Dividend, and Sustainability of Economic Growth: Minimum Employment As A Source of Economic Growth. — URL: rkyj.ruc.edu.cn/EN/Y2004/V28/I2/2?utm_source (date of access: 04.09.2026).

Cai Fang. The Second Demographic Dividend as a Driver of China›s Growth // China & World Economy. Volume 28, issue 5. Sep 30, 2020. P. 26-44. — URL: onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/cwe.12350?utm_source (date of access: 04.09.2026).

Chen Wu, Yang Cao, Hao Xu. How Population Aging Drives Labor Productivity: Evidence fr om China // Sustainability 2025, 17, 5046. May 30, 2025. 28 p. — URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/17/11/5046 (date of access: 04.09.2026).

China's new journey a boon to world development // The State Council the People's Republic of China. Oct 18, 2022. — URL: english.www.gov.cn/news/topnews/202210/18/content_WS634de3e4c6d0a757729e1629.html?utm_source (date of access: 04.09.2026).

China releases decision on third-child policy, supporting measures. // The State Council the People's Republic of China. Jul 20, 2021. — URL: english.www.gov.cn/policies/latestreleases/202107/20/content_WS60f6c308c6d0df57f98dd491.html?utm_source (date of access: 04.09.2026).

China unveils measures to develop 'silver' economy. // The State Council the People's Republic of China. Jan 16, 2024. — URL: english.www.gov.cn/policies/latestreleases/202401/16/content_WS65a5b709c6d0868f4e8e31cc.html?utm_source (date of access: 04.09.2026).

Communiqué on Major Data of 1% National Population Sample Survey in 2005. // National Bureau of Statistics of China. 22.03.2006. — URL: stats.gov.cn/english/NewsEvents/200603/t20060322_25744.html?utm_source (date of access: 04.09.2026).

Communiqué of the 1% National Population Sample Survey in 2025. // National Bureau of Statistics of China. May 22, 2026. — URL: stats.gov.cn/english/PressRelease/202605/t20260522_1963789.html?utm_source (date of access: 04.09.2026).

Fange Meng, Xin Wen. Quality of education, ageing and labor productivity. // PLoS ONE 19(12): e031436. Dec 11, 2024. 16 p. — URL: journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0314367 (date of access: 04.09.2026).

Hengyu Gu, Yingju Wu, Marois G., Lutz W., Tianlong Niu. China's demographic dividend has moved from age-based labor supply to skill-based productivity. // PNAS. Vol. 123, No. 15. Apr 8, 2026. 10 p. — URL: pnas.org/doi/epdf/10.1073/pnas.2532906123 (date of access: 04.09.2026).

Intelligent Manufacturing Development Plan (2016–2020). URL: gov.cn/xinwen/2016-12/08/content_5144868.htm?utm_source (date of access: 01.09.2026).

Jinqi Ye, Ziyan Chen, Bin Peng. Is the demographic dividend diminishing in China? Evidence from population aging and economic growth during 1990–2015 // Review of Development Economics. 2021. Volume 25, issue 4. p. 2255-2274. — URL: onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/rode.12794 (date of access: 04.09.2026).

National Bureau of Statistics of China. — URL: stats.gov.cn/english/ (date of access: 04.09.2026).

Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035. // CSET. 146 p. — URL: cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five_Year_Plan_EN.pdf (date of access: 04.09.2026).

Shangguang Yang, Danyang Wang, Wenhui Li, Chunlan Wang, etc. Decoupling of Elderly Healthcare Demand and Expenditure in China. // Healthcare 2021, 9, 1346. — URL: mdpi.com/2227-9032/9/10/1346 (date of access: 04.09.2026).

Statistical communiqué of the People's Republic of China on the 2025 national economic and social development // National Bureau of Statistics of China, February 28, 2026. — URL: stats.gov.cn/english/PressRelease/202602/t20260228_1962661.html?utm_source (date of access: 04.09.2026).

Which Way Forward? Navigating China's Post-Pandemic Growth Path. // China Economic Update. / World Bank Group. December 2023. 58 p. — URL: openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/40911ec5-7541-4322-8fe0-26c79e4fdfee/content?utm_source (date of access: 04.09.2026).

Xi delivers important speech at Central Economic Work Conference. // The State Council the People's Republic of China. Dec 16, 2024. — URL: english.www.gov.cn/news/202412/17/content_WS6760b3e6c6d0868f4e8ee061.html?utm_source (date of access: 04.09.2026).

Xi stresses building of modern industrial system and high-quality population development. // The State Council the People's Republic of China. May 6, 2023. — URL: english.www.gov.cn/news/202305/06/content_WS64565e8dc6d03ffcca6ecde5.html (date of access: 04.09.2026).

Xi stresses development of new productive forces, high-quality development. // The State Council the People's Republic of China. Feb 1, 2024. — URL: english.www.gov.cn/news/202402/01/content_WS65bb2e23c6d0868f4e8e3b09.html?utm_source (date of access: 04.09.2026).

Xiaocang Xu, Qingqing Wang, Chang Li. The Impact of Dependency Burden on Urban Household Health Expenditure and Its Regional Heterogeneity in China: Based on Quantile Regression Method. // Frontiers in Public Health. May 4, 2022. 13 p. — URL: doi.org/10.3389/fpubh.2022.876088 (date of access: 04.09.2026).

Xiaogang Song. Understanding the new five-year development plan for the robotics industry in China. // International Federation of Robotics. Jan 22, 2025. — URL: ifr.org/post/understanding-the-new-five-year-development-plan-for-the-robotics-industry-in-china (date of access: 04.09.2026).

Xin Meng. China's 40 Years Demographic Dividend and Labor Supply: The Quantity Myth // IZA Discussion Paper No. 16207. Jun 7, 2023. — URL: papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4471340&utm_source (date of access: 04.09.2026).

Yue Wang, Wan Zhao, Wanrong Meng. Bilateral effect of aging population on consumption structure: Evidence from China. // Frontiers in Public Health. Aug 25, 2022. 16 p. — URL: doi.org/10.3389/fpubh.2022.941485 (date of access: 04.09.2026).

АМЕРИКАНСКИЕ ДОСЬЕ

DOI 10.32726/2411-3417-2026-3-37-57
УДК 323; 327; 338; 94

Николай Калашников, Людмила Николаева

Трансформации на Кубе и фактор США

Аннотация. *В статье проводится анализ современных социально-экономических трансформаций Кубы в контексте влияния американского фактора. Авторы ставили перед собой цель выявить взаимосвязь между реформами кубинского руководства внутри страны и изменением политики США в отношении островного государства. Рассматривается эволюция кубинской модели после принятия Конституции 2019 г., включая расширение частного предпринимательства, меры привлечения иностранного капитала, валютную реформу и последующие преобразования, вызванные системным экономическим кризисом. Особое внимание уделяется санкционной политике США, применяющих различные механизмы экономического давления. Современный этап трансформации Кубы представляет собой сложный и пока труднореализуемый процесс адаптации социалистической модели к новым международным условиям, в которых политика США остается ключевым фактором, ограничивающим эффективность проводимых реформ.*

Ключевые слова: *Куба, США, санкции, этапы трансформаций, экономические реформы, государственное регулирование, энергетическая блокада.*

За 67 лет, прошедших после победы Кубинской революции, страна прошла несколько этапов трансформации экономики.

Начало строительства социализма и дальнейшее развитие социалистической системы хозяйствования происходили при активной помощи и участии СССР. Исчезновение Советского Союза и европейского соцлагеря в начале 1990-х годов, приведшее к разрушению сложившихся торгово-экономических связей, в совокупности с резким усилением санкционной политики США поставили перед руководством Кубы задачу адаптации к новым условиям [Mesa-Lago, Pérez-López]. Этот этап был связан с «пересмотром некоторых канонизированных стереотипов социалистической модели развития» и характеризовался непоследовательностью политики кубинского руководства. Частичный допуск в экономику иностранного капитала и мелкого частного предпри-

Сведения об авторе: *КАЛАШНИКОВ Николай Викторович — советник директора Института Латинской Америки РАН, кандидат экономических наук, n.kalashnikov@ilaran.ru; НИКОЛАЕВА Людмила Борисовна — ведущий научный сотрудник Центра экономических исследований Института Латинской Америки РАН, кандидат экономических наук, nlb2008@yandex.ru.*

нимательства позволил стране выжить в условиях «особого периода» 1990–1994 гг. В 1995–1996 гг. «правительство проводило эволюционную трансформацию системы с ориентацией на смешанную экономику». Однако уже с 1997 г. процесс замедлился, а с 2004 г. «начался откат от проводимых реформ и возрождение тенденции к экономической централизации» [Куба: от адаптации... С. 34, 36–38].

Передача в 2006–2008 гг. государственных и партийных властных полномочий от Фиделя Кастро Раулю Кастро ознаменовала начало нового этапа — постепенной дозированной корректировки системы управления хозяйством, с расширением рыночных отношений [Pérez Villanueva,Torres Pérez]. В сентябре 2010 г. было объявлено об «актуализации экономической модели». В апреле 2011 г. VI съезд КПК утвердил среднесрочную программу «Направления экономического и социального развития партии и революции», предполагавшую усиление товарно-денежных механизмов при сохранении ведущей роли государства в экономике [Куба: новый этап... С. 36]. Однако темпы ее реализации оказались значительно медленнее намеченных. Не помогло даже временное ослабление американских санкций в конце второго президентства Б. Обамы [LeoGrande, Kornbluh; Feinberg]. Сам Р. Кастро видел причины этого «в балласте устаревшего менталитета, связанного с инертностью поведения или отсутствием веры в будущее». Провозглашенный им «адаптационный» характер реформ исключал быстрое и радикальное изменение социально-экономической модели [Куба накануне... С. 5–6]. К тому же новации Р. Кастро не подкреплялись законодательством и требовали обновления основного закона.

Принятие в 2019 г. новой Конституции, чему предшествовала передача в 2018 г. управления государством Мигелю Диасу-Канелю Бермудесу, можно считать началом нового, текущего, этапа трансформаций на Кубе. Изменения коснулись системы государственного управления с расширением полномочий муниципальных органов власти, развития негосударственного сектора экономики и оптимизации механизмов привлечения иностранных инвестиций [Henken, Ritter; Куба Si].

Для современного этапа развития Республики Куба характерны масштабные структурные изменения, вызванные сочетанием внутренних социально-экономических проблем и возрастающим воздействием внешних факторов. В последние годы страна столкнулась с наиболее серьезным экономическим кризисом после «особого периода» 1990-х годов. В этих условиях руководство Кубы приступило к самому масштабному за последние десятилетия реформированию хозяйственной системы (о чем подробнее будет сказано ниже). При этом кубинское руководство подчеркивает, что преобразования рассматриваются не как отказ от социалистической модели, а как механизм ее адаптации.

Важнейшим внешним фактором реформ стало ужесточение американских санкций и беспрецедентное давление северного соседа по всем направлениям. Напомним, что центральным элементом американо-кубинских отношений остается экономическое эмбарго США, действующее более 60 лет.

После череды сигналов к потеплению при администрациях Б. Обамы (и, отчасти, Дж. Байдена) американская политика при Д. Трампе как в 2017-2020 гг., так и начиная с 2025 г. характеризуется ужесточением санкционного режима и расширением ограничений в отношении финансового, инвестиционного и торгового взаимодействия с Кубой. Это существенно осложняет реализацию внутренних реформ на Кубе и ограничивает ее доступ не только к международному капиталу и современным технологиям, но и к товарам первой необходимости (топливу, продовольствию, медикаментам) [Николаева, Калашников. Куба...]. Островное государство оказалось на грани выживания. При этом выйти на уровень нормального хозяйствования без отмены или хотя бы смягчения экономической блокады для него практически невозможно.

Санкционная политика как инструмент внешнего воздействия

К Кубе в полной мере применимо известное высказывание президента Мексики Порфирио Диаса: «Бедная Мексика, от Бога далеко, а от Соединенных Штатов близко». Географическое соседство во многом предопределило экономический интерес США к острову, для которого северный сосед стал основным торговым партнером уже во второй половине XIX в.

Оказав помощь кубинцам в получении независимости от Испании, Вашингтон взял курс на превращение Кубы «в замаскированную колонию США». Как заявил в 1889 г. американский президент У. Мак-Кинли, «Новая Куба... должна быть связана с нами узами особой близости и прочности... Судьбы Кубы в определенной законной форме и степени будут непреложным образом связаны с нашими судьбами» [Очерки... С. 145–146]. История дореволюционной Кубы в полной мере отражает эту установку. «В XX в. место нового регионального сюзерена окончательно закрепилось за Соединенными Штатами, которые в осуществлении своей власти активно пользовались услугами местной олигархии и диктаторских правительств. На этом этапе шло формирование предпосылок будущего конфликта с островом в его скрытой (латентной) форме» [Кодзоев. С. 35].

После победы Кубинской революции в 1959 г. политика США в отношении островного государства демонстрирует один из примеров наиболее продолжительного применения комплекса экономических, финансовых и политико-дипломатических санкций. Однако степень влияния этих мер варьировалась. Взаимодействие с СССР и вступление в начале 70-х годов в Совет экономической взаимопомощи позволили ослабить последствия отключения Кубы от американского рынка и сворачивания сотрудничества с другими западными экономиками.

Распад Советского Союза и исчезновение европейского социалистического лагеря вернули Кубу и США «к своему status quo, который сложился до того, как Гавана объявила себя союзницей Москвы» [Кодзоев. С. 31]. США расценили ситуацию как возможность путем экономического «удушения» покончить с социалистическим режимом на острове. В дополнение к действовавшему с 1917 г. Закону о торговле с врагом (Trading with the Enemy Act, 1917) были приняты Закон о демократии на Кубе, или Акт Торри-

челли, (Cuban Democracy Act, 1992, [1]) и Акт солидарности с кубинской свободой и демократией (Cuban Liberty and Democracy Solidarity Act), известный как закон Хелмса–Бертона (Helms–Burton Act, 1996) [2]. Их отличает выраженный экстерриториальный характер — они затрагивают деятельность иностранных банков, транспортных компаний, инвесторов и транснациональных корпораций.

В результате экстраординарных мер Ф. Кастро расчеты Вашингтона тогда не оправдались. Можно сказать, что санкции США подтолкнули кубинское руководство к постепенному изменению экономического профиля страны. «Сахарную» специализацию сменила ориентация на развитие международного туризма при содействии иностранного капитала.

Финансово-экономический прессинг в отношении Кубы характерен для всех американских администраций, но приход к власти демократов, от Б. Клинтона до Дж. Байдена, отмечался некоторым ослаблением этого давления. Особенно это проявилось, как уже было сказано, в конце второго срока Б. Обамы, который пошел на восстановление дипломатических отношений с Гаваной и приостановил действие ряда санкций. Некоторая либерализация американо-кубинских отношений была прервана Д. Трампом. Он сделал отношения с Кубой частью своей внутренней политики, борьбы за поддержку антикубински настроенной диаспоры во Флориде. В 2017–2021 гг. республиканская администрация заметно расширила санкционный режим, восстановила ограничения на туристические поездки, денежные переводы, финансовые операции, взаимодействие с организациями, связанными с кубинским государственным сектором. В январе 2021 г. Куба снова была внесена в список стран-спонсоров терроризма. Трамп впервые ввел в действие Раздел III (Title III) закона Хелмса-Бертона, направленный против третьих стран, сотрудничающих с островом. Всего же в течение первого президентства Трампа были введены 243 репрессивные меры против Кубы [Gonzalez Martinez].

Переход власти к демократам на этот раз мало изменил положение. Дж. Байден сохранил все главные санкционные меры, а сделанные при нем незначительные послабления были отменены уже в первые дни возвращения Д. Трампа в Белый дом. Во второй каденции Д. Трампа, в отличие от первой, Белый дом сделал отношения с Кубой важным элементом внешней политики, направленной на восстановление гегемонии США в Латинской Америке (доктрина Донро) [3]. Уже в январе–июне 2025 г. вновь усилился экономический прессинг — было введено несколько десятков дополнительных санкционных мер.

С 2026 г. начался качественно новый этап антикубинской санкционной политики Вашингтона. Юридическим основанием для этого стал подписанный Д. Трампом исполнительный указ 14380 от 29 января 2026 г., в котором Куба объявлялась «чрезвычайной угрозой» национальной безопасности США и разрешалось вводить пошлины и другие меры против стран, поставляющих на Кубу нефть [Addressing…]. Это стало крайне серьезным ударом по кубинской экономике, которая не может функционировать без импортного топлива. За 9 месяцев после принятия этого указа островное государство

смогло получить лишь 100 тыс. т сырой нефти в качестве гуманитарной помощи от России, доставленной танкером «Анатолий Колодкин» в конце марта.

1 мая 2026 г. был издан новый исполнительный указ 14404, существенно расширивший экстерриториальный характер американских санкций против Кубы. Помимо прямого воздействия на кубинские государственные предприятия, он увеличил вторичные санкционные риски для иностранных банков, инвесторов, судоходных компаний и гостиничных операторов. Это ускорило уход части зарубежного бизнеса с Кубы, осложнило международные расчеты, привело к прекращению обслуживания карт Visa и Mastercard, увеличило стоимость внешнеторговых операций и усилило финансовую изоляцию страны, усугубив кризис в туристическом, энергетическом и транспортном секторах [New US sanctions…].

Одновременно Управление по контролю за иностранными активами OFAC (Office of Foreign Assets Control) — профильное подразделение Министерства финансов США обновило санкционные списки, распространив ограничения на новые государственные предприятия, финансовые институты и хозяйствующие субъекты, а также выпустило разъяснения о рисках вторичных санкций для иностранных компаний, взаимодействующих с организациями, контролируемыми военными структурами Кубы. Таким образом было создано препятствие для привлечения Кубой иностранного капитала даже из государств, официально не поддерживающих санкционную политику США.

Первыми под санкции попали военный холдинг GAESA (Grupo de Administración Empresarial S.A.) и кубино-канадское (совместно с Sherritt) предприятие Moa Nickel S.A. GAESA контролирует значительную часть туристической инфраструктуры, транспортных компаний, торговых сетей, логистики и операций с недвижимостью, а добыча никеля обеспечивает одну из ключевых экспортных статей Кубы [Rubio. U.S. Sanctions…]. После объявления санкций канадская компания Sherritt сообщила о приостановке совместных операций.

О сокращении или прекращении работы на острове заявили несколько крупнейших международных гостиничных операторов. Канадская компания, владеющая сетью Blue Diamond Resorts, объявила, что полностью прекращает деятельность и управление 15 отелями. С 1 июня 2026 г. аналогично поступили две испанские компании: Iberostar Hotels & Resorts отказалась от управления 12 гостиницами, принадлежавшими структурам GAESA, а Meliá Hotels International объявила о прекращении управления и использования своего бренда в отношении 15 из 35 кубинских гостиниц. Одновременно ряд международных авиакомпаний сократил или приостановил рейсы на Кубу, что дополнительно усугубило кризис туристической отрасли. Многие морские перевозчики начали избегать заходов в кубинские порты, поскольку это стало потенциальным основанием для вторичных санкций.

Следующей фазой стало решение Госдепартамента и министерства финансов США от 11 июня 2026 г. о включении кубинской нефтяной компании Unión Cuba-Petróleo

(CUPET) в санкционный список [Rubio. Sanctioning Cuba's...]. Формально Вашингтон мотивировал это тем, что компания обеспечивает ресурсную базу государственного аппарата и силовых структур. Она отвечает за импорт нефти, переработку сырья, функционирование нефтеперерабатывающих предприятий, снабжение электростанций и распределение топлива внутри страны. Санкции против CUPET как системообразующей компании автоматически увеличивают санкционные риски для любых иностранных поставщиков топлива, а также перевозчиков, страховых компаний и банков, участвующих в соответствующих операциях. Фактически США создали условия, в которых иностранные компании начинают сами отказываться от сотрудничества с Кубой, даже при отсутствии прямого юридического запрета.

Новая порция санкций была объявлена Вашингтоном 23 июня. Ограничения были введены против пяти кубинских компаний, аффилированных с военным руководством острова. В их число вошли два предприятия горнодобывающего и металлургического сектора: GeoMinera и Empresa Siderurgica Jose Marti (известное как Antillana de Acero). Еще две компании — RAFIN и Banco Financiero Internacional — занимались финансовыми услугами, а Almacenes Universales S.A. — логистикой. Кроме того, в этот же день Верховный суд США постановил, что компания Exxon Mobil может подавать иски против кубинских государственных компаний в американских судах по поводу имущества на островном государстве, конфискованного режимом Ф. Кастро [Rubio. Further Sanctions...].

13 июля в санкционные списки Госдепартаментом были внесены еще 11 кубинских компаний и организаций, в том числе Grupo Empresarial del Comercio Exterior (GECOMEX), Grupo Empresarial de Transporte Maritimo Portuario (GEMAR), Ministerio de Turismo de Cuba (MINTUR), Organizacion Superior de Direcion Empresarial, CUDAL S.A., силовые структуры Milicias de Tropas Territoriales и Brigadas de Accion Rapida [OFAC Adds Cuba Government...].

Впервые за многие десятилетия создан санкционный режим, позволяющий применять блокирующие меры не только к кубинским государственным структурам, но и к иностранным компаниям, банкам и инвесторам, ведущим деятельность в секторах кубинской экономики. Риски распространены на иностранных лиц, работающих в энергетике, финансовом секторе, добыче металлов, сфере безопасности и оборонной промышленности Кубы.

Кубинское руководство предприняло шаги по привлечению частного сектора для хотя бы частичного ослабления негативных последствий указанных мер. В ответ последовала новая порция санкций. 30 сентября OFAC значительно ужесточило положения исполнительного указа 14404 и отменило ряд положений Контрольного управления по кубинским активам (Cuban Assets Control Regulation, CACR). Отменено действовавшее с мая 2024 г. разрешение американским банкам открывать и обслуживать счета кубинских частных предпринимателей, взаимодействующих с правительством, а также обслуживать связанные с Кубой платежи, происхождение и назначение которых

находятся за пределами США. Под санкции подпадают и те, кто занимается косвенными финансовыми операциями, связанными с кубинскими силовыми структурами. Расширен список оснований для включения в Кубинский санкционный список (Cuba Restricted List, CRL) [Cuba Sanctions].

Введенные 30 сентября 2026 г. санкции затрагивают интересы не только американцев, связанных деловыми отношениями с островом, но и ряда иностранных предпринимательских и финансовых организаций [OFAC expands…]. Знаковым стало то, что они направлены «не только против кубинского государства и его предприятий», но и «против частного сектора» [Capote. Cuba…].

Американская администрация использует также инструменты психологического давления. В 2015 г. был объявлен запрет на въезд в США нынешнему руководителю Кубы, а тогда второму лицу республики М. Диасу-Канелю, руководителям кубинских силовых структур и членам их семей. Возмущение кубинцев вызвало предъявленное в мае 2026 г. министерством юстиции США Раулю Кастро обвинение в том, что он ответствен за уничтожение в 1996 г. двух американских самолетов и четырех членов экипажа [4]. В этом очевиден намек на возможное повторение «венесуэльского сценария».

Как попытку усложнить социальную обстановку на острове можно рассматривать введение с 30 сентября, одновременно с экономическими мерами, запретов американским гражданам участвовать в профессиональных встречах и конференциях. Кроме того, были закрыты программы гуманитарных контактов «народ — народу» и кардинально сокращены любые другие законные поводы для посещения Кубы [Cuba Sanctions].

Госсекретарь США Марко Рубио, активный проводник антикубинской линии, неоднократно заявлял о крахе экономики островного государства как следствии неэффективности управления и экономических преступлений. В очередном заявлении, приуроченном к новому пакету санкций, он провозгласил, что «Куба уже пала» [Capote. Sin máscaras…].

С начала 2026 г. в западной прессе неоднократно поднимался вопрос о возможной попытке **американского вторжения на Кубу** с целью сменить там власть силовым путем. Сигнализировать о такой возможности должны были и демонстрации силы США в Карибском море и Мексиканском заливе, в том числе вблизи кубинских территориальных вод. С начала февраля по май 2026 г. ВВС США совершили 25 разведывательных полетов вдоль побережья острова [Schmitz]. СМИ сообщали о различных маневрах и перегруппировках отдельных подразделений американских войск, что можно истолковать как подготовку к вторжению.

По нашему мнению, такой сценарий в современных условиях маловероятен. Военная мощь США позволяет добиться победы, однако, как неоднократно заявлял президент Кубы, победа достанется ценой большой крови не только кубинцев, но и американцев. В сложившейся международной и внутриполитической обстановке для

администрации Трампа это неприемлемо. Однако угроза вторжения вынуждает Кубу приводить свои вооруженные силы и резервистов в состояние повышенной боеготовности, что отвлекает и так крайне ограниченные ресурсы, усугубляя экономические трудности. Поэтому ее можно рассматривать как один из инструментов санкционного прессинга.

Несмотря на неоднократные заявления Д. Трампа о том, что для него было бы «большой честью захватить Кубу», его высказывания осенью 2026 г. указывают на смещение стратегии в сторону усиления экономического давления. По словам М. Рубио, американский лидер намерен добиться соглашения и направить Гавану на путь необратимых позитивных, с точки зрения Вашингтона, перемен [5].

Начало переговорному процессу положила состоявшаяся в марте 2026 г. неофициальная встреча госсекретаря США и Родригеса Кастро, внука и телохранителя Рауля Кастро. Как доверенное лицо деда он принимал участие и в других встречах с американскими представителями, что не помешало Госдепартаменту включить его в санкционные списки. В апреле в Гавану впервые за 10 лет прибыла делегация Конгресса США, а 14 мая с рабочим визитом там побывал директор ЦРУ Джон Рэтклифф. 30 мая на границе базы Гуантанамо состоялась встреча начальника кубинского генштаба Роберто Легра Сотолонго с прибывшим на базу главой Южного командования ВС США Фрэнсисом Донованом для обсуждения вопросов безопасности базы. Содержание переговоров не раскрывалось. На этом фоне необычным выглядело пребывание на острове с 9 по 13 июля четырех членов Конгресса от Демократической партии. По итогам визита они сделали заявление, в котором обратились к администрации Трампа и коллегам по Конгрессу с призывом к серьезным и всесторонним переговорам с Гаваной и отмене санкций [Almeida Bacallao].

Заместитель министра иностранных дел Кубы Хосефина Видаль, Оценивая, со своей стороны, результаты переговоров, отметила отсутствие «значительного прогресса». По ее словам, они были «абсолютной формальностью», хотя Гавана готова обсуждать любые вопросы, кроме связанных с нарушением принципа «независимости, суверенитета, самоопределения» [Tenemos un canal…]. Подобную оценку спустя три месяца дал и другой замминистра иностранных дел Кубы, Карлос Фернандес де Коссио, отметив, что в контактах с США нет продвижения, что Вашингтон стремится не к договоренности, а к капитуляции Кубы [Capote. Cuba…]. При этом в ходе интервью агентству Bloomberg 25 сентября, на полях 81-й сессии ГА ООН, кубинский дипломат не исключил возможности посредничества третьей стороны. Он также заявил: «Если США ослабят давление, то происходящие на Кубе трансформации могут пойти далеко и стать действительно необратимыми, что является нашей целью и, теоретически, отвечает желанию США» [Cuba Government…].

Следует признать эффективность введенных в 2026 г. Белым домом санкций в плане расчистки кубинского экономического поля для продвижения американских компаний (чему уже не препятствует обновленное законодательство Кубы). Если приход амери-

канского капитала в экономику острова — дело ближайших лет, то во внешней торговле северный сосед Кубы уже обошел Испанию и Китай.

В 2025 г. США поставили на остров продовольствия и сельскохозяйственной продукции (за наличный расчет) на 490,11 млн долл. (в 2024 г. — на 433,66 млн долл.; далее цифры в скобках относятся к 2024 г.), автомобилей и различных видов топлива (для частного сектора) — на 173,64 млн долл. (85,62 млн долл.), медицинских товаров — на 342,57 млн долл. (839,5 млн долл.), гуманитарной помощи — на 147,03 млн долл. (67,83 млн долл.). За первые пять месяцев 2026 г. было поставлено, в млн долл.: сельскохозяйственной продукции — 189,03; автомобилей и топлива — 90,17; медицинских товаров — 846,39; гуманитарной помощи — 95,35 [May 2026 AG/Food…].

В этих цифрах нет противоречия с применяемыми санкциями. Коммерческие поставки, осуществляемые за рамками гуманитарной помощи, реализуются на жестких для Кубы условиях и приносят прямую выгоду американским корпорациям. При этом они способствуют углублению социальной дифференциации внутри страны, служа скрытым механизмом стимулирования внутриполитических изменений и смены правящего режима.

Стратегия обновления кубинской социально-экономической модели в 2019–2025 гг.

Отправной точкой текущего этапа изменений на Кубе стало принятие Конституции в 2019 г. Новый основной закон закрепил сохранение социалистического характера государства. При этом впервые было признано многообразие форм собственности и роли рынка, допускалось существование частного сектора экономики, расширены правовые гарантии иностранных инвестиций, а также внесены изменения в систему государственного и территориального управления. Конституция обеспечила правовую основу для последующих экономических реформ. К концу 2024 г. в ее развитие было принято 50 законов и 115 законов-декретов [Куба: трудности… С. 207].

Однако курс планомерных и контролируемых экономических преобразований был прерван пандемией COVID-19. Беспрецедентный спад пережила туристическая отрасль, обеспечивавшая значительную часть валютных поступлений. Одновременно усилились проблемы с энергообеспечением, поставками продовольствия и промышленного сырья. Большие трудности наблюдались в сельском хозяйстве, строительстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, на транспорте [Николаева, Калашников. Болевые…]. Гавана столкнулась с жесточайшим дефицитом, который вынудил власти резко форсировать реформы.

Важнейшим направлением преобразований стала либерализация предпринимательской деятельности. Если в предыдущие десятилетия частная экономическая активность ограничивалась главным образом индивидуальной трудовой деятельностью (a cuenta propia), то с 2021 г. кубинское правительство впервые разрешило создание

микро-, малых и средних предприятий (ММСП, по-испански MIPYMES), обладающих статусом юридического лица. При этом было разрешено владение только одним предприятием с числом наемных работников до 100 человек. На конец марта 2025 г. на Кубе действовало 9550 частных и 210 государственных малых и средних предприятий с числом занятых более 1,5 млн человек. Кроме того, вне государственного сектора находились еще около 0,5 млн самозанятых [Николаева, Калашников. Куба… С. 10]. Такие предприятия создавались в основном в сфере услуг (торговля, строительство, информационные технологии, общественное питание и другие), а их деятельность была связана с импортом. Изначально ММСП отводилась вспомогательная роль. Они были весьма слабо включены в хозяйственный механизм, где главенствующая роль принадлежала государственным предприятиям.

В том же 2021 г. была проведена денежно-валютная реформа («Tarea Ordenamiento»), предусматривавшая отказ от существовавшей более 25 лет системы «двойного денежного обращения». В результате была зафиксирована самая высокая в истории Кубы инфляция. Резкий рост потребительских цен привел к снижению покупательной способности населения. Курс доллара на «черном рынке» в несколько раз превысил официальный обменный курс.

Официально объявив о «дедолларизации экономики», по факту с 2024 г. правительство проводит политику «частичной и контролируемой» долларизации. Она преследует цель вовлечения иностранной валюты в хозяйственный сектор, ее перераспределения в интересах отраслей, которые в состоянии максимально быстро обеспечить рост производства и экспорта. С 2024 г. начинают работать АЗС с расчетом в иностранной валюте, появляются аптеки и оптики, открываются супермаркеты и торговые сети, где можно расплатиться картами международных систем или наличными долларами и евро. Кроме того, по оценкам до 60% населения Кубы получают денежные переводы в валюте от родственников из-за границы.

Процесс банкоризации — перехода на безналичную форму оплаты столкнулся с большими трудностями. Это было связано как с техническими издержками (сбоями в работе банкоматов, нехваткой бумажных денег и пр.), так и субъективными причинами. Большинство сделок малых предприятий, кооперативов и других негосударственных хозяйствующих субъектов осуществлялось за наличный расчет.

Реформы осуществлялись в условиях нехватки специалистов, финансовых средств, просчетов в планировании. Кроме того, трансформации совпали с крайне неблагоприятными для Кубы внешними условиями. Ограниченный доступ к международным финансовым рынкам, сокращение внешних инвестиций, дефицит топлива, нарушения логистических цепочек и продолжающееся действие американских санкций существенно сужали возможности экономического роста.

В результате уже к 2023–2024 гг. кубинская экономика вошла в фазу глубокого кризиса. Показатель ВВП прочно закрепился в отрицательной зоне, снизившись почти на

2% в 2023 г. и продолжив падение на 1,1% в 2024 г. Среднегодовую инфляцию, которая в 2021 г. подскочила до 77%, в 2022 и 2023 г., по официальным данным, удавалось сдерживать в пределах 39% [Николаева, Калашников. Куба… С. 14].

В этих условиях в конце 2023 г. на сессии Национальной ассамблеи правительство обнародовало Программу макроэкономической стабилизации — одну из самых жестких за последние десятилетия. Президент М. Диас-Канель подчеркивал, что речь не идет о «неолиберальном пакете»: сохраняются плановая система, ведущая роль государственного сектора и система распределения основных продуктов питания [Bermúdez].

Программа сочетала нововведения стратегического характера и неотложные административные меры. Ее ключевыми задачами стали снижение бюджетного дефицита, сдерживание инфляции и восстановление производства. Кроме использования монетарных инструментов, предполагалось добиться этого путем увеличения выпуска товаров, контроля над неформальным валютным рынком и укрепления связей между государственным и негосударственным секторами экономики. С января 2024 г. были отменены налоговые льготы для ММСП и кооперативов, повышены импортные пошлины на ряд товаров, производимых внутри страны, и одновременно снижены тарифы на ввоз сырья и полуфабрикатов. Правительство также повысило цены на отдельные государственные услуги, сократило часть субсидий и ввело ценовые ограничения на социально значимые товары. С июля 2024 г. негосударственные производители (частные компании, микро-, малые и средние предприятия, кооперативы, самозанятые) при закупках товаров или услуг у государственных предприятий не могли закладывать в конечную цену прибыль выше определённого уровня — не более 30% от понесённых затрат.

В августе 2024 г. были обновлены правила деятельности частного сектора: создан Национальный институт негосударственных экономических субъектов, усилен контроль над ММСП, кооперативами и самозанятыми, расширены полномочия муниципалитетов по регистрации предприятий, обновлен перечень запрещенных видов деятельности и усилена политика банкоризации.

2026 — трансформации в условиях кризиса

Принятые меры позволили к концу 2025 г. сократить дефицит бюджета, однако инфляция оставалась высокой — 12,5%, притом что официальная статистика не отражала реального роста цен из-за значительной роли неформального рынка [Cbonds 25]. В целом Куба уже шесть лет находится в глубоком кризисе: по официальным данным, за этот период ВВП страны сократился на 15% [6].

В числе наиболее острых проблем остается обеспечение продовольствием. Куба импортирует более 80% продуктов питания. Закон о продовольственном суверенитете (2022 г.), обязавший фермеров поставлять государству большую часть продукции по фиксированным ценам, и последующая ценовая политика не устранили дефицит, но

вызвали недовольство производителей. Развитие сельского хозяйства осложняется нехваткой топлива, техники, удобрений и семян, поэтому основной упор делается на вовлечение неиспользуемых земель, совершенствование управления и распространение успешного опыта. Одним из принципиальных нововведений стало предоставление кубинской сельскохозяйственной земли в аренду частной вьетнамской компании Agri VMA для выращивания риса. Данный прецедент, нормативно оформленный в 2024 г., стал первой передачей сельхозземель иностранному инвестору со времен революции 1959 г.

Наиболее тяжелая ситуация сложилась в топливно-энергетическом комплексе. Именно он был выбран США в качестве основного объекта давления. К началу 2026 г. кубинская экономика уже находилась в состоянии хронического энергетического дефицита. Зависимость от импорта нефти и высокий износ оборудования электростанций привели к частым авариям на ТЭС, а перебои в поставках нефти с конца 2025 г. вызывали масштабные отключения электроэнергии. Собственная добыча нефти покрывает лишь 40% внутренних потребностей. Любое сокращение внешних поставок немедленно отражается на работе электростанций, промышленности, транспорта и коммунального хозяйства, наносит огромный урон туристической отрасли. Именно поэтому администрация США в январе 2026 г. сделала ставку на ограничение внешних поставок топлива, фактически создав условия «энергетической блокады».

В условиях «топливного голода» правительство острова пошло на привлечение частного сектора для облегчения проблемы. Принимаются решения об открытии частных АЗС, продаже на внутреннем рынке различных видов топлива и излишков электроэнергии, получаемой частными генераторами. Стимулируется использование солнечных батарей — не только в государственном секторе, но и частными предпринимателями.

В беспрецедентно тяжелой обстановке, сложившейся к весне 2026 г., правительство представило Программу социально-экономического развития Кубы на 2026 г. [El Programa…]. Как отмечалось в документе, это «дорожная карта» преобразований, предпринимаемых в ответ на «суровые внешние воздействия, угрожающие стабильности и достижению целей Национального плана экономического и социального развития до 2030 г.» [El Programa… P. 7]. Акцент делался на принципе «целевого управления», ответственности ведомств за выполнение определенных направлений, ориентации предприятий и местных администраций на конкретные показатели.

В Программе признается, что Куба сталкивается не только с серьезными внешними рисками, но и с внутренними препятствиями и диспропорциями. Документ впервые дал зарубежной кубинской диаспоре «зеленый свет» для финансирования проектов на территории Кубы. Однако для инвесторов сохранилась угроза судебных исков в США (согласно закону Хелмса-Бертона) в связи с «коммерческим входом» на кубинский рынок.

Программа 2026 г. — это очередная попытка управления кризисом, адаптации к ухудшающимся условиям, ответ на «глубокий разлом в мировом порядке» и обостре-

ние внутренних проблем. Многие из предусмотренных в ней мер уже провозглашались ранее (например, в рамках Программы макроэкономической стабилизации 2024 г.), но их результативность пока далека от ожидаемой. Очевидно, что без хотя бы частичной отмены американских санкций и внешней помощи реализовать намеченные цели весьма затруднительно, если вообще возможно. Это вынуждает Гавану «импровизировать» в условиях глубочайшего кризиса.

Новым стимулом для «импровизаций», а именно принятия экстренных и радикальных шагов, стал подписанный Д. Трампом 1 мая 2026 г. указ 14404 о расширении антикубинских санкций. Ряд международных гостиничных операторов, логистических компаний, банков и судоходных организаций объявили о прекращении либо существенном сокращении сотрудничества с Кубой вследствие опасений попасть под американские ограничения. В результате еще более ухудшился доступ страны к международной платежной инфраструктуре, а Центральный банк Кубы был вынужден отказаться от обслуживания международных платежей по картам Visa и Mastercard. Для экономики, ориентированной на получение валютной выручки от международного туризма, денежных переводов и сервисного бизнеса, подобные ограничения весьма болезненны.

В июне 2026 г. Национальная ассамблея народной власти единогласно одобрила пакет из 176 инициатив, сгруппированных в 23 тематических блока/направления (ejes temáticos) экономической и социальной жизни страны [Transformaciones…]. В отличие от прошлых осторожных реформ (таких как «Lineamientos» 2011 г.), которые пытались лишь косметически подправить госмонополию, теперь вводятся элементы контролируемого государством капитализма, напоминающие ранние реформы в Китае или во Вьетнаме.

Последние реформы предусматривают меры по оживлению сельского хозяйства, внешней торговли, частных и иностранных инвестиций, рынка недвижимости, а также децентрализации принятия решений, расширению «автономии» государственных предприятий и допуску частного капитала к финансовой деятельности. Они включают, среди прочего, децентрализацию на муниципальном уровне ряда полномочий: административное управление, кадровые вопросы, бюджетную, финансовую и местную налоговую сферы и некоторые другие вопросы.

Премьер-министр М. Марреро Крус пояснил, что «расширение участия всех экономических субъектов на равных условиях, привлечение иностранных инвестиций и признание рыночных механизмов инструментом распределения ресурсов не являются отказом от социализма, а представляют собой суверенное решение адаптировать инструменты развития к нынешним условиям». По его словам, это ответ на конкретную ситуацию, а не слабость. Социалистическое планирование не исключает рыночных правил, а регулирует их в интересах развития [Cruz].

К октябрю 2026 г. из 176 экономических и социальных реформ, одобренных правительством в июне, 158 реформ (89%) были оформлены 197 нормативными актами [Cruz].

Первый тематический блок нововведений касается реформы государственного предприятия. Ключевым ее элементом стала возможность преобразования государственных предприятий в акционерные общества, с сохранением контроля государства над стратегическими отраслями. Как заметил глава кубинского правительства, это «не синоним приватизации»: речь идёт о том, чтобы «разделить собственность и управление, привлечь частный капитал — национальный или иностранный — и повысить эффективность, конкурентоспособность и экспорт», госпредприятия «более гибкими, эффективными и скоординированными» с остальной экономикой [6].

В начале сентября 2026 г. был принят Декрет-закон 120/2026 «О государственной предпринимательской системе Кубы» (Del Sistema Empresarial Estatal Cubano). По сути он знаменовал переход от жесткого административно-ведомственного контроля к модели централизованного управления государственными активами (посредством создания Национального института государственных предпринимательских активов — INAEE) при одновременном расширении коммерческой автономии на местах. Госпредприятия получают реальные права, в том числе самостоятельно утверждать структуру компании и штатное расписание, определять цены и тарифы, ориентируясь на рынок, формировать собственную систему оплаты труда (тарифная сетка отменяется, зарплаты согласуются напрямую с трудовым коллективом и профсоюзом), выпускать корпоративные облигации и векселя для привлечения финансирования и др.

Тогда же был принят Декрет-закон 133/2026, внесший кардинальные изменения и дополнения в принятые ранее (в 2024 г.) базовые Декреты-законы 88 (о MIPYMES), 89 (о несельскохозяйственных кооперативах) и 90 (о самозанятых). Он призван обеспечить децентрализацию экономики, сокращение бюрократических барьеров и интеграцию государственного и частного секторов в единую бизнес-систему. Отменяется лимит на численность персонала, легализуется крупный частный бизнес в форме обществ с ограниченной ответственностью (S.R.L.) и разрешается привлекать капитал кубинской диаспоры и иностранных граждан. Для Кубы это означает появление первых национальных бизнес-групп. Отмена ограничений по масштабам и численности открывает возможность формирования среднего бизнеса.

Фактически ликвидируется государственная монополия на внешнюю торговлю, частным структурам предоставляется право на прямые импортно-экспортные операции.

Впервые с начала революции на Кубе разрешено создание частных компаний в сельском хозяйстве. Кооперативы и другие производители (субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП) в сельском хозяйстве) смогут напрямую экспортировать продукцию, импортировать оборудование и топливо, открывать счета за рубежом, привлекать внешнее финансирование и самостоятельно договариваться о ценах на свою продукцию. В аграрной сфере документ упраздняет ограничения на площадь земель, передаваемых частникам в безвозмездное пользование (узуфрукт) и на права застройки.

Кроме того, Декрет-закон 133/2026 санкционирует допуск частной инициативы в социальный сектор, разрешая открытие коммерческих аптек и образовательных центров;

институционализирует уличную торговлю; легализует операции негосударственных субъектов с наличной иностранной валютой (включая снятие средств и кредитование) через Центральный банк Кубы.

Ранее, 28 июля 2026 г., как регуляторное дополнение к реформе частного сектора был выпущен Декрет 160/2026 Совета министров Кубы (Decreto 160/2026 de Consejo de Ministros), который отменил 46 отраслевых запретов для частного бизнеса и скорректировал еще 35 сфер, значительно расширив список разрешенных видов деятельности.

В части негосударственных форм управления предложено авторизовать все ожидающие заявки — их насчитывается 7254, из которых 3505 уже сертифицированы при 12771 действующем субъекте [Cruz].

В условиях финансового дефицита важнейшей задачей остается привлечение инвестиций. Инвестировать в кубинскую экономику напрямую предлагают всем: как гражданам Кубы, так и иностранным физическим и юридическим лицам, в том числе кубинским эмигрантам (представителям кубинской диаспоры, проживающим прежде всего в США) [Transformaciones… Pp. 26, 33].

В начале сентября 2026 г. был опубликован Декрет-закон 128/2026 Государственного совета Кубы, внесший изменения в базовый Закон 118 «Об иностранных инвестициях» от 2014 г. Суть новшеств — в демонтаже жесткого государственного контроля над финансами и кадровой политикой совместных и иностранных предприятий с целью экстренного привлечения зарубежного капитала.

Этот нормативный акт предоставляет предприятиям с иностранным участием право осуществлять прямой найм и увольнение кубинского персонала. Инвесторам официально разрешается напрямую выплачивать сотрудникам надбавки и премии в иностранной валюте. В финансовой сфере закон отменяет требование о получении предварительного разрешения Центрального банка Кубы на открытие счетов за пределами острова, переводя данный процесс на уведомительный порядок. Документ также оптимизирует бюрократические процедуры, сокращая сроки регистрации инвестиционных проектов и упрощая интеграцию зарубежного капитала с национальным частным сектором.

Глубокий кризис лишил кубинское государство возможности самостоятельно содержать высокотехнологичную инфраструктуру. Из-за этого Гаване пришлось частично поступиться принципом монополии на связь и открыть зарубежным инвесторам доступ к некоторым цифровым объектам кубинской государственной телекоммуникационной компании ETECSA (Empresa de Telecomunicaciones de Cuba S.A.), которые ранее считались неприкосновенными.

Кроме того, кубинские власти намерены расширить частное и иностранное участие в энергетике, торговле, туризме и транспорте. В частности, разрешены импорт и розничная продажа топлива частными компаниями, допуск иностранных сетей ресторанов

и кафе, открыт для новых форм государственно-частного партнерства туристический сектор. Несмотря на санкции, торговля частных компаний напрямую с зарубежными контрагентами вполне может быть налажена.

Отдельный блок реформ относится к финансовой системе. Наиболее важным является разрешение на деятельность частных банковских учреждений. Правительство намерено допустить частный и иностранный капитал в банковский сектор, легализовать частные обменные пункты, создать цифровой валютный рынок и внедрить систему аукционов иностранной валюты для устранения искажений обменного курса. Первые шаги (свобода валютных счетов для частного сектора и отмена валютных ограничений) уже реализуются на практике. Однако создание физической сети частных банков, запуск полноценных аукционов и интеграция институтов цифрового рынка пока находятся в процессе технического и операционного развертывания кубинским финансовым регулятором.

Правительство официально признало нежизнеспособность прежнего обменного курса (24 CUP за 1 USD). Принятый пакет реформ наделил Центральный банк Кубы (BCC) полномочиями проводить глубокую контролируемую девальвацию. Курс был резко опущен до рыночных значений (около 695 CUP за 1 USD), что позволило легальным государственным расчетам приблизиться к реалиям рынка.

Летом 2026 г. были приняты важнейшие социальные законы, напрямую влияющие на экономическую активность граждан. Новый трудовой кодекс обновил законодательство 2013 г., добавив гибкость в трудовые договоры и закрепив права работников в новых форматах занятости. Закон о жилье закрепил за физическими лицами право иметь в собственности до двух жилых объектов, расширяя внутренний оборот и права граждан на недвижимость. Одним из наиболее радикальных решений стал допуск частного капитала на рынок недвижимости — предвестник рынка девелопмента. Однако без развития ипотечного кредитования и соответствующей банковской системы полноценный рынок недвижимости пока сформировать сложно.

Некоторые из 176 пунктов, принятых правительством, представляются трудно реализуемыми в краткосрочной перспективе, так как они весьма чувствительны к санкциям. Это относится, например, к запуску валютных аукционов (пункт 99). Ни один иностранный банк не рискнет открыть корреспондентские счета на Кубе, так как его мгновенно «отрежут» от долларовой системы США и легальный приток валюты будет заблокирован.

В энергетическом секторе предусмотренное разрешение частному и иностранному капиталу напрямую импортировать и продавать топливо через розничные сети (АЗС) уже повлекло со стороны администрации США репрессивные меры в сентябре 2026 г. А вот стимулирование бизнеса перейти на использование солнечной генерации дает хорошие результаты [Transformaciones… P. 14]. Благодаря целенаправленной политике фотоэлектрические парки на Кубе уже вырабатывают в среднем 38% дневного производства электроэнергии [Proyecto…].

Вполне рабочим решением может оказаться работа с криптоактивами и финтех (Пункт 87: Использование виртуальных активов и криптовалют для международных расчетов). Это делает транзакции полностью невидимыми для OFAC. Технически Куба способна проводить трансграничные платежи в обход SWIFT и американских банков, используя блокчейн. Тем более что развитие цифровых технологий и искусственного интеллекта числится среди приоритетов проводимой «цифровой модернизации страны».

Одна из главных проблем трансформаций на Кубе — не отсутствие правильных решений, а медленная и не всегда последовательная их реализация. После введения США нового санкционного режима в сентябре 2026 г. внешняя среда резко изменилась. Санкции США способны полностью заблокировать некоторые масштабные элементы кубинских реформ. Но те пункты программы, которые опираются на цифровизацию, солнечную энергию и частный бизнес, вполне могут быть реализованы, так как они технологически неуязвимы для традиционных механизмов американского эмбарго.

Как видно из принятого кубинским руководством антикризисного пакета мер, ключевым драйвером преодоления затяжного макроэкономического кризиса фактически признается негосударственный сектор. В условиях критического дефицита государственных ресурсов и ликвидности именно частная инициатива, малые и средние предприятия, а также легализованный иностранный капитал должны взять на себя функции по насыщению внутреннего рынка товарами, обеспечению валютой и поддержанию занятости, трансформируясь из временного компромисса в конституционно защищенную опору кубинской экономики.

В борьбе за выживание не должна повториться практика прошлого, когда кубинские власти не однажды вводили послабления для частной инициативы, а затем, по мере относительного улучшения ситуации, всякий раз их сворачивали путем ужесточения административных, налоговых и контрольно-нормативных мер давления на бизнес. Руководство Кубы понимает, что реализация новых инициатив грозит усугубить социально-экономическое неравенство, которое весьма болезненно воспринимается кубинским обществом. Тем не менее президент М. Диас-Канель неоднократно подчеркивал, что реформы являются способом сохранения социалистического проекта в принципиально изменившихся международных условиях, а не переходом к классической рыночной модели [Robbio].

* * *

Современная трансформация на Кубе представляет собой сложный процесс институциональной перестройки социалистической экономики в условиях новых внутренних и внешних вызовов. Ее отличительная особенность — постепенное расширение рыночных механизмов без изменения существующей политической системы. Вместе

с тем эффективность преобразований во многом зависит от воздействия внешних факторов. Непосредственная близость острова к Соединенным Штатам была и остается основанием для американского гегемона подчинить непокорного соседа своим экономическим и политическим интересам. Куба действительно представляет угрозу политике «Донро», демонстрируя латиноамериканским государствам способность отстаивать свой суверенитет и выбранный путь развития.

Санкционная политика Вашингтона оказывает существенное влияние на инвестиционный климат, внешнюю торговлю, финансовую систему и доступ Кубы к мировым рынкам капитала, лишая ее возможностей развиваться. Кубинское руководство называет деятельность администрации Трампа «геноцидом» по отношению к населению острова.

Реакция Гаваны на усиление санкций носит не только оборонительный, но и адаптационный характер. Вместо отказа от существующей модели государство предпринимает попытку трансформировать ее. Эта взаимосвязь — когда ужесточение внешнего давления одновременно подталкивает ускорение внутренних реформ — представляется одной из ключевых особенностей современного этапа развития Кубы.

Примечания

1. Принятый в 1992 г. Закон о кубинской демократии, более известный как «Акт Торричелли», ввел прямой запрет на любые торговые операции с Кубой для зарубежных филиалов и дочерних структур американских корпораций. Кроме того, закон установил 180-дневный запрет на заход в порты США для любых иностранных судов, осуществлявших транспортировку грузов или пассажиров в кубинские порты.
2. В 1996 г. Конгресс оформляет всю совокупность санкций законом Хелмса–Бертона (Helms–Burton legislation). Условиями их отмены, наряду с демократизацией политической и экономической жизни по американским стандартам, было отстранение от власти братьев Кастро. Президент может приостанавливать применение отдельных статей этого закона, но право его отмены принадлежит Конгрессу.
3. Трамп заявил, что доктрину Монро теперь в честь него называют Донро // РИА Новости. 03.01.2026. — URL: ria.ru/20260103/tramp-20662859.html (дата обращения: 29.09.2026).
4. Reuters: США выдвинули обвинение против экс-лидера Кубы Рауля Кастро // Ведомости. 20.05.2026. — URL: vedomosti.ru/politics/news/2026/05/20/1198767-ssha-vidvinuli-obvineniya (дата обращения: 20.05.2026).
5. Рубио заявил, что Куба «уже пала» // Новости Mail. 29.09.2026. — URL: news.mail.ru/politics/72535274/?frommail=1&md=1&utm...partner...id=112 (дата обращения: 29.09.2026).
6. Куба реализовала 89% пакета реформ по либерализации экономики // Либертадор. 28.09.2026. — URL: libertador.ru/kuba-realizovala-89-paketa-reform-po-liberalizaczii-ekonomiki/ (дата обращения: 29.09.2026).

Литература

Калашников Н.В. Новая конституция — новый шаг к обновлению социализма на Кубе // Куба Si! 60 лет Революции. М. 2019. С. 23–43.

Калашников Н.В., Николаева Л.Б., Кодзоев М.М.-А. Куба: международное сотрудничество в условиях санкционного давления США // Iberoamerica. № 4. 2025. С. 5–35.

Кодзоев М. США — Куба: эхо холодной войны. М. 2020.

Куба Si! 60 лет Революции. М. 2019.

Куба накануне смены поколений. М. 2017.

Куба: новый этап адаптации. М. 2011.

Куба: от адаптации к переменам. М. 2007.

Куба: трудности модификации социально-экономической модели. М. 2025.

Николаева Л.Б., Калашников Н.В. Болевые точки кубинской экономики // Свободная мысль. № 4 (1712). 2025. С. 129–143.

Николаева Л.Б., Калашников Н.В. Куба: трансформации в экономике в кризисных условиях // Латинская Америка. № 5. 2026. С. 6–21.

Очерки истории Кубы. М. 1978.

Addressing threats to the United States by the Government of Cuba. Executive Order 14380 // The White House. 29.01.2026. — URL: whitehouse.gov/presidential-actions/2026/01/addressing-threats-to-the-united-states-by-the-government-of-cuba/?utm_source=chatgpt.com (date of access: 02.04.2026).

Almeida Bacallao M.E. “Nuestras politicas estan matando a los ciudadanos cubanos”, reconocen legisladores de EE.UU // Granma. 14.07.2026. — URL: granma.cu/mundo/2026-07-14/nuestras-politicas-estan-matando-a-los-ciudadanos-cubanos-reconocen-legisladores-de-ee-uu-14-07-2026-18-07-35 (date of access: 17.07.2026).

Antón Rodriguez S. Nuevas normas perfeccionan la gestión de la administración tributaria en el país // Granma. 24.12.2025. — URL: granma.cu/cuba/2025-12-24/nuevas-normas-perfeccionan-la-gestion-de-la-administracion-tributaria-en-el-pais-24-12-2025-00-12-27 (date of access: 05.02.2026).

Bermúdez M. D.-C. ¡Esta es la Revolución, la idea inderrotable de que todos los sueños son realizables! // Granma. 22.12.2023. — URL: granma.cu/discursos-de-diaz-canel/2023-12-22/esta-es-la-revolucion-la-idea-inderrotable-de-que-todos-los-suenos-son-realizables-22-12-2023-23-12-15 (date of access: 19.06.2024).

Capote R.A. Cuba y Estados Unidos: el dialogo sin avances // Granma. 27.09.2026. — URL: granma.cu/mundo/2026-09-27/cuba-y-tstados-unidos-el-dialogo-sin-avances (date of access: 28.09.2026).

Capote R.A. Sin mascaras: Washington contra el sector privado cubano // Granma. 01.10.2026. — URL: granma.cu/mundo/2026-10-01/sin-mascaras-washington-contra-el-sector-privado-cubano-01-10-2026-18-10-39 (date of access: 04.10.2026).

Cbonds 25. — URL: /cbonds.ru/indexes/30351/ (date of access 03.03.2026).

Cruz M.M. Marrero Cruz: «Estas transformaciones no constituyen una desviación del proyecto socialista, por el contrario, responden a la lógica propia de su desarrollo» // Granma. 21.06.2026. — URL: granma.cu/cuba/2026-06-21/intervencion-de-manuel-marrero-cruz-primer-ministro-de-la-republica-de-cuba-en-la-tercera-sesion-extraordinaria-de-la-asamblea-nacional-del-poder-popular-21-06-2026-09-06-50 (date of access 19.09.2026).

Cuba Government "wouldn't discard" Mediator. Resurrect Idea During Trump-Pence Administration In 2016? Calling (Again) Kenneth Feinberg. Economic Eye on Cuba // U.S.-Cuba Trade and Economic Council 27.09.2026. — URL: cubatrade.org/blog/2026/9/27/mgtytyxg0fy8eovhxz6uu9cpco6knq (date of access: 12.10.1026).

Cuba Sanctions // Office of Foreign Assets Control. 29.09.2026. — URL: ofac.treasury.gov/faqs/topic/1541 (date of access: 02.10.1026).

El Programa Económico y Social del Gobierno 2026 // Asamblea Nacional Poder Popular. 01.04.2026. — URL: parlamentocubano.gob.cu/sites/default/files/documento/2026-04/programa_economico_y_social_del_gobierno_2026-comprimido.pdf (date of access: 11.05.2026).

Feinberg R.E. Open for Business: Building the New Cuban Economy. Wash. 2016.

Gonzalez Martinez O. La Ley Torricelli y la cadena de medidas contra la isla // Granma. 23.09.2026. — URL: granma.cu/mundo/2026-09-23/la-ley-torricelli-y-la-cadena-de-medidas-contra-la-isla-23-09-2026-18-09-52 (date of access: 30.09.2026).

Henken T.A., Ritter A.R.M. Cuba empresarial: Emprendedores ante una cambiante política pública. 2020.

LeoGrande W.M., Kornbluh P. Back Channel to Cuba. The Hidden History of Negotiations between Washington and Havana Chapel Hill: North Carolina. 2015.

Marrero Cruz: el objetivo esencial de las transformaciones es elevar la calidad de vida de la población // Representaciones diplomáticas de Cuba en el exterior. 27.09.2026. — URL: misiones.cubaminrex.cu/es/articulo/marrero-cruz-el-objetivo-esencial-de-las-transformaciones-es-elevar-la-calidad-de-vida-de-la-poblacion. (date of access: 11.10.2026).

May 2026 Ag/Food Exports to Cuba increase 13,2%. Economic Eye on Cuba // U.S.-Cuba Trade and Economic Council, Inc. July 2026. — URL: cubatrade.org/blog/2026/7/30/taof4veuqindoiprficmswum72ep9w (date of access: 02.08.2026).

Mesa-Lago C., Pérez-López J.F Cuba's Aborted Reform: Socioeconomic Effects, International Comparisons, and Transition Policies. Florida. 2005.

New US sanctions intensify pressure on investment and trade with Cuba // Caribbean Council. 11.05.2026. — URL: caribbean-council.org/new-us-sanctions-intensify-pressure-on-investment-and-trade-with-cuba/?utm_source=chatgpt.com (date of access: 04.08.2026).

OFAC Adds Cuba Government Entities Too SDN List — More No Come. Economic Eye on Cuba // U.S.-Cuba Trade and Economic Council, Inc. 14.07.2026. — URL: cubatrade.org/blog?offset=1784191966060 (date of access: 16.07.2026).

OFAC expands Cuba sanctions and tightens financial and travel restrictions // Legal500. 02.10.2026. — URL: legal500.com/intelligence/global/government-public-sector/ofac-expands-cuba-sanctions-and-tightens-financial-and-travel-restrictions (date of access 03.10.2026)

Pérez Villanueva O.E, Torres Pérez R. Miradas a la economía cubana: análisis del sector no estatal. Editorial Caminos. 2015.

Proyecto garantizará eficiencia de parques solares en La Habana // ACN. 16.02.2026. — URL: acn.cu/economia/proyecto-garantizara-eficiencia-de-parques-solares-en-la-habana (date of access: 12.04.2026).

Robbio A.P. Díaz-Canel al Parlamento: Cuba cambia para levantarse, para vivir mejor, para seguir siendo libre // Presidencia Gobierno de Cuba. 18.06.2026. — URL: presidencia.gob.cu/es/noticias/diaz-canel-al-parlamento-cuba-cambia-para-levantarse-para-vivir-mejor-para-seguir-siendo-libre/ (date of access: 09.09.2026).

Rubio M. Further Sanctions on the Cuban Regime's Revenue Generation Network. Press Statement. 23.06. 2026. — URL: state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/06/further-sanctions-on-the-cuban-regimes-revenue-generation-network/ (date of access: 24.06.2026).

Rubio M. Sanctioning Cuba's State-Owned Oil and Gas Company Unión Cuba-Petróleo. Press Statement // U.S. Department of State. 11.07.2026. — URL: state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/06/sanctioning-cubas-state-owned-oil-and-gas-company-union-cuba-petroleo/ (date of access: 02.07.2026).

Rubio M. U.S. Sanctions Target Cuba's Military Regime, Elites. Press Statement // U.S. Department of State. 07.05.2026. — URL: state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/05/u-s-sanctions-target-cubas-military-regime-elites (date of access: 02.07.2026).

Schmitz A. EE.UU. aumenta vuelos militares de vigilancia cerca de Cuba // CNN. 10.05.2026. — URL: cnnespanol.cnn.com/2026/05/10/eeuu/cuba-vuelos-militares-trax (date of access: 11.05.2026).

"Tenemos un canal de dialogo directo con EEUU"? reconoce La Habama, pero niega "un progreso significativo" // Diario de Cuba. 23.06.2026. — URL: diariodecuba.com/cuba/1782249045...67617.html (date of access: 29.06.2026).

Transformaciones Económicas y Sociales. Junio 2026. Gobierno República de Cuba. Con todos y para el bien de todos.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.32726/2411-3417-2026-3-59-67
УДК 327; 94

Алексей Штрыков

Постамериканский Ирак: сценарии борьбы внутренних и внешних сил и риски региональной дестабилизации

Аннотация. *В статье анализируются внутриполитические и международные последствия вывода американских войск из Ирака, завершившегося в сентябре 2026 года. Особое внимание уделяется роли шиитских вооруженных формирований в Ираке в контексте их взаимоотношений с официальными властями, а также конкурирующим стратегиям внешних игроков. Анализ показывает, что вывод американского контингента мог рассматриваться Вашингтоном как часть более широкой стратегии по дестабилизации региона и усилению давления на Иран. В условиях межконфессиональных противоречий, сохраняющихся в Ираке и регионе в целом, существует высокий риск возрождения экстремистских структур с потенциально широкими логистическими и оружейными каналами.*

Ключевые слова: *Ирак, Иран, Турция, вывод войск США, межконфессиональная напряженность, экстремизм, вооруженные формирования, американская стратегия, дестабилизация Ближнего Востока, черный рынок вооружений.*

30 сентября 2026 г. завершился вывод американского военного контингента из Ирака, где войска так называемой международной коалиции во главе с США находились с 2014 г. под предлогом борьбы с группировкой ИГИЛ (признана террористической и запрещена в РФ). Это событие знаменует начало масштабной реконфигурации сил на Ближнем Востоке. Перестав быть региональным полюсом силы еще в 2003 г., Ирак остается критически значимым ввиду своего геостратегического положения. Сложившаяся там новая ситуация, которую аналитики именуют «вакуумом силы» [1] обострит и соперничество внутри страны, и противостояние внешних игроков, стремящихся использовать иракскую территорию как плацдарм для проецирования собственных интересов.

Решение завершить военное присутствие США в Ираке не было спонтанным. Его институциональные рамки Вашингтон и Багдад согласовали еще в сентябре 2024 г. Согласно графику, американцы должны были уйти из арабской части Ирака к сентябрю 2025 года, из Иракского Курдистана — годом позже.

Параллельно с этим в Багдаде предпринимались попытки использовать процесс для переформатирования внутрииракского баланса сил. В ноябре 2025 г. Мухаммед Шиа

Сведения об авторе: *ШТРЫКОВ Алексей Михайлович — эксперт Фонда исторической перспективы, alexey.shtrykov@yandex.ru.*

ас-Судани, на тот момент премьер-министр Ирака, публично связал уход сил международной коалиции с разоружением шиитских формирований. О том, что группы иракских «параллельных вооруженных формирований» слабо контролируются официальными властями и «насчитывают десятки тысяч бойцов, в том числе верных Тегерану», СМИ писали долгие годы [2]. Если в случае с йеменскими хуситами Иран последовательно отрицает какую-либо военную поддержку, то его давняя роль в координировании иракских шиитских групп фактически не скрывается.

Шиитские формирования

По оценкам, шииты составляют более 60% населения Ирака [Annual Report. P. 65]. Примечательно, что первая за многие десятилетия перепись населения, прошедшая в стране в 2024 г., не конкретизировала эту цифру: по решению федерального суда единственный вопрос о религии заключался в том, относит ли себя респондент к мусульманам или христианам — без уточнения деноминаций [3]. Это недвусмысленно показывает, что вопрос конфессиональной принадлежности остается в Ираке крайне деликатным и даже болезненным.

Обострение напряженности между суннитами и шиитами началось в стране еще в период Ирано-Иракской войны 1980-88 гг. и подпитывалось дальнейшими действиями Саддама Хусейна, направленными на суннитизацию общества, путем которой он рассчитывал упрочить свои позиции в глазах соседних монархий. Однако подлинная поляризация по религиозному признаку произошла в Ираке после свержения Хусейна и решения оккупационной администрации во главе с Полом Бремером демонтировать прежние институты государственной власти. При этом Бремер активно насаждал мифологизированный нарратив, сравнивая режим Хусейна с нацистским и представляя шиитов в роли жертв, а суннитов — в роли гонителей. Возникли идеальные условия, чтобы общество, лишенное иных точек сборки, начало коагулироваться вокруг религиозных лидеров и организаций, подчас радикального толка, и формировать вооруженные отряды для отстаивания своих интересов и терроризирования противников [Rosen. P. 19, 28-32].

Примечательно, что поначалу действия шиитских сил пользовались поддержкой двух геополитических противников: США и Ирана. Вашингтон видел в них инструмент недопущения реванша баасистской элиты, Тегеран планомерно расширял свое влияние. В скором времени Ирак погрузился в беспрецедентный для себя вооруженный религиозный конфликт, причем на стороне шиитов выступали силовые структуры новой власти, а на стороне суннитов — бывшие силовики Хусейна.

Ситуацией активно пользовались экстремистские салафитские (ваххабитские) группировки, такие как «Аль-Каида» (признана террористической и запрещена в РФ). Впрочем, нужно отметить, что в суннитской среде были активны не только они — в 2005-2013 гг. в провинции Анбар успешно действовала вооруженная коалиция арабских племен, известная как «Сахва» («Пробуждение»), которая получала поддержку от аме-

риканцев и задействовалась ими в борьбе с «Аль-Каидой». На фоне военных успехов суннитская община пыталась отстаивать свои права в политическом поле, что не устроило премьер-министра Нури аль-Малики (возглавлял правительство в 2006-2014 гг.). В итоге отряды «Сахвы» были распущены, командиры — репрессированы, а рядовые члены, столкнувшись с дискриминацией, пополнили ряды новой террористической организации — ИГИЛ [Кузнецов. С. 82-85].

В условиях общей неспособности иракской армии противостоять стремительным действиям ИГИЛ Багдаду пришлось полагаться на вооруженные ополчения. В 2014 г. была образована зонтичная военная структура «Силы народной мобилизации» (СНМ) — своего рода вторая армия, в которую вошли десятки вооруженных групп, прежде всего шиитских, но впоследствии также суннитских, христианских и езидских. Ее правовой статус был законодательно закреплен в 2016 г. Официально СНМ поступили в прямое подчинение премьер-министру Ирака, однако в действительности сохранили значительную автономию [Аль-Джанаби].

Хотя большинство иракских шиитов относятся к двунадесятникам (тому же течению шиитского ислама, что и иранское высшее руководство), не все они лояльны Тегерану. Это же можно сказать о шиитских военизированных формированиях. На протяжении долгих лет, помимо проиранских групп, над эффективностью которых работал Корпус стражей Исламской революции, в Ираке действовали группы, ориентированные на таких иракских религиозно-политических деятелей, как аятолла Али ас-Систани и Муктада ас-Садр, настороженно, а подчас и критически относящихся к усилению Ирана [Чикризова. С. 78-80].

Сотрудник американского аналитического центра Foreign Policy Research Institute Мохаммед Салих отмечает наличие у шиитских формирований в Ираке собственных мощностей по производству ракет и БПЛА, а также то, что с момента обострения конфликта в секторе Газа в октябре 2023 г. многие из этих групп участвовали в атаках на силы и объекты США на Ближнем Востоке, влияя таким образом как на динамику в сфере внутренней безопасности Ирака, так и на международные отношения в регионе [Salih].

В таких условиях попытка иракского руководства добиться в связи с прекращением военного присутствия США разоружения формирований и их полного перехода под контроль федерального центра (что приветствовали А. ас-Систани и М. ас-Садр) выглядит логичным ходом. Планировалось, что полная сдача оружия произойдет одновременно с выводом последнего американского солдата, однако реальный политический процесс быстро сломал эту жесткую конструкцию.

Вывод войск США и вопрос разоружения

В конце июля — начале августа 2026 г. Багдад ультимативно обозначил дату разоружения ополчений, 30 сентября, и пригрозил применить к несанкционированной воен-

ной активности закон о противодействии терроризму [4]. Во второй половине августа Ирак посетил спикер иранского парламента Мохаммад-Багер Галибаф. Вскоре после этого (а по мнению некоторых экспертов — и вследствие этого) жесткий тон иракских властей сменился риторикой о поэтапной интеграции. Было объявлено, что шиитские бригады будут не упразднены, но интегрированы в СНМ. С 30 сентября стали связывать лишь старт переговоров по вопросам регулирования вооружений. Продлиться эти переговоры могли сколько угодно [5].

Новый график растянул процесс сдачи оружия до 30 июня 2027 г., информация о деталях поступала противоречивая, а поле для уловок и маневров осталось весьма большое (в том числе имеются сведения о том, что существующие формирования планируется встраивать в СНМ целиком, то есть с сохранением их сложившейся организационной и командной структуры), но Вашингтон формально выразил свое согласие [6]. Однако 30 сентября, когда иракское правительство сделало соответствующее объявление, группы, входящие в состав «Исламского сопротивления в Ираке», отвергли любые директивные политические рамки, навязываемые сверху [7].

Исходя из сценариев вероятного развития событий, полноценное разоружение шиитских формирований едва ли произойдет — тем более с учетом войны, развернутой США и Израилем против Ирана. Для Тегерана отказаться от столь значимого козыря в большом ближневосточном конфликте было бы слишком опрометчиво. Почему же Соединенные Штаты отказались от такого козыря, как военное присутствие на иракской территории?

Еще 31 августа Багдад заявил, что отвергает предложение международной коалиции оставить в стране часть ее контингента после 30 сентября 2026 г. [8]. Тем не менее, как показывает исторический опыт, Вашингтон мог бы попытаться отменить либо задержать вывод своих войск или даже нарастить их численность — ссылаясь на тот же конфликт, — но этого не сделал.

В экспертной среде вывод американских войск из Ирака получил неоднозначную трактовку. Одни называют его дипломатической уступкой Белого дома, своеобразным жестом доброй воли, другие — вынужденным и даже целесообразным для США шагом. Последние месяцы показали крайнюю незащищенность американских баз перед массированными ударами БПЛА и ракет. В Иракском Курдистане американские военнослужащие фактически превратились в статичные мишени — заложников ситуации, неспособных оказывать реальное влияние на региональный баланс сил, но создающих для руководства США постоянный политический риск людских потерь.

«Растущая уязвимость американских баз из-за распространения недорогих дронов и ракет — ситуация, которая только усугубится с внедрением систем наведения на основе искусственного интеллекта — не имеет простого решения, — писал 28 сентября в The Washington Post военный историк Макс Бут. — Чтобы предотвратить удары по базам, можно их закрыть, но это имело бы пагубные политические последствия, сигнализируя об отступлении США» [Boot].

Расчет и сценарии внешних сил

Впрочем, Вашингтон не уходит из Ирака полностью — он сохраняет финансово-экономические рычаги давления: программы военно-технического сотрудничества, а также контрольные счета Центробанка Ирака в Федеральной резервной системе США, через которые проходят расчеты за иракскую нефть [9].

Тегеран, в свою очередь, делает ставку на шиитское большинство и наличие боеспособных проиранских отрядов. Формально иракское законодательство запрещает политическим партиям иметь боевые организации, но на практике этот запрет успешно обходится через механизмы вышеупомянутых «Сил народной мобилизации», что обеспечивает союзникам Тегерана полную интеграцию в государственную систему [Аль-Джанаби]. Эти группы, по мнению экспертов, имеют для Ирана не только военно-политическое, но и экономическое значение, помогая ему через различные каналы обходить западные санкции [Salih].

Вторым мощным внешним центром силы в постамериканском Ираке выступает Турция. Зона ее приоритетных интересов — Иракский Курдистан, где турецкие войска находятся десятилетиями. Целью планомерных действий Анкары было ослабление ее давнего противника, Рабочей партии Курдистана (РПК). В мае 2025 г. РПК приняла решение о самороспуске и к 8 октября 2026 г. вывела все свои вооруженные формирования из Турции и приграничных районов, переводя таким образом борьбу из военной плоскости в политическую [10]. Свою роль в ослаблении курдов играет политический раскол местных элит, усугубившийся после референдума о независимости Иракского Курдистана 2017 г. В свете ухода США, традиционного покровителя курдских автономий, столица Иракского Курдистана Эрбиль, потеряв «зонтик», может стать сговорчивее в диалоге с Анкарой и Багдадом. С другой стороны, вполне обоснованное чувство возросшей уязвимости рискует подтолкнуть курдские структуры к ремилитаризации и реактивации.

Для Багдада турецкое присутствие — предмет сложного маневрирования. Безусловно, оно является нарушением государственного суверенитета, но служит и естественным геополитическим противовесом иранскому доминированию. Заманчиво выглядит и перспектива возобновления транспортировки нефти по ирако-турецкому трубопроводу Киркук — Джейхан (что особенно актуально в период повышенной волатильности в зоне Персидского залива) [11]. Трубопроводный экспорт мог бы в большей степени развернуть иракскую нефть на европейские рынки, в настоящий момент испытывающие дефицит энергоносителей. Есть у Турции и еще один рычаг: каскад плотин GAP (Проекта Юго-Восточной Анатолии) в верховьях Тигра и Евфрата, благодаря которому она может облегчать или усложнять ситуацию для всего сельского хозяйства Ирака [Штрыков].

Однако ни усиление Турции, ни тем более Ирана не устраивает еще одного важнейшего ближневосточного игрока, интересы которого неуклонно стараются блюсти

США, — Израиль. Вполне возможно, что, выводя из Ирака свои войска, Вашингтон рассчитывает на стратегическую дестабилизацию региона путем его повторной мощной радикализации.

Прослеживается параллель с выводом войск США из Афганистана в 2021 г., когда американцы бросили в этой стране огромное количество оружия, которое легко могло попасть в руки группировок, представлявших угрозу для России и ее соседей. Комментируя ситуацию, Николай Патрушев, на тот момент возглавлявший Совет Безопасности РФ, сравнил ее с «бомбой замедленного действия» [Выступление Секретаря Совета Безопасности…]. Если дестабилизация региона входила в планы администрации Джо Байдена, то тогда расчет не оправдался: Москва и Пекин сумели оперативно выстроить с движением «Талибан» прагматичный диалог. Однако Иран рискует получить на своих западных границах силу, с которой заведомо не сможет договориться.

«ИГИЛ 2.0»

С 30 сентября 2026 г. США фактически полностью сняли с себя ответственность за дальнейшее развитие событий в Ираке. В случае как сохранения вооруженных шиитских формирований, так и их разоружения, достаточно будет нескольких спровоцированных конфессиональных инцидентов, чтобы запустить процесс стремительной радикализации иракских арабов-суннитов, после чего они могли бы взяться за оружие и объединиться с остатками ИГИЛ.

С учетом текущего ослабления курдов (и в частности РПК), гипотетическая новая экстремистская «сборка» (условное «ИГИЛ 2.0») может получить гораздо большую оперативную свободу, чем 10-15 лет назад. В Ираке сохраняются обширные суннитские регионы (провинции Анбар, Найнава, Салах-эд-Дин). Их дестабилизация позволит пробить непрерывный коридор от восточной Сирии к Ирану. Даже если речь будет идти о малом участке 1400-километровой ирано-иракской границы — и даже при умеренно-негативном сценарии — Иран окажется вынужденным отвлекать значительные силы и ресурсы на иракское направление.

При наиболее радикальном развитии событий он впервые за десятилетия рискует получить полноценный сухопутный фронт. Не будем забывать, что до сих пор американо-израильские действия против Ирана были лишены именно сухопутной составляющей. Не желая рисковать собственными военнослужащими, Вашингтон и Тель-Авив так и не смогли найти региональные государства, готовые воевать с Ираном. Реконструированное фанатичное экстремистское движение в Ираке, стань оно реальностью, способно восполнить этот пробел.

Хаотизация грозит ударить и по Турции, а если североиракские нефтяные месторождения подпадут под контроль джихадистов, они могут стать источником финансирования борьбы как против Тегерана, так и против Анкары.

У потенциальной хаотизации Ирака прослеживается целый круг бенефициаров. Помимо США и Израиля, которые переложат задачи по противодействию Ирану на третью силу, снимая с себя военные и политические риски, в их круг входит и Саудовская Аравия. Хотя Эр-Рияд официально заявляет о стремлении к нормализации положения в регионе, союзные хуситам шиитские формирования Ирака остаются для него прямой военной угрозой, учитывая удары по саудовской нефтетранспортной инфраструктуре [12]. Не будем забывать, что религиозным базисом радикализации иракского суннитского населения в прошлом выступала именно салафитская идеология, экспортировавшаяся саудовскими проповедниками и организациями. Задействовать ее могут и для «ИГИЛ 2.0».

Черный рынок

Фундаментальный вопрос любого экстремистского проекта — источники вооружения. В отличие от 2014 г., когда ИГИЛ во многом захватывало склады отступающей иракской армии, новая группировка может получить доступ к высокотехнологичному оружию через международные теневые каналы — и, вероятнее всего, при участии Украины. Киевский режим, открыто проявляющий враждебность к Ирану как к военно-политическому партнеру России, заинтересован в создании любых фронтов, отвлекающих ресурсы Тегерана и Москвы. Более чем вероятным выглядит создание логистической цепочки поставок вооружений с Запада через украинскую прокладку на Ближний Восток. О подобных фактах Россия последовательно заявляла, в том числе в Организации Объединенных Наций. «Оружие, на бумаге поставляемое киевскому режиму, в последующем всплывает в Африке, Азии и Латинской Америке, — отметил на заседании СБ ООН в апреле 2026 г. Василий Небензя. — Евросоюзовскими усилиями Украина превратилась в крупнейший центр незаконного оборота оружия. По подсчетам такого авторитетного американского аналитического центра, как «Институт изучения войны», каждый третий автомат, попавший в руки экстремистских и террористических групп по всему миру, — украинского происхождения» [Выступление Постоянного представителя ...].

В такой ситуации проиранские силы в Ираке тем более оказываются лишены стимула к разоружению. К тому же — регулярная иракская армия в свое время продемонстрировала полную неспособность сдерживать натиск ИГИЛ. Сомнительно, что шиитские бригады прекратят удары по объектам, связанным с США, и союзникам американцев в регионе. Заблаговременно выведя войска, Вашингтон получает возможность решать этот вопрос силовым путем, без риска для себя интенсифицируя удары по иракским шиитам.

Выводы

Разрастание нового джихадистского очага в Ираке рискует нанести прямой ущерб ключевым державам Евразии — России и Китаю. Помимо ослабления их союзника и страны БРИКС — Ирана, это непосредственный удар по китайской концепции «Один

пояс — один путь», угроза инвестициям в иракскую нефтедобычу, дестабилизация поставок, а также возрождение экстремистской и террористической угрозы, к которой в Москве и Пекине традиционно относятся самым серьезным образом.

Тем не менее описанный мрачный сценарий не неизбежен. В нем заложено множество неизвестных переменных — начиная с того, что радикализация населения и организация боевых структур потребует значительного времени. В таком случае у региональных и глобальных игроков в распоряжении есть как минимум несколько месяцев, которыми важно правильно распорядиться. Возможно, предупреждение катастрофического развития событий потребует ситуативного объединения усилий таких традиционных соперников, как Тегеран и Анкара. В противном случае Ближний Восток рискует погрузиться в новый цикл военного противоборства, по своим масштабам превосходящий события прошлого десятилетия.

Примечания

1. См.: *Sharp A.* U.S. Forces Leave Behind a Power Vacuum in Iraq. // Foreign Policy. 30.09.2026. — URL: foreignpolicy.com/2026/09/30/us-military-withdraws-troops-iraq-power-vacuum-iran-islamic-state-hegseth/ (date of access: 20.10.2026).
2. См.: *Rubin A.* 20 Years After U.S. Invasion, Iraq Is a Freer Place, but Not a Hopeful One. // The New York Times. 18.03.2023. — URL: nytimes.com/2023/03/18/world/middleeast/iraq-war-20th-anniversary.html (date of access: 20.10.2026).
3. См.: Iraq's population grew to 45.4 million according to the first survey in decades. // AP. 25.11.2024. — URL: apnews.com/article/iraq-population-census-a74ca47e45036b9a593824df0d5889e3 (date of access: 20.10.2026).
4. См.: *Mahmoud S.* Disarm by September 30 or face terrorism charges, Iraqi leadership warns Iran-backed militias. // The National News. 06.08.2026. — URL: thenationalnews.com/news/mena/2026/08/06/disarm-by-september-30-or-face-terrorism-charges-iraqi-leadership-warns-iran-backed-militias/ (date of access: 20.10.2026).
5. См.: *Saadoon M.* Iraqi Government Reaches Agreement With Factions on Weapons. // MBN. 22.09.2026. — URL: alhurra.com/en/41684 (date of access: 20.10.2026).
6. См.: *Hagedorn E.* Rubio meets Iraq's PM as remaining US troops prepare exit. // Al-Monitor. 21.09.2026. — URL: al-monitor.com/originals/2026/09/rubio-meets-iraqs-pm-remaining-us-troops-prepare-exit (date of access: 20.10.2026).
7. См.: المقاومة الاسلامية في العراق [Исламское сопротивление Ирака]. منذ أكثر من أربعين يوماً [Более сорока дней...] // Telegram: социальная сеть. 30.09.2026. — URL: t.me/ElamAlmoqawama/1649 (date of access: 20.10.2026).
8. См.: *Шабловский В.* Ирак отказался оставить на своей территории военных коалиции во главе с США. // Российская газета. 31.08.2026. — URL: rg.ru/2026/08/31/irak-otkazalsia-ostavit-na-svoej-territorii-voennyh-koalicii-vo-glave-s-ssha.html (дата обращения: 20.10.2026).
9. См.: *Rasheed A.* Explainer: How the US controls Iraq›s oil revenues. // Reuters. 30.09.2026. — URL: reuters.com/business/energy/how-us-controls-iraqs-oil-revenues-2026-09-30/ (date of access: 20.10.2026).
10. См.: Al Hadath: РПК объявила о завершении вывода войск из Турции. // ТАСС. 08.10.2026. — URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/28194425 (дата обращения: 20.10.2026).

11. См.: *Abdul-Zahra Q.* Iraq and Turkey strike a 1-year oil pipeline deal to boost exports during ongoing Hormuz closures. // AP. 01.08.2026. — URL: apnews.com/article/iraq-turkey-oil-pipeline-agreement-f930588c201d6cb36c1cedb26a1f9331 (date of access: 20.10.2026).
12. См.: *Al-Nawab A.* Exclusive: IRGC, Houthis behind Saudi pipeline attack, Iraq probe finds. // The New Arab. 28.09.2026. — URL: newarab.com/news/exclusive-irgc-houthis-behind-saudi-pipeline-attack-iraq (date of access: 20.10.2026).

Литература

Аль-Джанаби А.С. Иракские Силы народной мобилизации на пороге институционального оформления // РСМД. 12.08.2025. — URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/irakskie-sily-narodnoy-mobilizatsii-na-poroge-institutsionalnogo-oformleniya/ (дата обращения: 20.10.2026).

Выступление Постоянного представителя В.А. Небензи на заседании СБ ООН по взаимодействию ООН с ЕС. // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 13.04.2026. — URL: russiaun.ru/ru/news/unsc_uneu (дата обращения: 20.10.2026).

Выступление Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Н.П.Патрушева на открытии XVII Совещания руководителей органов безопасности и разведывательных служб государств-участников СНГ по вопросам разведывательной деятельности // Совет Безопасности Российской Федерации. 13.10.2021. — URL: scrf.gov.ru/news/speeches/3098/ (дата обращения: 20.10.2026).

Кузнецов А. Конфессиональная поляризация в постсаддамовском Ираке и проблемы суннитско-шиитских отношений // Россия и мусульманский мир. 2016. №10 (292). — URL: cyberleninka.ru/article/n/konfessionalnaya-polyarizatsiya-v-postsaddamovskom-irake-i-problemy-sunnitsko-shiitskih-otnosheniy-1 (дата обращения: 20.10.2026).

Чикризова О. С. Шиитские негосударственные вооруженные группировки на Ближнем Востоке: иракский кейс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. №1 (842). — URL: cyberleninka.ru/article/n/shiitskie-negosudarstvennye-vooruzhennye-gruppirovki-na-blizhnem-vostoke-irakskiy-keys (дата обращения: 20.10.2026).

Штрыков А. М. Водное банкротство // Столетие, 10.06.2026. — URL: stoletie.ru/zarubejie/vodnoje_bankrotstvo_125.htm (дата обращения: 20.10.2026).

Annual Report of the U.S. Commission on International Religious Freedom. // USCIRF. Washington, DC. March 2026. iv+92 p. — URL: uscirf.gov/sites/default/files/2026-08/USCIRF_2026_AR.pdf (date of access 20.10.2026).

Boot M. Iran destroys a fundamental U.S. military assumption // The Washington Post. 28.09.2026. — URL: washingtonpost.com/opinions/2026/09/28/iran-war-has-exposed-major-flaw-us-military-strategy/ (дата обращения: 20.10.2026).

Rosen N. Aftermath: Following the Bloodshed of America›s Wars in the Muslim World. — New York. 2010. 581 p.

Salih M. A. Militias and Iraq's Role in a Multifaceted Regional War // FRPI, 25.03.2026. — URL: fpri.org/article/2026/03/militias-and-iraqs-role-in-regional-conflict/ (date of access 18.10.2026).

DOI 10.32726/2411-3417-2026-3-68-75
УДК 327

Фархад Ибрагимов

Мекканское соглашение как фактор формирования многополярной архитектуры безопасности на Ближнем Востоке

Аннотация. *В статье рассматривается Мекканское соглашение о совместной обороне, подписанное 7 августа 2026 г. Саудовской Аравией, Турцией и Пакистаном. Автор анализирует предпосылки появления нового формата, интересы его участников и вероятное влияние соглашения на региональный баланс сил. Мекканское соглашение может стать одним из элементов многополярной архитектуры безопасности при условии институционализации сотрудничества и сохранения открытого характера объединения. Его значение состоит не только в закреплении принципа коллективной обороны, но и в стремлении региональных держав диверсифицировать источники безопасности и уменьшить зависимость от внешнего гаранта. Однако отсутствие опубликованного текста договора, неясность процедур принятия решений и различие стратегических приоритетов участников пока не позволяют рассматривать новый формат как сложившийся военно-политический блок.*

Ключевые слова: *Мекканское соглашение, Ближний Восток, региональная безопасность, многополярность, Саудовская Аравия, Турция, Пакистан, Иран, коллективная оборона.*

Подписание 7 августа 2026 г. в Мекке соглашения о совместной обороне между Саудовской Аравией, Турцией и Пакистаном (Мекканского пакта) стало одним из наиболее заметных за последние месяцы событий в перестройке ближневосточной системы безопасности. Согласно официальному коммюнике, вооруженное нападение на одного из участников должно рассматриваться как нападение на всех, а само соглашение направлено на усиление коллективного сдерживания и развитие сотрудничества в оборонной сфере [Makkah Al-Mukarramah Summit...]. Такая формула неизбежно вызывает аналогию со статьей 5 Североатлантического договора. Однако суть нового формата не во внешнем сходстве с НАТО, а в появлении самостоятельного центра согласования интересов трех крупных государств, соединяющего Ближний Восток, Анатолию и Южную Азию.

Примечательно, что полный текст соглашения так и не был опубликован (по состоянию на 23 августа 2026 г.). Не раскрыты точные условия его применения, геогра-

Сведения об авторе: *ИБРАГИМОВ Фархад Эльшан оглы — преподаватель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, farxadibragimov@yandex.com.*

фические пределы обязательств, порядок квалификации вооруженного нападения и конкретные формы помощи подвергшемуся атаке участнику [1]. Поэтому говорить о создании полноценного военного альянса было бы преждевременно. Вместе с тем договор имеет серьезное политическое содержание. Он демонстрирует стремление региональных держав Ближнего Востока перейти от ситуативной координации к более устойчивым механизмам обеспечения безопасности и одновременно указывает на постепенную утрату прежней системой союзов американоцентричного характера.

От «импортируемой безопасности» к диверсификации гарантий

В течение нескольких десятилетий безопасность арабских монархий Персидского залива в значительной мере обеспечивалась за счет военно-политического присутствия США. Вашингтон выступал главным внешним гарантом свободы судоходства, устойчивости поставок энергоресурсов и сохранения регионального баланса сил. Американские военные базы, двусторонние оборонные соглашения и поставки вооружений образовывали основу системы, в которой большинство региональных государств действовали не автономно, а в рамках стратегических связей с Соединенными Штатами. Эта модель не исчезла, но ее эффективность все чаще ставится под сомнение. Военные кампании возглавляемой США коалиции в Ираке и Афганистане; непоследовательность политики Вашингтона в период «арабской весны»; выход США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по Ирану; ограниченная реакция на удары по саудовской нефтяной инфраструктуре в 2019 г.; наконец, расширение палестино-израильского конфликта, приведшее в конце концов к американо-израильской агрессии против Ирана, — все это усилило в регионе ощущение стратегической неопределенности. Безусловно, речь идет не о полном уходе США с Ближнего Востока, а о снижении готовности региональных партнеров полагаться исключительно на решения одного внешнего центра [Cook].

В этих условиях ближневосточные государства стремятся сформировать многоуровневую систему гарантий. Сохраняя связи с Вашингтоном, они активно развивают отношения с Китаем и Россией, расширяют военно-техническое сотрудничество друг с другом и создают небольшие коалиции для решения отдельных задач. Такое поведение можно определить как стратегическое хеджирование: государство не разрывает прежние союзы, но распределяет риски между несколькими партнерами.

Мекканское соглашение вписывается именно в эту логику. Оно не отменяет турецкого членства в НАТО, американо-саудовского партнерства или самостоятельных связей Пакистана с Китаем. Новый механизм добавляет к ним еще один уровень взаимодействия, в рамках которого решения должны приниматься самими региональными державами. Подобная конфигурация соответствует общему вектору развития международной системы, подразумевающий переход к многополярности [Al-Jaber].

В региональном измерении многополярность означает не простое увеличение числа влиятельных государств, а усложнение связей между ними. Рядом с традиционным

присутствием США формируются самостоятельные центры силы, способные предлагать собственные политические, экономические и военные инструменты. В результате жесткая иерархическая система постепенно уступает место сети пересекающихся партнерств. Именно поэтому Мекканское соглашение не сводится к созданию очередного «ближневосточного НАТО». Оно скорее отражает поиск более гибкой архитектуры, в рамках которой государства одновременно участвуют в нескольких форматах и сохраняют пространство для внешнеполитического маневра.

Интересы участников и логика взаимодополняемости

Появление трехстороннего механизма не было внезапным. Его непосредственной основой стало Стратегическое соглашение о взаимной обороне, подписанное Саудовской Аравией и Пакистаном 17 сентября 2025 г. В нем уже содержался принцип, согласно которому агрессия против одной стороны рассматривается как агрессия против обеих [Joint Statement…]. Присоединение Турции превратило двусторонние обязательства в более широкий формат и придало им качественно иное региональное измерение. Каждый участник мекканского трехстороннего формата вносит в него собственный набор ресурсов. Саудовская Аравия располагает значительными финансовыми возможностями, влиянием на энергетические рынки и особым политическим весом в арабском и исламском мире. Турция обладает крупными вооруженными силами и быстро развивающимся оборонно-промышленным комплексом, являясь при этом одной из ведущих сил Североатлантического альянса. Пакистан имеет многочисленную армию, опыт ведения боевых действий, а самое главное — статус ядерной державы. Такое сочетание создает эффект взаимодополняемости: трехсторонняя координация позволяет задействовать целый комплекс ресурсов для противостояния потенциальной агрессии, недоступный ни для одной из сторон по отдельности.

При этом мотивы участников альянса не тождественны. Для Эр-Рияда соглашение является способом диверсифицировать оборонные связи и укрепить защиту критической инфраструктуры. Анкара получает дополнительную площадку для продвижения собственной военно-промышленной продукции и закрепления статуса самостоятельного центра силы. Исламабад усиливает позиции за пределами Южной Азии и углубляет отношения с двумя важными экономическими партнерами. Таким образом, устойчивость нового союза основана не на единой идеологии, а на пересечении прагматических интересов. Это одновременно его преимущество и слабость. Саудовская Аравия более всего сосредоточена на безопасности Персидского залива и Красного моря, Турция — на сирийском направлении, Восточном Средиземноморье и собственных отношениях с НАТО, а Пакистан — на Индии, Афганистане и пограничных угрозах. Остается неясным, будут ли партнеры готовы участвовать в конфликте, который одна из сторон считает жизненно важным, а две другие — периферийным.

Министр иностранных дел Турции Хакан Фидан сравнил закрепленный в Мекканском соглашении принцип взаимопомощи со статьей 5 Североатлантического договора, но одновременно указал на необходимость консультаций при определении конкретного

ответа [2]. Международно-правовой основой подобных договорных обязательств выступает статья 51 Устава ООН, закрепляющая неотъемлемое право государств на индивидуальную и коллективную самооборону в случае вооруженного нападения [Устав Организации Объединенных Наций. Статья 51]. Таким образом, политическое обязательство коллективной обороны пока не означает автоматического вступления всех участников в военные действия в порядке помощи одной из сторон соглашения. Сопоставление с НАТО имеет и другое ограничение. Статья 5 Североатлантического договора опирается на десятилетия институционального развития, постоянные органы, интегрированное военное планирование, общие стандарты и регулярные учения [The North Atlantic Treaty]. Мекканское соглашение находится лишь в начале этого пути. Его реальная эффективность будет зависеть от создания механизмов обмена разведывательной информацией, противовоздушной и противоракетной обороны, совместного планирования, военно-технической кооперации и согласованных процедур реагирования на кризисы. Без этих элементов декларация солидарности рискует сохранить преимущественно символический характер.

Новый полюс или открытая платформа?

Принципиальное значение имеет вопрос о направленности соглашения. Официальные лица трех стран неоднократно подчеркивали его оборонительный характер и отсутствие заранее обозначенного противника. А Пакистан, в частности, заявил, что формат открыт для государств, готовых придерживаться его принципов и разрешать разногласия мирными средствами [3]. Такая позиция позволяет участникам сохранять стратегическую неопределенность и не превращать соглашение в жесткий блок, направленный против конкретной страны.

Иранский фактор, тем не менее, неизбежно присутствует в расчетах сторон. Начавшаяся в феврале 2026 г. эскалация, ракетно-беспилотные угрозы, уязвимость энергетической инфраструктуры и судоходства усилили запрос на коллективное сдерживание. Однако сводить новый формат исключительно к антииранской коалиции было бы упрощением. По словам представителя МИД Ирана Исмаила Багаи, Тегеран не видит в соглашении положений, вызывающих обеспокоенность, а его подписание вызвано осознанием необходимости региональных механизмов безопасности [4]. При этом официально иранский МИД заявил, что не получал приглашений присоединиться к Мекканскому соглашению [5].

Если открытый характер объединения получит практическое подтверждение, соглашение сможет эволюционировать от механизма взаимного сдерживания к более широкой платформе. Включение новых участников (Египта, Катара или других региональных государств) повысит его политический вес, но одновременно усложнит согласование интересов.

Особого внимания заслуживает позиция Египта, который рассматривается Анкарой как один из наиболее вероятных кандидатов на присоединение к Мекканскому со-

глашению. Министр иностранных дел Турции Хакан Фидан подтвердил, что вопрос об участии Каира обсуждался с египетской стороной с самого начала подготовки нового формата. Однако руководство Египта проявляет заметную осторожность. Глава египетского внешнеполитического ведомства Бадр Абдель Аты заявил, что присоединение к соглашениям в сфере обороны требует всестороннего изучения с учетом конституционных норм и существующих международно-правовых обязательств страны. Таким образом, формально Каир не отвергает возможности вступления, но пока избегает брать на себя конкретные обязательства. Подобная сдержанность обусловлена стремлением Египта сохранить самостоятельность при принятии военно-политических решений, избегать вовлечения в конфликты, непосредственно не затрагивающие его национальную безопасность, и не нарушать сложившийся баланс отношений с другими региональными партнерами. Поэтому на первоначальном этапе Каир, вероятно, предпочтет ограничиться политическими консультациями и координацией, сохраняя возможность присоединения после того, как станут более понятны механизмы функционирования Мекканского соглашения и практические последствия участия в нем.

Еще одним показателем незавершенности формирующейся архитектуры безопасности остается вопрос о возможном участии Ирана. Его присоединение существенно изменило бы политическое содержание Мекканского соглашения. В этом случае договор объединял бы уже не только суннитские государства и мог бы рассматриваться как основа более широкой и инклюзивной системы региональной безопасности. Участие Тегерана также означало бы, что взаимодействие в рамках соглашения строится не только на совпадении интересов близких партнеров, но и на готовности государств с различными внешнеполитическими приоритетами вырабатывать общие подходы к региональным угрозам.

Однако реализация такого сценария в обозримой перспективе представляется маловероятной. Разногласия Ирана с Саудовской Аравией, ирано-турецкая конкуренция в регионе, а также стремление Тегерана сохранить самостоятельность в военно-политической сфере затрудняют его включение в систему коллективных обязательств. Дополнительным препятствием может стать нежелание иранского руководства участвовать в механизме, ключевые органы которого располагаются на территории Саудовской Аравии. Тем не менее обсуждение возможности дальнейшего расширения свидетельствует о том, что состав участников и политическая направленность Мекканского соглашения еще окончательно не определены. От того, останется ли оно объединением ограниченного круга государств или сможет привлечь страны с различными интересами, во многом будет зависеть его роль в будущей архитектуре безопасности Ближнего Востока.

Отдельного рассмотрения требует фактор Израиля. Формально Мекканское соглашение не направлено против еврейского государства — оно не упоминается ни в совместном заявлении сторон, ни в официальных разъяснениях относительно целей нового объединения. Однако в израильском восприятии соединение военно-политических возможностей Турции, Пакистана и Саудовской Аравии способно изменить сложив-

шийся баланс сил. Отношения Анкары и Тель-Авива заметно ухудшились на фоне войны в Газе и продолжающихся противоречий вокруг Сирии, Пакистан и вовсе не имеет дипломатических отношений с Израилем, а Саудовская Аравия продолжает связывать перспективу их нормализации в рамках «Авраамовых соглашений» с окончательным урегулированием палестинского вопроса. Подписание Мекканского соглашения, среди прочего, придало импульс дискуссии о возможном сближении Израиля и Индии, хотя говорить о формировании зеркального военно-политического союза пока преждевременно [6]. В данном случае важен сам эффект косвенного балансирования: возникновение одного регионального объединения создает стимулы для укрепления связей между другими государствами.

Наиболее отчетливо израильский фактор проявился на сирийском направлении. В августе 2026 г. Израиль нанес удар по авиабазе Абу-эд-Духур в провинции Идлиб, объясняя свои действия стремлением не допустить расширения турецкого военного присутствия в Сирии. Израильское руководство открыто заявило, что рассматривает возможное размещение турецких сил как угрозу собственной безопасности, тогда как Анкара расценила нанесенный удар как нарушение сирийского суверенитета [7]. Спустя несколько дней министр иностранных дел переходного правительства Сирии Асаад аш-Шейбани сообщил, что Дамаск изучает возможность присоединения к Мекканскому соглашению, хотя окончательное решение еще не принято [8]. Тем самым вопрос о расширении нового формата оказался непосредственно связан с одним из наиболее напряженных участков турецко-израильского противостояния.

Возможное присоединение Сирии стало бы серьезной проверкой коллективных обязательств на прочность. В этом случае продолжающиеся израильские удары по сирийской территории неизбежно поставили бы вопрос, должны ли они квалифицироваться как вооруженное нападение, требующее реакции остальных участников. Для Турции включение Сирии означало бы укрепление собственных позиций в Восточном Средиземноморье, а для Дамаска — получение дополнительных внешних гарантий в период восстановления государственных институтов. В то же время Саудовская Аравия и Пакистан могли бы столкнуться с риском вовлечения в турецко-израильское противостояние, которое не относится к числу их непосредственных приоритетов. Поэтому сирийское направление способно стать как стимулом для институционального развития соглашения, так и источником внутренних разногласий. Уже сама возможность присоединения Сирии показывает, насколько быстро открытая региональная платформа может оказаться вовлеченной в действующие конфликты.

С точки зрения теории региональных комплексов безопасности, Ближний Восток представляет собой пространство, где угрозы и конфликты тесно взаимосвязаны, а устойчивые общерегиональные институты остаются слабыми. Мекканское соглашение не устраняет эту особенность, однако создает новый узел координации. В случае дальнейшего расширения оно может связать три субрегиона — Персидский залив, Восточное Средиземноморье и Южную Азию. И тогда речь будет идти не только о многополярной, но и о сетевой архитектуре безопасности: ее основой окажется не единый

универсальный союз, а совокупность частично пересекающихся оборонных, дипломатических и экономических форматов.

Пределы и перспективы нового механизма

Возможны несколько сценариев дальнейшего развития соглашения. В первом оно останется ограниченным трехсторонним обязательством и инструментом политического сдерживания. Во втором произойдет его институционализация: появятся постоянные органы, совместное планирование, регулярные учения и новые участники. В этом случае формат сможет претендовать на заметную роль в региональной архитектуре. Третий сценарий связан с превращением соглашения в закрытый блок против одного или нескольких государств. Такая эволюция усилит поляризацию и способна запустить новую дилемму безопасности, когда укрепление защищенности одних участников будет восприниматься соседями как непосредственная угроза.

Определяющим станет не количество подписантов, а способность нового объединения выработать понятные правила. Новорожденному альянсу предстоит решить, какие действия считаются вооруженным нападением, распространяются ли гарантии на атаки негосударственных акторов, кибероперации и удары по энергетическим объектам, а также кто принимает решение о коллективном ответе. Не менее важны вопросы совместимости вооружений и распределения расходов, а также соотношение обязательств по Мекканскому соглашению с участием Турции в НАТО и партнерством Саудовской Аравии с США.

Для России и Китая появление нового формата не означает автоматического ослабления их позиций или формирования дружественного им блока. Скорее речь идет о росте самостоятельности региональных держав, которые будут взаимодействовать с разными центрами силы в зависимости от конкретной задачи. Это соответствует логике полицентричного мира, но одновременно увеличивает сложность региональной дипломатии: вместо одной вертикали безопасности возникает система изменчивых коалиций и перекрывающихся обязательств.

Таким образом, Мекканское соглашение пока нельзя считать завершенной моделью коллективной безопасности. Его военная эффективность не проверена, институциональная структура только формируется, а интересы участников далеко не во всем совпадают. Тем не менее соглашение уже стало фактором изменения регионального порядка. Оно закрепляет стремление крупных государств Ближнего Востока и сопредельных пространств не только получать гарантии извне, но и самостоятельно участвовать в обеспечении безопасности. Если новый механизм сохранит открытость, сформирует работающие институты и не превратится в инструмент жесткой блоковой конфронтации, он может стать одним из элементов многополярной архитектуры Ближнего Востока. В противном случае его значение ограничится политическим сигналом, отражающим кризис прежней системы, но не предлагающим ей устойчивой альтернативы.

Примечания

1. См.: Постникова Е. Приведет ли Мекканский пакт к появлению нового ядерного зонтика // РБК. 15.08.2026 г. — URL: rbc.ru/politics/15/08/2026/6a7f32509a7947b9d84ad6e0 (дата обращения: 23.08.2026).
2. См.: Хакан Фидан: Мекканское соглашение о совместной обороне технически соответствует статье 5 Договора НАТО // Anadolu. 08.08.2026. URL: aa.com.tr/ru/политика/хакан-фидан-мекканское-соглашение-о-совместной-обороне-технически-соответствует-статье-5-договора-нато/4022112 (дата обращения: 23.08.2026).
3. См.: Pakistan says new defense pact with Saudi Arabia and Turkey is purely defensive and open to others // Associated Press. 09.08.2026. — URL: apnews.com/article/c0ea694adb501d0b50e65dfcd5870796 (дата обращения: 23.08.2026).
4. См.: МИД Ирана: Тегеран не видит угрозы в Мекканском соглашении // Anadolu. 10.08.2026. — URL: aa.com.tr/ru/мир/мид-ирана-тегеран-не-видит-угрозы-в-мекканском-соглашении/4023024 (дата обращения: 23.08.2026).
5. См.: Иран не приглашали присоединиться к Мекканскому соглашению, заявили в МИД // РИА Новости. 24.08.2026. — URL: ria.ru/20260824/iran-2112758304.html (дата обращения: 25.08.2026).
6. См.: Селезнева Е. Могут ли Индия и Израиль создать военный союз в ответ на «исламское НАТО» // РБК. 22.08.2026. — URL: rbc.ru/politics/22/08/2026/6a830f3b9a794729764eeca1 (дата обращения: 25.08.2026)
7. См.: Нетаньяху резко высказался о военном присутствии Турции в Сирии // Газета.Ru. 20.08.2026. — URL: gazeta.ru/politics/news/2026/08/20/29140297.shtml (дата обращения: 22.08.2026)
8. См.: Сирия изучает возможность присоединения к Мекканскому соглашению // APA со ссылкой на ТАСС. 21.08.2026. — URL: ru.apa.az/asia/siriya-izucaet-vozmoznost-prisoedineniya-k-mekkanskomu-soglaseniyu-668078 (дата обращения: 23.08.2026)

Литература

Устав Организации Объединенных Наций. Статья 51 // ООН. — URL: un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 23.08.2026).

Al-Jaber K. The Mecca Agreement: From Imported Security to Regional Joint Security // Middle East Council on Global Affairs. August 2026. URL: mecouncil.org/blog_posts/the-mecca-agreement-from-imported-security-to-regional-joint-security/ (дата обращения: 23.08.2026).

Cook S.A. The U.S.-Led Middle East Order Is Over. The Mecca Agreement Proves It // Council on Foreign Relations. 13.08.2026. — URL: cfr.org/articles/the-u-s-led-middle-east-order-is-over-the-mecca-agreement-proves-it (дата обращения: 23.08.2026).

Joint Statement on the State Visit of Prime Minister of the Islamic Republic of Pakistan Muhammad Shehbaz Sharif to the Kingdom of Saudi Arabia // Ministry of Foreign Affairs of Pakistan. 17.09.2025. — URL: mofa.gov.pk/press-releases/joint-statement-on-the-state-visit-of-prime-minister-of-the-islamic-republic-of-pakistan-muhammad-shehbaz-sharif-to-the-kingdom-of-saudi-arabia (дата обращения: 23.08.2026).

Makkah Al-Mukarramah Summit for Joint Defence // Government of Pakistan. Press Information Department. 07.08.2026. — URL: pid.gov.pk/site/press_detail/33499 (дата обращения: 23.08.2026).

The North Atlantic Treaty // NATO. 04.04.1949. — URL: nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/1949/04/04/the-north-atlantic-treaty (дата обращения: 22.08.2026).

DOI 10.32726/2411-3417-2026-3-76-87
УДК 94; 327; 323

Алексей Штрыков

Эволюция йеменского кризиса: истоки, логика и стратегический расчет движения «Ансар Аллах»

Аннотация. *В сентябре 2026 г. силы движения «Ансар Аллах» (хуситы) установили контроль над всем йеменским побережьем Красного моря и островом Перим, усилив блокаду Баб-эль-Мандебского пролива для израильских и саудовских судов. В статье прослеживается эволюция йеменского кризиса от локального протеста зейдитской общины против салафизации и финансовой дискриминации до трансформации «Ансар Аллах» в одного из ключевых военно-стратегических акторов Аравийского полуострова. Полемизируя с западным нарративом о хуситах как проиранской прокси-структуре, автор показывает субъектность «Ансар Аллах», обусловленную историческим и социально-политическим контекстом. Асимметричные действия и контроль над проливом рассматриваются как инструмент принуждения Эр-Рияда к отказу от поддержки Президентского руководящего совета и выходу из конфликта. Анализ региональной архитектуры безопасности фиксирует ограниченную эффективность прямого силового давления США и неготовность новых союзов (включая «Мекканский пакт») обеспечить Саудовской Аравии военную помощь против йеменских повстанцев.*

Ключевые слова: *Йемен, хуситы, «Ансар Аллах», Али Абдалла Салех, Хусейн аль-Хуси, асимметричная война, Саудовская Аравия, Иран, Красное море, Мекканский пакт, зейдизм, салафизм.*

Обострение конфликта на юге Аравийского полуострова в очередной раз высветило проблемы архитектуры безопасности, на которую полагаются монархии Ближнего Востока, а также зависимость мировой торговли от узких стратегических проходов и возможность их использования в асимметричной борьбе.

С началом осени 2026 г. военно-политический кризис в Йемене перешел в принципиально новую фазу. Стремительно развернув наступление, силы военизированного движения «Ансар Аллах» (хуситы) установили полный контроль над всем западным побережьем страны, а также стратегически значимым островом Перим (Маюн) в Баб-эль-Мандебском проливе. При этом «Ансар Аллах» подтвердило озвученную ранее установку, что судоходство остается свободным для всех, кроме Саудовской Аравии и Израиля [1].

Сведения об авторе: *ШТРЫКОВ Алексей Михайлович — эксперт Фонда исторической перспективы, alexey.shtrykov@yandex.ru.*

В настоящий момент на подконтрольной хуситам территории проживает около 70% всего населения Йемена. Сформированный антиправительственными силами Верховный политический совет позиционирует себя как единственную легитимную власть в стране, но признается в мире только Тегераном.

Открытие хуситами «второго фронта» в Баб-эль-Мандебском проливе прогнозировали с начала войны США и Израиля против Ирана. Западный дискурс склонен преподносить любые ближневосточные шиитские группы исключительно в качестве проиранских прокси. В отношении хуситов такая риторика возникла еще в начале 2000-х годов с подачи властей Йемена. Однако в действительности «Ансар Аллах» — собственно йеменская сила с довольно глубокими корнями. Чтобы разобраться в ее природе и понять, почему сентябрьское наступление отвечает прежде всего целям самих хуситов, обратимся к истории данного региона.

Йеменский зейдизм

Южно-аравийская государственность берет начало в глубокой древности. С VII в. эти земли вошли в состав Арабского халифата. На протяжении тысячелетий йеменское общество опирается на родоплеменную структуру. Обычное право (урф) в плане последовательности применения превалирует над нормами шариата. Крупные племенные коалиции способны в критический момент мобилизовать огромные силы (неотъемлемым элементом идентичности йеменского мужчины является ношение оружия). Племенная солидарность усиливается в периоды политического вакуума, но также служит фактором разобщения, когда внешние или внутренние игроки сталкивают племена между собой [Кузьмин, Соколов].

В конце IX в. на территорию Йемена по приглашению враждующих племен прибыл аль-Хади Яхья бен аль-Хусейн, прямой потомок Мухаммеда и представитель религиозно-политического течения зейдитов (зайдитов). Оно оформилось в VIII в. в Ираке после неудачного восстания Зайда бен Али (внука шиитского имама Хусейна) против Омейядов. Как следствие, одно из центральных мест в философии зейдизма играет хурудж — открытое вооруженное восстание против тирании, а одним из важнейших качеств претендента на духовную и политическую власть (имамат), помимо богословских познаний, является его способность подтвердить свое право с оружием в руках [2].

Будучи шиитским течением, зейдиты признают право на имамат исключительно за сейидами (потомками Али и Фатимы). В остальном они считаются наиболее «умеренной» ветвью шиизма. В богословских и правовых вопросах они гораздо ближе к суннитам ханафитского или шафиитского мазхабов (богословско-правовых школ), чем к преобладающим в Иране шиитам-двунадесятникам. Веками йеменские зейдиты молились с суннитами в одних и тех же мечетях.

Аль-Хади Яхья бен аль-Хусейн основал в Йемене имамат и династию Рассидов. В различных формах зейдитский имамат просуществовал более тысячи лет. Хотя зна-

чительную часть этого времени Йемен был раздроблен и зачастую входил в состав других государственных образований, географическая обособленность позволяла зейдитам пользоваться автономией.

Положение переселившихся в Йемен сейидов (включая род аль-Хуси) было двойственным. С одной стороны, они были духовной элитой и составляли основной корпус претендентов на имамат, с другой — оставались «пришлыми» для автохтонных племен. Последний фактор позволял им выступать в качестве третейских судей в межплеменных конфликтах, но он же эксплуатировался Рассидами для маргинализации соперников после трансформации имамата в наследственную монархию [Боков].

«Танец на головах змей»

Новейшая история Йемена — начиная с провозглашения независимости двух его частей и особенно после их объединения в Йеменскую Республику — это история то и дело менявшихся союзов и попыток властей эксплуатировать одни группы населения наряду с усилением других.

Север и юг Йемена получили независимость с разницей в полвека и от разных империй. В 1918 г., пользуясь поражением Османской империи в Первой мировой войне, зейдитский имам Яхья Хамид-ад-Дин присвоил себе королевский титул и объявил о создании независимой теократической монархии. Королевство Йемен просуществовало до военного переворота 1962 г., когда группа офицеров при поддержке Египта провозгласила Йеменскую Арабскую Республику (ЙАР). Зейдитская община составляла около половины ее населения, но традиционно доминировала в культурном и политическом плане. Выходцами из нее было и руководство ЙАР, однако оно, опасаясь попыток реставрации имамата (особенно после Исламской революции 1979 г. в Иране), продолжило курс на маргинализацию сейидов. Ставка была сделана на ослабление религиозных лидеров путем недофинансирования и «суннитизации» традиционно зейдитских регионов, прежде всего гористой северной провинции Саада, которой на протяжении десятилетий была уготована роль наименее развитого, депрессивного региона [Боков].

При «суннитизации» упор делался не на характерные для Йемена богословские школы, а на салафитский фундаментализм. При финансовом и идеологическом содействии Саудовской Аравии открывались салафитские учебные центры (в частности, институт Дар аль-Хадис в Даммадже). В отличие от традиционных йеменских течений, салафиты непримиримы к любым религиозным расхождениям, критикуя их как бида (предосудительные новшества) или даже ширк (многобожие). Наблюдая переход молодежи в суннизм, зейдитская община восприняла это как угрозу религиозно-культурному выживанию, и в 1980–1990-е годы началась масштабная общественная, а затем и политическая деятельность, получившая в западной историографии название «зейдитского возрождения». Видную роль в нем сыграли Бадруддин аль-Хуси и его сын Хусейн, основатели организации «Шабаб аль-мумин» («Правоверная молодежь»).

Южный Йемен переживал в это время совсем иные процессы. До 1967 г. здесь сохранялись британские протектораты, но национально-освободительные движения вынудили британцев уйти, и на этих территориях было образовано марксистское подчеркнуто светское государство, ориентированное на СССР, в скором времени получившее название Народная Демократическая Республика Йемен. Население практически полностью составляли сунниты-шафииты. Страна конфликтовала с ЙАР, но с распадом социалистического блока утратила внешнюю опору. В 1990 г. произошло объединение Йемена под властью сильной и харизматичной фигуры — президента Али Абдаллы Салеха, возглавлявшего ЙАР с 1978 г.

Вновь подчеркнем: в современной истории север и юг не были двумя частями изначально единого, но разделенного государства (как в случае с послевоенными Кореей, Вьетнамом или Германией), поэтому решение 1990 г. стало общественно-политическим экспериментом. Политолог Й.М. Досталь из Сеульского университета называет его «полным провалом».

«Слияние северного режима, в котором доминировали племенные структуры, и южного, где главенствовала государственная партия, привело к увеличению числа фракций, соперничающих за доступ к государственным ресурсам с целью удовлетворения материальных потребностей и обеспечения безопасности своих сетей влияния», — писал Досталь в Korean Journal of Policy Studies [Dostal].

Салех сравнивал руководство Йеменом с танцем на головах змей [3]. После объединения он столкнулся с политической угрозой со стороны южной Йеменской социалистической партии и исламистской партии «Ислах». Точкой кипения стала кратковременная война 1994 г. с южными сепаратистами, провозгласившими независимость территорий бывшей НДРЙ. Салех жестко подавил сепаратизм, привлекши на свою сторону исламистов, что после войны привело к их стремительному усилению. Выстраивая политический баланс, президент рассматривал зейдитов, в объединенном Йемене составивших менее 40% населения, как тактических союзников, которых можно было использовать в качестве противовеса другим силам.

Саадские войны

Ситуация обострилась в 2003 г. на фоне вторжения США в Ирак. Со времен событий 11 сентября 2001 г. президент Салех сотрудничал с Вашингтоном в рамках «глобальной войны с терроризмом», получая миллионы долларов военной помощи на борьбу с «Аль-Каидой на Аравийском полуострове» (АКАП, организация «Аль-Каида» признана террористической и запрещена в РФ). Выступая с антиамериканскими проповедями, Хусейн аль-Хуси подверг Салеха резкой критике. В 2004 г. власти начали в Сааде военную операцию, что вылилось в серию из шести кровопролитных кампаний (так называемые саадские войны 2004–2010 гг.).

В самом начале конфликта Хусейн аль-Хуси был убит, но движение не распалось, получив в честь погибшего лидера неофициальное название «хуситы». Салех неу-

клонно старался перевести противостояние в межконфессиональную плоскость, представляя противников религиозными фанатиками. Делалось это в том числе для привлечения помощи США. Убедить американцев было нетрудно, особенно учитывая официальный хуситский лозунг: «Аллах велик! Смерть Америке! Смерть Израилю! Проклятие иудеям! Победа исламу!» Но в этот период исследователи не отмечали со стороны хуситов ни террористической тактики, ни призывов к реставрации теократии [Bonnefoy].

Социально-экономические проблемы, коррупция госчиновников, распространение салафизма — все это, помноженное на характерную милитаризацию общества, давало предсказуемый результат. А после начатых властями военных действий в Сааде действия хуситов, по словам ряда исследователей, приобретали черты откровенной борьбы за выживание.

Французский политолог Л. Бонфуа из института Sciences Po, долгое время изучавший йеменскую ситуацию, фиксировал реактивную, оборонительную логику повстанцев, но признавал, что действия обеих сторон способствовали затягиванию конфликта: «Политические репрессии, частая жестокость повстанцев по отношению к провластным гражданским лицам, чьи дома подвергались грабежам, а также порой неумелое проведение военных операций на местах способствовали формированию порочного круга», — писал он в 2010 г. При этом «подчас неизбирательные бомбардировки йеменской авиации приводили к мобилизации новых боевиков, в частности благодаря племенной солидарности» [Там же].

За годы саадских войн экономическое положение севера лишь деградировало, что подпитывало недовольство местного населения. К усилению антиамериканских и антисалехских настроений вели и методы «войны с терроризмом», когда объектами ударов США становились мирные собрания, свадьбы и траурные процессии. Все это вело к радикализации общественного мнения. Лидеры хуситов подчеркивали, что не пытаются восстановить имамат, но силовые и политические меры Салеха делали мятеж, с точки зрения зейдизма, религиозно оправданным как хурудж.

Салех практически сразу заявил о наличии в этой борьбе внешнего фактора, имея в виду Иран. Хуситы действительно поддерживали с Тегераном информационные контакты и в свое время испытали несомненное влияние со стороны иранских и ливанских проповедников. Но иранские власти последовательно заявляли о своей непричастности к йеменским процессам. По словам старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН С. Сереброва, «тезис привязки Ирана к событиям в Йемене гипертрофирован и надуман, серьезных доказательств вмешательства Тегерана в йеменский конфликт, поставок оружия, финансовой помощи какой-либо из сторон нет» [4]. Впоследствии «иранская карта» будет разыгрываться противниками хуситов неоднократно, в том числе станет причиной нового обострения ситуации летом–осенью 2026 г.

Контроль над севером

В «арабскую весну» 2011 г. Йемен охватили протесты против несменяемого президента Салеха. Масла в огонь подливала информация о его планах на предстоящих выборах передать власть собственному сыну. После силового подавления митингов страна вновь погрузилась в кровопролитные конфликты. Салех подал в отставку, но получил полный иммунитет и сохранил значительное влияние. В стране активизировались самые разные силы, как хуситы (в тот период взявшие название «Ансар Аллах», т. е. «Сподвижники Аллаха»), так и враждебные им суннитские исламисты, получавшие поддержку от АКАП и «Братьев-мусульман» [Кузьмин, Соколов].

Хуситы в 2014 г. с севера страны шагнули к самой столице, установили контроль над рядом провинций и заняли порт Ходейду, которому отводилось важное место в их требованиях федерализации и перераспределения доходов от нефтегазового экспорта. В начале 2015 г., несогласные с попыткой нового главы государства Абд Раббо Мансура Хади утвердить проект конституции без обсуждения с оппозиционными силами, хуситы оцепили президентский дворец. Хади бежал из столицы и обратился за военной помощью к коалиции арабских стран во главе с Саудовской Аравией.

В марте 2015 г. эта коалиция начала операцию «Буря решимости». Массированные бомбардировки и жесткая блокада хуситских территорий усугубили гуманитарный кризис: в Йемене начали свирепствовать голод и эпидемия холеры. Последовательные удары коалиции по йеменскому сельскохозяйственному сектору сравнивали с блокадой сектора Газа [Mundy].

Гражданская война создала в Йемене благоприятные условия для разгула таких экстремистских салафитских организаций, как «Аль-Каида» и ИГИЛ (признаны террористическими и запрещены в РФ). Как показало расследование Associated Press, арабская коалиция и йеменские власти не чурались идти на договоренности с АКАП и задействовать ее для борьбы с хуситами. Рапортуя на Запад об очередном населенном пункте, «отбитом» у АКАП, власти предпочитали умалчивать о том, что боевикам нередко разрешалось беспрепятственно отступать с оружием и награбленным, а иногда и предлагались деньги за отступление.

Констатируя, что боевики АКАП в этой борьбе фактически выступают на одной стороне с Саудовской Аравией и, соответственно, с США, авторы расследования приводят слова М. Хортона из аналитического центра Jamestown Foundation: «Некоторые американские военные ясно понимают, что значительная часть действий США в Йемене идет на пользу АКАП, и это вызывает большую тревогу. Но поддержка ОАЭ и Королевства Саудовской Аравии в борьбе с тем, что США рассматривают как иранский экспансионизм, оказывается приоритетнее борьбы с АКАП и даже стабилизации Йемена» [Michael et al.].

Неожиданным тактическим союзником движения «Ансар Аллах» стал «почетный президент» Салех, верность которому сохранили партия Всеобщий народный конгресс и элитные военные части. В мае 2015 г., после ударов арабской коалиции, он, обращаясь к хуситам, призывал их «и впредь держать оружие, будучи готовыми пожертвовать жизнью, отбивая эти агрессивные атаки» [5]. Альянс продлился до декабря 2017 г., когда Салех в публичном заявлении выразил готовность «перевернуть страницу» в отношениях с Саудовской Аравией, после чего был убит хуситами.

Президенту Хади и его зарубежным союзникам удалось стабилизировать линию фронта, однако движение «Ансар Аллах» не только удержало под контролем ключевые регионы, но и выстроило там эффективный административно-силовой аппарат. В 2022 г. между сторонами гражданской войны в Йемене при усилиях ООН было достигнуто перемирие. Его действие дважды продлевалось, но в итоге было прекращено. Как отметил эксперт Института международных исследований МГИМО А. Адрианов, «стороны зашли в тупик после того, как хуситы заявили, что не разблокируют дороги, ведущие в Таиз, пока правительство не начнет выплачивать зарплаты госслужащим, проживающим на территориях, контролируемых ими. Президентский руководящий совет выдвинул противоположное условие» [Адрианов]. Впрочем, даже после прекращения действия перемирия долгое время уровень насилия оставался низким.

Casus belli

С началом военных действий ЦАХАЛ в секторе Газа после событий 7 октября 2023 г. хуситы объявили Израилю войну, став одной из двух ближневосточных сил, поддержавших палестинцев военными мерами. (Парадокс: ни одно суннитское государство или движение не оказало палестинским суннитам военной поддержки, это сделали только шиитские организации «Хезболла» и «Ансар Аллах».) Помимо ракетных ударов по территории Израиля, хуситы объявили блокаду Красного моря для израильских судов.

С декабря 2023 по май 2025 г. международная коалиция во главе с США и Великобританией проводила в Красном море и Аденском заливе военно-морскую операцию «Страж процветания» (Prosperity Guardian). Операция обошлась почти в 7 млрд долл., по хуситам было нанесено около тысячи ударов с воздуха, однако эксперты указывают на ее стратегический провал: ни сдержать, ни ликвидировать силы «Ансар Аллах» не удалось, как не удалось и восстановить докризисный уровень коммерческого судоходства. Отмечалась успешная тактика асимметричной войны: хуситам удалось нивелировать военное превосходство противника за счет применения недорогих БПЛА и примитивных ракет. Сыграло свою роль и категорическое нежелание США ввязываться в наземный конфликт [Al-Goidi].

При посреднических усилиях Омана операция была свернута: 6 мая 2025 г. неожиданно для мировой общественности Д. Трамп заявил, что больше не намерен наносить удары по позициям хуситов, поскольку те «капитулировали, но, что еще важнее, мы поверим им на слово, что они больше не будут взрывать корабли» [6]. В свою очередь,

движение «Ансар Аллах» не замедлило сообщить, что о капитуляции речь не идет, а атаки на Израиль будут продолжены. Весной 2026 г. эти атаки дополнительно активизировались — теперь уже в связи с американо-израильской агрессией против Ирана.

Относительное затишье в конфликте с Саудовской Аравией, державшееся в духе договоренностей 2022 г., было нарушено противниками хуситов. 13 июля 2026 г. по взлетно-посадочной полосе международного аэропорта Саны в то время, когда туда возвращался самолет с делегацией «Ансар Аллах», побывавшей на похоронах аятоллы Али Хаменеи в Иране, был нанесен удар.

Следует признать, что сам этот рейс был определенным вызовом со стороны хуситов. Договоренности 2022 г. ослабили блокаду авиасообщения, но жестко ограничивали возможность прямых маршрутов, требуя для полетов из Ирана обязательной остановки в Иордании для досмотра. Организовав прямой перелет авиакомпании Mahan Air, находящейся в санкционном списке США, хуситы незамедлительно спровоцировали обвинения в том, что на борту находятся иранские вооружения и советники из КСИР. Возможно, и Иран, и «Ансар Аллах» ожидали, что поддерживаемые Саудовской Аравией правительственные силы нанесут удар, и даже просчитали, что нанесен он будет не по борту, а по взлетно-посадочной полосе [Abo Alasrar].

В итоге самолет не пострадал, а движение «Ансар Аллах» получило casus belli. Еще летом оно запретило всем саудовским судам проходить через Красное море, а с середины сентября, после занятия побережья и островов Баб-эль-Мандебского пролива, этот запрет стал в разы эффективнее.

Кроме того, хуситы атакуют нефтяную инфраструктуру в глубоком тылу Саудовской Аравии. 19 сентября было объявлено об ударах по ряду ключевых городов, включая Эр-Рияд. В самом Йемене «Ансар Аллах» ведет бои за один из основных центров правительственных сил — столицу главного нефтегазоносного региона Йемена Мариб.

Трещины в альянсах

Показательно отсутствие военной реакции со стороны недавно образованного «Мекканского пакта», куда, помимо Саудовской Аравии, входят Пакистан и Турция. Первое испытание реальностью оказалось для нового альянса не самым удачным. Можно предположить и причины.

Пакистан, находящийся весьма далеко от Йемена, имеет протяженную границу с Ираном и сложную внутреннюю ситуацию с шиитским меньшинством (от 15 до 20% населения страны). Исламабад в последние месяцы пытается выступить посредником в урегулировании конфликта США и Израиля с Ираном. Он категорически не заинтересован портить с Тегераном отношения и ввязываться в войну на стороне Саудовской Аравии, особенно учитывая исторический прецедент 2015 г., когда парламент Пакистана уже блокировал отправку войск в Йемен [7].

Турция понимает, что поддержать Саудовскую Аравию против хуситов — значит поддержать также и Израиль, притом что члены кабинета Б. Нетаньяху недвусмысленно называли Турцию следующей на очереди целью после Ирана [8]. При этом на хуситов работает их образ союзников палестинского народа, а для Р.Т. Эрдогана палестинский трек — вопрос не только внешней политики, но и внутренней легитимности. Кроме того, большую ставку в своей внутренней политике Эрдоган делает на политический ислам, но совсем не в том изводе, который экспортирует Саудовская Аравия. Максимум, на что готова турецкая солидарность, — это поддержать Эр-Рияд «в военных потребностях… по техническим вопросам» [9].

Энтузиазма не продемонстрировали и США. Так, 21 сентября президент Д. Трамп отказался наносить удары по позициям движения «Ансар Аллах», ссылаясь на достигнутые с ним прошлогодние договоренности о прекращении огня и свободном транзите американских судов через Красное море [10].

Такое развитие событий вынуждает Эр-Рияд опосредованно, через Китай, обратиться к Тегерану (то есть к той силе, против которой и создавался «Мекканский пакт») с просьбой оказать на хуситов влияние [11]. Возможно, шансы этой тактики были бы выше, если бы «Ансар Аллах» действительно соответствовало медийным штампам и было лишь марионеткой Ирана. Однако все вышеизложенное указывает на необходимость считаться с субъектностью самих хуситов.

«Замóк» на Красном море

Баб-эль-Мандебский пролив относится к числу ключевых точек мирового судоходства. Ежегодно через него проходит 10–15% мировой морской торговли, включая транзит нефти. Для такой страны, как Саудовская Аравия, утрата этой магистрали — тяжелой удар, особенно ввиду продолжающихся атак на ее трубопроводные маршруты.

Как отмечают эксперты Еврейского института национальной безопасности Америки (JINSA), новая позиция хуситов на Красном море дает им даже больше возможностей, чем есть у Ирана в Ормузском проливе: водные маршруты находятся в зоне видимости и простреливаются с острова Перим прямой наводкой. Не требуются ни радары, ни противокорабельные ракеты, достаточно и относительно дешевых противотанковых ракетных комплексов [Cirucel, Brody].

Для Израиля хуситский «замóк» на Красном море фактически парализует его торговлю с рядом регионов, в частности — с Восточной Азией. Единственный южный морской порт Израиля, Эйлат, за три года блокады оказался на грани закрытия. А поскольку враждебность к Тель-Авиву — неотъемлемый элемент доктрины хуситов, рассчитывать на смягчение позиций не приходится. Неудивительно, что успехи движения «Ансар Аллах» подталкивают Израиль к более тесному сотрудничеству с Саудовской Аравией. Так, 15 сентября СМИ сообщали о проведенных при посредничестве США переговорах на тему передачи Эр-Рияду израильских разведданных, которые могли бы помочь в борьбе с хуситами [12].

Примечательно, что этот последний виток эскалации напряженности ставит Трампа в весьма щекотливое положение, тем более перед выборами в Конгресс. С одной стороны, он не может себе позволить втянуть США еще в одну ближневосточную войну, особенно учитывая невзрачные результаты операции «Страж процветания». С другой, пресловутые «цифры на автозаправке», главный вопрос, занимающий американского избирателя, очень чувствительны к колебаниям мировых цен на нефть и, соответственно, к состоянию ключевых проливов.

Ситуация динамична и может принять любой оборот. Учитывая, что международно признанное правительство Йемена в настоящий момент продолжает держаться большей частью за счет саудовской поддержки, блокирование Баб-эль-Мандебского пролива и удар по наземной нефтяной инфраструктуре королевства — это не просто «второй фронт» в иранском конфликте, но и наиболее эффективная стратегия хуситов в битве за Йемен. Создавая постоянную угрозу саудовским терминалам и танкерному транзиту, хуситы подталкивают Эр-Рияд к отказу от поддержки Президентского руководящего совета. В случае прекращения саудовской помощи проправительственные силы рискуют быстро утратить оставшиеся позиции на востоке страны.

Выводы

Главный аспект, который нередко теряется при упрощенном освещении йеменского конфликта, — это субъектность хуситов как самостоятельной силы. Констатируя схожесть интересов движения «Ансар Аллах» и Исламской Республики Иран, нельзя ставить между ними знак равенства. Интересы хуситов прямо вытекают из истории йеменских зейдитов, в частности — сейидов. В их задачи входит в том числе противостояние радикальной салафитской идеологии, активно навязываемой в регионе.

Противостояние этого движения с США, Израилем и Саудовской Аравией имеет собственные истоки, оно не началось и тем более не закончится с иранским конфликтом. Нынешняя активизация боевых действий представляется результатом непоследовательности и в определенном смысле авантюризма Эр-Рияда. При этом заявление Трампа о том, что «Ансар Аллах» не представляет угрозы для американских судов, выдает уверенность в способности хуситов придерживаться достигнутых договоренностей, что, опять же, свидетельствует о них как о самостоятельной силе, а не прокси-группировке, действующей по сигналу из Тегерана.

Примечания

1. См.: Хуситы заявили об отсутствии угроз судоходству в Баб-эль-Мандебском проливе // «Интерфакс». 15.09.2026 — URL: interfax.ru/world/1116259 (дата обращения: 22.09.2026).
2. См.: аз-Зайдийа // Ислам: энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Прозоров. М. 1991. С. 73. 315 с.
3. См.: *Edroos F.* How did Yemen's Houthi-Saleh alliance collapse? // Al Jazeera. 04.12.2017 — URL: aljazeera.com/news/2017/12/4/how-did-yemens-houthi-saleh-alliance-collapse (date of access22.09.2026).

4. См.: Беленькая М. Йемен попросил у России зерно // «Коммерсантъ». 22.01.2018. — URL: kommersant.ru/doc/3527227 (дата обращения: 22.09.2026).
5. Yemen's Saleh declares alliance with Houthis // Al Jazeera. 11.05.2015. — URL: aljazeera.com/news/2015/5/11/yemens-saleh-declares-alliance-with-houthis (date of access: 22.09.2026).
6. См.: Mordoch J. Trump says Houthis have 'capitulated,' U.S. will stop bombing militants // The Washington Times. 6.05.2025. — URL: washingtontimes.com/news/2025/may/6/trump-says-houthis-capitulated-us-stop-bombing-militants/ (дата обращения: 22.09.2026).
7. См.: Парламент Пакистана: страна должна сохранять нейтралитет в йеменском конфликте // ТАСС. 10.04.2015. — URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1893521 (дата обращения: 22.09.2026).
8. См.: *Frantzman S.* Israeli rhetoric on Turkey is increasingly shaping Ankara›s view of tensions over Syria — analysis // The Jerusalem Post. 30.06.2026. — URL: jpost.com/middle-east/article-904084 (date of access: 22.09.2026).
9. См.: *Достоевский Г.* Турция объявила о готовности помочь Саудовской Аравии в борьбе с хуситами // RTVI. 20.09.2026. — URL: rtvi.com/news/turcziya-obyavila-o-gotovnosti-pomoch-saudovskoj-aravii-v-borbe-s-husitami/ (дата обращения: 22.09.2026).
10. См.: *Ghobari M., Azhari T., Choukeir J.* Houthis push for control of Yemen highlands as Trump is said to have called off strikes // Reuters. 21.09.2026. — URL: reuters.com/world/middle-east/houthis-push-control-yemen-highlands-trump-reported-have-called-off-airstrikes-2026-09-21/ (date of access: 22.09.2026).
11. См.: *Hafezi P.* China presses Iran to help rein in Houthis after Saudi appeal, sources say // Reuters. 17.09.2026 (Updated 18.09.2026). — URL: reuters.com/world/china/china-presses-iran-help-rein-houthis-after-saudi-appeal-sources-say-2026-09-17/ (date of access: 22.09.2026).
12. См.: *Davidov J.* CENTCOM, IDF, Arab militaries held military summit on Middle East, Iran, source confirms to 'Post' // The Jerusalem Post. 15.09.2026. — URL: jpost.com/middle-east/iran-news/article-908709 (date of access: 22.09.2026).

Литература

Адрианов А.К. Пленники прошлого: как перемирие не спасло Йемен // «Евразийские стратегии». 5.10.22. — URL: eurasian-strategies.ru/media/insights/plenniki-proshlogo-kak-peremirie-ne-spaslo-jemen/ (дата обращения: 22.09.2026).

Боков Т.А. Об одной проблеме в изучении хуситского движения (три клише антихуситской пропаганды) // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2021, №1. С. 74-90. — URL: cyberleninka.ru/article/n/ob-odnoy-probleme-v-izuchenii-husitskogo-dvizheniya-tri-klishe-antihusitskoy-propagandy (дата обращения: 22.09.2026).

Кузьмин В.А., Соколов Н.В. Причины йеменского конфликта и его развитие в 2011-2015 гг. // Мусульманский мир. 2017, №1. — URL: cyberleninka.ru/article/n/prichiny-yemenskogo-konflikta-i-ego-razvitie-v-2011-2015-gg (дата обращения: 22.09.2026).

Abo Alasrar F. Beyond Hormuz: The Sanaa Airport Strike and the Architecture of Iranian Proxy Power // Stimson. 17.06.2026. — URL: stimson.org/2026/beyond-hormuz-the-sanaa-airport-strike-and-the-architecture-of-iranian-proxy-power/ (date of access: 22.09.2026).

Al-Goidi F. Yemen's Quagmire: Why Isn't U.S. Might Winning? //Middle East Council on Global Affairs. 27.07.2025. — URL: mecouncil.org/publication/yemens-quagmire-why-u-s-might-isnt-winning/ (date of access: 22.09.2026).

Bonnefoy L. La guerre de Sa'da : des singularités yéménites à l'agenda international // Critique Internationale. 2010, 48. P. 137–159. — URL: sciencespo.hal.science/hal-03605502 (date of access: 22.09.2026).

Cirucel A., Brody J. All in Not Quiet on the Houthi Front // JINSA. 11.09.2026. — URL: jinsa.org/jinsa_report/all-is-not-quiet-on-the-houthi-front/ (date of access: 22.09.2026).

Dostal J.M. From Fragile to Collapsed Statehood: The Case of the Republic of Yemen (1990–2020) // Korean Journal of Policy Studies. 2021, 36 (1). P. 69–84. — URL: e-jps.org/archive/view_article?pid=jps-36-1-69 (date of access: 22.09.2026).

Michael M., Wilson T., Keath L. AP Investigation: US allies, al-Qaida battle rebels in Yemen // AP. 07.08.2018. — URL: apnews.com/article/saudi-arabia-united-states-ap-top-news-middle-east-international-news-f38788a561d74ca78c77cb43612d50da (date of access: 22.09.2026).

Mundy M. Empire of Information: The War on Yemen and its Agricultural Sector // Middle East Centre / LSE Blogs. 19.06.2017. — URL: blogs.lse.ac.uk/mec/2017/06/19/empire-of-information-the-war-on-yemen-and-its-agricultural-sector/ (date of access: 22.09.2026).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Перспективы. Электронный журнал №3-2026

DOI 10.32726/2411-3417-2026-3-89-109
УДК 94

Антон Крутиков

Военный представитель Италии при Ставке Верховного главнокомандующего Маурицио Марсенго и его мемуары (1915–1917 гг.)

Аннотация. *Статья посвящена малоизвестным военным мемуарам Маурицио Марсенго, итальянского представителя в Ставке Верховного главнокомандующего в годы Первой мировой войны. Находясь в стратегическом центре российского военного управления, майор Марсенго оказался свидетелем ключевых операций Великой войны на Восточном фронте и потрясений Русской революции. С момента прибытия в Россию он был погружен в атмосферу нарастающего политического кризиса в среде военных и гражданских элит Российской империи. В своих мемуарах, опубликованных в межвоенной Италии, автор детально зафиксировал события Февральской революции и предложил читателю свой анализ причин революционной катастрофы. Присущая мемуаристу оптика офицера-монархиста и консерватора, преданного Савойской династии и идеям политического легитимизма, составляет особенность этого источника.*

Ключевые слова: *Италия, Российская империя, император Николай II, Маурицио Марсенго, Ставка Верховного главнокомандующего, Первая мировая война, Брусиловский прорыв, Русская революция.*

Среди ценных источников, раскрывающих малоизвестные аспекты истории Первой мировой войны на Восточном фронте, особое место занимают мемуары военных представителей союзников России в Ставке Верховного главнокомандующего. Эти свидетельства иностранных генералов о русском командовании, судьбе последнего монарха Николая II и атмосфере надвигающейся революции 1917 г. уникальны тем, что принадлежат непосредственным участникам и очевидцам событий, по долгу службы имевшим доступ к «скрытым пружинам» российской внутренней и внешней политики и военной стратегии. Разумеется, как и любые воспоминания, они требуют критического подхода, что усложняет их анализ, но не умаляет значимость. Наиболее ценными являются военные мемуары французского генерала Мориса Жанена «С миссией в воюющей России. 1916–1917 гг.» (2015) [Janin. En mission dans la Russie…] и «Моя миссия в Сибири. 1918–1920 гг.» (1933) [Janin. Ma mission en Sibérie…], а также воспоминания британского генерала Джона Хэнбери-Уильямса «Император Николай II, каким я его знал» (1922) [Hanbury-Williams]. Оба автора находились в доверительных отношениях с Верховным главнокомандующим Николаем II и ключевыми российскими генералами

Сведения об авторе: *КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, член Международного общества по изучению Первой мировой войны, bialyorzel1000@gmail. com.*

и оставили содержательные свидетельства о повседневной жизни Ставки в Могилеве, личных качествах российского императора, военном планировании и проведении боевых операций, состоянии армии и обстоятельствах крушения монархии.

Значительный интерес для исследователя также представляют опубликованные в Париже и Брюсселе «Воспоминания» (1920) бельгийского генерала барона Луи де Риккеля — бывшего заместителя начальника генерального штаба бельгийской армии [см.: Ryckel]. К сожалению, его мемуары завершаются событиями сентября 1914 г. и не охватывают период службы автора в Ставке (1914–1917). Обладавший безусловным доверием Николая II военачальник и близкий друг цесаревича Алексея упоминает Россию в рамках анализа общей военной стратегии союзников, выражая взгляд представителя одной из «малых жертв» Великой войны. Ценным дополнением к этим воспоминаниям начальника бельгийской военной миссии являются его донесения и секретные телеграммы за 1916–1918 гг. опубликованные в 1996 г. [Попова. С. 168].

В силу объективных причин гораздо менее известна деятельность итальянской военной миссии в России и ее представителей. В фокусе историков традиционно находились Лондон и Париж как центры реальной силы, от которых зависели координация стратегических операций Антанты с русской Ставкой, выдача военных кредитов, поставки вооружений и военных материалов. Кроме того, Италия, состоявшая с 1882 г. в Тройственном союзе, до мая 1915 г. сохраняла нейтралитет в начавшейся большой войне, и ее полноценная военная миссия в России сформировалась позже. Лондонский договор, заключенный 26 апреля между Францией, Великобританией, Россией и Италией, гарантировал последней значительные территориальные приращения в Европе, расширение колониальных владений на Ближнем Востоке и в Африке, финансовую и военную помощь союзников. Статья 1 договора предусматривала немедленное заключение военной конвенции; в рамках ее исполнения Италия поддерживала постоянный обмен военными представителями с тремя главными державами Антанты, в том числе с Россией.

Уникальность ситуации заключалась в том, что Италия, объявив войну Австро-Венгрии 23 мая 1915 г., сохраняла на протяжении 15 месяцев, до 27 августа 1916 г., нейтралитет по отношению к Германии. Вступление Италии в войну против Германии произошло в один день с аналогичным выступлением Румынии и было напрямую связано с обстоятельствами Брусиловского прорыва 1916 г. Итальянская миссия в России в этих условиях выступала инструментом межсоюзнической координации, нацеленной на контроль выполнения важных для Рима российских обязательств по Лондонскому договору, а именно — поддерживать военные усилия Италии собственными действиями на австро-венгерском фронте, сохраняя на нем необходимый минимум войск [Agreement between France… P. 1].

Согласно воспоминаниям генерал-квартирмейстера русской Ставки генерала Ю.Н. Данилова, «Верховный Главнокомандующий, Великий Князь Николай Николаевич, высказал пожелание, чтобы переговоры о согласовании действий сухопутных

итальянских и русских войск, поскольку эти действия касались австро-венгерского театра военных действий, были обсуждены у нас в Ставке, с участием представителя итальянской армии» [Данилов. С. 330]. Италию на этих переговорах представлял военный атташе в Петрограде полковник Эдоардо Рополо. Их результатом стала военная конвенция, подписанная 21 мая 1915 г. В этой конвенции, впервые с начала российско-итальянских союзнических отношений, была сделана «попытка к постановке общей цели, к выяснению, в главных чертах, характера группировки союзных сил, с привлечением к совместной кооперации вооруженных сил Сербии и Черногории». Предполагалось также выработать и порядок «изменения плана, в случае коренных перемен в обстановке» [Там же].

28 мая 1915 г. итальянским представителем в русской Ставке Верховного главнокомандующего был назначен майор Маурицио Марсенго, военный атташе Королевства Италии в Испании и Португалии, находившийся в то время в Мадриде. Решающее значение при выборе этой кандидатуры сыграли хорошее знание майором Марсенго русского языка и его обширные связи среди российской военной и светской элиты [Marsengo. Eroi senza luce… P. 1].

По данным архива исторического ведомства генерального штаба Италии, М. Марсенго родился в 1874 г. в городе Пьяченца и начал карьеру в 1893 г. в чине подпоручика кавалерии. Окончив Военную академию, он служил в генеральном штабе [Missioni militari italiane… P.107]. Профессиональный спортсмен и офицер-кавалерист, Марсенго посещал Москву и Санкт-Петербург для участия в конных состязаниях задолго до начала Первой мировой войны. В качестве одного из своих давних близких друзей в России итальянский офицер упоминает полковника П.П. Родзянко — известного российского спортсмена-кавалериста, прошедшего обучение в Офицерской кавалерийской школе в Санкт-Петербурге и Пинерольской кавалерийской школе под Турином, племянника председателя Государственной думы М.В. Родзянко.

Перевод в Россию майора М. Марсенго состоялся по его личной настойчивой просьбе. Организованная как «кратковременная», его миссия, по словам самого офицера, «продлилась ровно три года <…>, в бурном водовороте которых вершились целые века истории» [Marsengo. Eroi senza luce… P.2].

В России М. Марсенго оказался свидетелем ключевых событий Первой мировой войны и оставил, среди прочего, подробное описание подготовки и осуществления Брусиловского прорыва 1916 г. Как представитель итальянского генштаба он не только лично посещал штабы наступающих частей Юго-Западного фронта, но и побывал на передовых позициях. Осенью того же года, после приостановки наступления, он по просьбе итальянского командования совершил поездку в Персию, чтобы ознакомиться с организацией и боевыми возможностями русских войск на этом удаленном театре военных действий. Вернувшись в Ставку в конце 1916 г., Марсенго продолжил свою информационную и координационную миссию в стратегическом центре российского военного управления.

В направляемых в Рим официальных отчетах и частной переписке майор Марсенго подробно описывал быт и настроения в Ставке, свои личные встречи с императором Николаем II, ключевыми генералами и министрами. С момента прибытия в Россию он был погружен в атмосферу нарастающего политического кризиса в среде военных и гражданских элит империи, а в 1917 г. детально зафиксировал события Февральской революции и постепенную потерю боеспособности русской армии. Отбыв после революционных потрясений в Италию, произведенный в полковники Маурицио Марсенго командовал известным полком «Новарских улан» в сражении при Витторио-Венето в октябре 1918 г. После окончания Великой войны он вернулся к дипломатической работе в Мадриде.

В феврале 1922 г. М. Марсенго опубликовал большую иллюстрированную статью под названием «Крах империи» в престижном итальянском журнале «La Lettura», где обобщил свои недавние впечатления о миссии в России, мировой войне и Февральской революции [Marsengo. Il crollo… P. 135]. А в 1935 г. в Турине была издана книга его воспоминаний «Герои без света: военная миссия в России во время мировой войны, май 1915 — сентябрь 1917» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 1]. Богато иллюстрированное издание, отпечатанное на дорогой мелованной бумаге, изначально предназначалось для узкого круга читателей — высшего генералитета, дипломатического корпуса, университетских преподавателей и видных функционеров режима. Италия времен Муссолини остро нуждалась в легитимации своего режима и результатов так называемой фашистской революции 1922 г. через историческую память. Первая мировая война предоставляла в данном контексте идеальный исторический материал для конструирования национального мифа и формирования культа «героев-победителей» недавних сражений 1915–1918 гг.

Предисловие к книге воспоминаний М. Марсенго написал один из главных идеологов Италии 1930-х годов и архитекторов режима Муссолини, профессор философии Эмилио Бодреро [Bodrero. P. IX]. В 1926–1928 и в 1941 гг. он занимал должность заместителя министра народного просвещения Италии и занимался концептуальным обоснованием режима, интеграцией доктрины Муссолини в итальянскую систему образования, университетскую жизнь и культуру. В 1936–1937 гг. возглавлял Итальянское общество авторов и издателей (SIAE). Из-за его близости к дуче современные историки иногда называют Бодреро неформальным пиар-технологом Муссолини [Romano, Foschi. P. 46].

В предисловии к мемуарам Марсенго им были в концентрированной форме зафиксированы основные элементы официального мифа о Первой мировой войне, утвердившегося в Италии в 1930-е годы: антилиберализм, национализм, незыблемость монархического принципа, антибалканские и прогерманские интенции.

Предисловие чиновника столь высокого ранга в середине 1930-х годов было своеобразным «знаком качества» и признанием заслуг автора со стороны государства и режима. Однако позднее оно же стало очевидным препятствием для появления данного издания на книжной полке российского или западного историка. Бодреро явно но-

стальгирует по «старому порядку» и не скрывает симпатий к последнему российскому монарху Николаю II. Верность царя союзническому долгу в межвоенные годы органично наложилась на популярный итальянский миф о «преданной верности» (fede tradita). Режим Муссолини, будучи монархическим — в Италии король Виктор Эммануил III формально оставался у власти, — с уважением относился к сословной иерархии старого мира. Подчеркивая, что царь сохранил верность союзникам, Бодреро проводит параллель с самой Италией, которая тоже сохранила верность Антанте, но, по мнению автора, была «обманута» западными союзниками при разделе трофеев Великой войны. Этот акцент на «исторической несправедливости» вписывался в популярный миф об «изувеченной победе» (vittoria mutilata).

Антибалканский пассаж, умело встроенный Бодреро в текст предисловия, также отразил реалии итальянской политики на Адриатике в 1930-е годы. В этот период отношения Италии и Югославии оказались накалены до предела. Режим Муссолини открыто поддерживал хорватских националистов, а в 1934 г. в Марселе при их участии был убит югославский король Александр I. Италия считала Балканы своей законной «зоной влияния» (в рамках концепции Spazio Vitale — жизненного пространства) и яростно сопротивлялась любому усилению славянских государств. Бодреро, будучи приверженцем националистического курса Муссолини, перенес политическую реальность 1930-х годов на события Первой мировой войны, обвиняя балканский фактор в дестабилизации Европы.

Все вышесказанное объясняет, почему книга воспоминаний Маурицио Марсенго осталась совершенно незамеченной не только в России, но и на Западе. Ценный документ, созданный итальянским представителем в русской Ставке, оказался жертвой «тоталитарной модернизации» и вепонизации истории и надолго выпал из поля зрения профессиональных исследователей.

Переходя к самим военным мемуарам Маурицио Марсенго, нельзя прежде всего не отметить необычность источников книги 1935 г. Основным материалом для нее стали личные письма Марсенго родным, которые он отправлял в Турин из России каждое воскресенье. Преданность семье, династии и объединенной Италии выступает главной мотивирующей силой автора на страницах его повествования.

«Именно эти письма, адресованные моим дорогим родителям, и послужат главным материалом для моего труда. Мой отец, горячий патриот, близкий друг пьемонтских министров Джованни Ланцы, Квинтино Селлы и Дезидерато Кьявеса, воспитанный в их суровой школе, с юношеским задором следит за судьбой новой Италии, исполненный веры в величественное будущее Отечества», — писал автор в начале книги [Marsengo. Eroi senza luce… P. 4].

Как видно из этого отрывка, отец Марсенго был знаком с ключевыми фигурами итальянского Рисорджименто середины XIX в. — видными политическими деятелями из Пьемонта, руками которых создавалось Итальянское королевство. Преданность Савой-

ской династии, монархический легализм и романтический национализм стали ключевыми элементами мировоззрения и самого Маурицио Марсенго.

Структура его мемуаров подчинена эпистолярному наполнению. Книга разделена на главы, состоящие из отдельных датированных записей, каждая из которых, по всей видимости, основана на том или ином письме либо на фрагментах дневника. За внешней простотой текста скрывается масштабная аналитическая работа. Для описания событий мировой войны и Русской революции мемуарист привлекает дополнительные источники, включая уникальные служебные документы, малоизвестные свидетельства очевидцев, разведывательные донесения и материалы из личного архива. Автор параллельно использует оба календаря — юлианский, принятый в дореволюционной России, и григорианский, что значительно облегчает работу с воспоминаниями.

Миссия в России

Путешествие из Италии в Россию заняло у Марсенго около двух недель. Добравшись морским путем до Салоник, далее он следовал через нейтральные либо дружественные Италии государства — Грецию, Сербию, Болгарию и Румынию. География мировой войны имела решающее значение при выборе маршрута: следовать через турецкую территорию было признано небезопасным. По стечению обстоятельств Болгария вступила в конфликт всего несколькими месяцами позднее, обрушившись на Сербию в октябре 1915 г., иначе такая поездка была бы невозможной. В Бухаресте Марсенго был представлен премьер-министру Румынии Ионелу Братиану, который в тот момент взвешивал все pro et contra вступления его страны в войну, постепенно склоняясь в сторону союза с Антантой. Братиану просил итальянского представителя передать пожелания и просьбы Бухареста «могущественному северному соседу». Больше всего румын беспокоила проблема оснащения и вооружения собственной армии.

Во второй половине июня 1915 г. (по старому стилю) Марсенго прибыл в Петроград, где нашел полностью налаженной работу итальянской военной миссии. «Полковник Рополо, — вспоминал он, — глава нашей военной миссии, за короткое время сумел завоевать симпатию и безоговорочное доверие не только аристократии, но и виднейших политических деятелей, а также самых влиятельных дипломатов Петрограда. […] Он завсегдатай самых закрытых клубов, где общается с великими князьями, и принят в кругах высшего петроградского общества, которое столь жестко закрыто даже для тех, кто занимает самые высокие посты в государстве» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 12].

21 июня (4 июля) 1915 г. полковник Рополо и майор Марсенго прибыли в Ставку Верховного главнокомандующего в Барановичах. Поездка принесла важную новость — состоялись отставка военного министра В.А. Сухомлинова, принятая с удовлетворением представителями союзных миссий, и его замена генералом А.А. Поливановым.

«Едва выйдя из автомобиля, который привез нас со станции в Ставку Верховного главнокомандующего, — вспоминал Марсенго, — я был представлен полковником

Рополо царю и великому князю Николаю. Император — среднего роста, худощавый, истощенный; великий князь — богатырского телосложения, внушительный, под два метра ростом. Царь, чье благородное лицо, озаренное светом небесно-голубых глаз, поражает своей бледностью, одет в характерную русскую рубаху, застегнутую до самого ворота; в левой руке он держит небольшую прогулочную трость, а в правой — неизменную папиросу, с которой не расстается даже во время еды» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 20].

Беседа с Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем имела для майора Марсенго профессиональный интерес. Как и другие представители союзников, итальянский военный агент в Ставке относился к великому князю с большой симпатией. «Главнокомандующий армией любезно расспрашивает меня о нашем короле, — вспоминал автор, — которому он приходится зятем, а затем переходит к техническим дискуссиям, представляющим огромный интерес. Его Императорское Высочество выражает радость по поводу своевременного вступления Италии в войну, которое послужило тому, чтобы облегчить положение русского Юго-Западного фронта, сняв с него давящее бремя нескольких австрийских дивизий. Августейший князь знает вверенные ему войска до самых сокровенных глубин малых подразделений. Он все видит, ничем не пренебрегает и не пытается скрыть ни от себя, ни от других всю тяжесть ситуации» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 21-22].

Марсенго был осведомлен о нарастающем кризисе снабжения русской армии боеприпасами, и его тревога за общее состояние Восточного фронта нашла отражение как в официальных донесениях, направляемых в Рим, так и в мемуарах. В своей книге мемуарист справедливо выделяет катастрофу «великого отступления» 1915 г. в качестве ключевого события, подготовившего трагедию Русской революции. Именно оно запустило «цепную реакцию» последующих необратимых изменений в общеполитической ситуации, военном руководстве и гражданском управлении, приведших страну к революционному взрыву. Среди них были правительственный кризис лета 1915 г. и «забастовка министров», кризис Верховного Главнокомандования и отставка великого князя Николая Николаевича, наконец, отставка главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина и министров либерального блока осенью 1915 г.

«То, что крушение армии, а вслед за ней и Империи началось именно с поражения на Галицийском фронте, докажет в 1917 г. судебный процесс над Сухомлиновым, коего арестовали на шесть лет позже, нежели следовало бы, — утверждал Марсенго. — Представить только, на протяжении шести лет сей бездарный генерал и предатель занимал пост военного министра. И не стоит думать в его оправдание, будто Россия испытывала недостаток в денежных средствах для обустройства армии; напротив, любые кредиты в самом щедром объеме всегда беспрепятственно отпускались военному министерству. Ни Государственный банк, ни Министерство финансов никогда не чинили препятствий расходам, необходимым для нужд национальной обороны» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 25].

Оценку Марсенго подтверждает в своих мемуарах и генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего Ю.Н. Данилов. По его словам, накануне войны поддержка инициатив, направленных на перевооружение армии, была финансово обеспечена в том числе и со стороны Государственной думы: «Думские круги были в общем очень отзывчивы к военным нуждам; бывали даже случаи частичного увеличения испрашивавшихся кредитов в порядке думской законодательной инициативы. В думской комиссии государственной обороны мы, большинство обычных представителей военного ведомства, — чувствовали себя в атмосфере внимательного и благожелательного к нам отношения. [...] Недоверие окружало лишь имя военного министра генерала Сухомлинова, который, кстати сказать, избегал бывать в Думе; нередко оно проявлялось и по отношению к деятельности Главного артиллерийского управления» [Данилов. С. 47-48].

Служба Марсенго в Ставке в Барановичах, а затем в Могилеве подразумевала аналитическую работу, главной целью которой была координация военных усилий России с итальянским генеральным штабом и сбор военной информации. «Ставка Верховного главнокомандующего, — вспоминал Марсенго, — целиком сосредоточена в двух специальных поездах, один из которых предназначен для главнокомандующего армией, великого князя Николая, который проживает там с начальником штаба генералом Янушкевичем и другими офицерами, а другой — для иностранных военных миссий. Каждый из нас располагает удобным купе спального вагона. [...] В поездах установлена телефонная и телеграфная связь. Для Ставки Верховного главнокомандующего Барановичи были выбраны прежде всего потому, что это место находится приблизительно в центре фронта, который простирается от Риги до границ Румынии, и затем — причина не менее важная — потому, что здесь сосредоточен самый крупный железнодорожный узел всего региона. Поезда могут немедленно отправиться во все пункты, где дислоцированы штабы групп армий, и двигаться без опасения быть замеченными противником, поскольку станция расположена в центре огромного и почти непроходимого леса» [Marsengo. Eroi senza luce... P. 19].

М. Марсенго без оптимизма воспринял отставку Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича в конце августа 1915 г., когда Николай II сам встал во главе армии. Его мемуары подтверждают в основном негативное отношение к этому шагу и других представителей союзных миссий. Воспоминания фиксируют разочарование и раздражение союзников этим решением российского монарха, равно как и их попытки задействовать все возможные «скрытые механизмы» для его отмены, включая влияние других членов династии Романовых. Все они не имели успеха. «Государь удалил чрезвычайно популярного в войсках великого князя, дабы занять его место. Генерал Алексеев, командовавший прежде группой армий Западного фронта, передал это высокое бремя генералу Эверту и прибыл на смену начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Янушкевичу. Столь коренной переворот означал не просто смену лиц, но решительное изменение всей системы и методов, которые доселе господствовали в Ставке. Одним словом, вместе с людьми менялись и самые идеи» [Marsengo. Eroi senza luce... P. 38].

При этом итальянский военный агент в Ставке дал высочайшую оценку профессионализму генерала М.В. Алексеева, считая его назначение более чем своевременным. Его знакомство с новым начальником штаба началось еще в 1906 г., когда Алексеев служил в Киевском военном округе под началом генерала Н.И. Иванова — лично знавшего М. Марсенго. Как отмечается в мемуарах, Алексеев «явил себя не только тружеником исключительной закалки, но и пламенным патриотом, преданным России до самозабвения» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 36]. Однако кардинальные перемены в высшем военном управлении на фоне неудач «великого отступления» 1915 г. итальянский офицер не одобрял, считая их политически опасными. «Отныне, — писал Марсенго, — участь великого князя была решена, а вместе с его судьбой — и судьба самого государя» [Там же].

Более всех таким исходом был разочарован представитель Франции в Ставке дивизионный генерал маркиз Пьер де Лагиш, который «с чувством глубокой горечи признался, что, вопреки всем его колоссальным дипломатическим усилиям, приложенным ради того, что он почитал правым делом для русской армии и союзников, его замысел потерпел полное крушение» [Там же].

Воспоминания Марсенго подтверждают важную деталь, подмеченную и другими современниками: государь в период кризиса Верховного главнокомандования летом 1915 г. проявил редкую для него настойчивость, так что, пишет итальянский представитель, «любые попытки отвратить Николая II от сего пагубного намерения были совершенно напрасны» [Там же].

7 (20) сентября 1915 г. генеральный штаб Италии отозвал главу своей военной миссии в Петрограде полковника Э. Рополо на родину. Решение было принято по просьбе М. Марсенго «ввиду отчаянного состояния здоровья» его начальника и «по совету лейб-медика Федорова» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 42]. Опытный офицер разведки и один из самых талантливых сотрудников итальянского генштаба оказался не готов к испытаниям петербургского климата [1].

Назначение главы военной миссии Италии в Ставке Верховного главнокомандующего заняло несколько месяцев. Им стал генерал-майор граф Джованни Джироламо Ромеи Лонгена, которого 7 (20) апреля 1916 г. майор Марсенго встречал на Финляндском вокзале Петрограда. Генерал Ромеи был ранее знаменит своей миссией в Османской империи в 1904–1909 гг., в ходе которой он стал личным флигель-адъютантом султана Абдул-Хамида II. Также он был известным участником Итало-турецкой войны 1911–1912 гг. и опытным военачальником. Его регулярная телеграфная корреспонденция из русской Ставки в Рим началась в мае 1916 г. и продолжалась до августа 1918 г. После назначения Ромеи майор Марсенго, ранее фактически возглавлявший миссию в Ставке, оказался в его прямом подчинении.

«Я неоднократно указывал нашему верховному командованию, — вспоминал Марсенго, — на абсолютную необходимость направить в Россию главу миссии в генераль-

ском чине, поскольку почти все державы, включая Черногорию, были представлены генералами. Из-за этого я, будучи простым майором, бывал принужден уступать первенство всем остальным, неизменно оказываясь самым последним в качестве представителя нации, которая первая среди первых сражается за общее дело союзников» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 63].

Марсенго, как следует из его мемуаров, стремился сразу же посвятить своего нового начальника во все хитросплетения петроградской политики, включая распутинский скандал, неуклонное падение авторитета династии и обнаружившиеся уязвимости военной стратегии. «Среда, — отмечал он, — в коей генерал Ромеи очутился столь внезапно, была слишком отлична от той, которую он лишь недавно покинул, дабы ее возможно было уразуметь в один миг. Слишком много аномалий, слишком много нравственных девиаций и духовных потрясений действовало в то время среди лиц высших сословий; а молнии, порождаемые столкновением столь многих противоречивых страстей, то и дело вспыхивавшие на грозовом небосклоне войны, с жестокой очевидностью являли всякому, кто умел держать глаза широко открытыми, угрозу со стороны аморфной массы — беспокойного множества людей, согнанных либо в грязь окопов, либо в нищету улиц Москвы и Петрограда, Киева или Одессы. От этого множества не умели требовать ничего, кроме жертвенной смерти от голода или пулеметов, не давая взамен даже видения славного Отечества» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 64].

По мнению Марсенго, отзывавшегося с огромной симпатией об императорской России, назревавший в стране политический кризис был вызван неудачами кампании 1915 г. и экономическими вызовами, принесенными войной. В армии по-прежнему не было недостатка в патриотизме, проблема заключалась в исчезновении традиционного лидерства, эрозии доверия к власти, в то время как «великая душа сего великого народа желала лишь одного — повиноваться тому, кто сумел бы им повелевать» [Там же].

Так или иначе, итальянские представители в русской Ставке одними из первых среди представителей союзнических военных миссий увидели социально-психологические симптомы надвигающейся Русской революции. Спустя короткое время им самим пришлось не только пережить революционные потрясения, но и стать свидетелями начала Гражданской войны. Практика подтвердила справедливость их донесений в итальянский генеральный штаб, наполненных тревогой за будущее восточного союзника.

Брусиловский прорыв

Решение о наступлении армий Юго-Западного, Западного и Северного фронтов было принято на военном совете в Ставке в Могилеве 1 (14) апреля 1916 г. Согласно первоначальному плану, Юго-Западному фронту отводилась вспомогательная роль; двукратное превосходство над противником Западного и Северного фронтов повлияло на решение генерала М.В. Алексеева предоставить именно им резервы, включая тяжелую артиллерию, и нанести главный удар севернее Припяти. Однако в эти обстоятельства

неожиданно вмешался «итальянский фактор». Вскоре после празднования православной Пасхи в Могилеве 10 (23) апреля 1916 г. генерал Ромеи и майор Марсенго получили шифрованную телеграмму итальянского генерального штаба о начале наступления австрийцев на итальянском фронте. Начальник генштаба генерал-лейтенант Луиджи Кадорна требовал от своих представителей в России, чтобы они воздействовали на начальника штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева с целью побудить его как можно скорее начать наступление армий Юго-Западного фронта.

«От генерала Алексеева как от верного союзника требовали, дабы он избавил нас от австро-германского натиска; чтобы он действовал, чтобы привел в движение свою колоссальную армию и пустил в ход пресловутый «паровой каток». Миллионы и миллионы людей стояли со взятым к ноге оружием в грязи окопов, а мне было известно, что Брусилов горит лишь одним желанием — сражаться», — отмечал М. Марсенго [Marsengo. Eroi senza luce… P. 70].

В самый критический момент австрийского наступления в Трентино, в середине мая 1916 г., сам король Виктор Эммануил III обратился к Николаю II с просьбой поддержать итальянские войска наступательными действиями русской армии против австро-венгров. Император дал свое согласие.

Итальянские представители в Ставке были не только заинтересованы в скорейшем начале наступления, но и смогли напрямую повлиять на корректировку стратегических планов российского Верховного главнокомандования, используя личную дипломатию. В своих донесениях в Рим и в мемуарах М. Марсенго отдавал должное русской артиллерийской подготовке и тактике прорыва укрепленных австрийских позиций, подробно описав колоссальное количество пленных и трофеев. При этом он фиксировал и тяжелые потери, которые понесла русская гвардия в боях на реке Стоход.

Операция началась рано утром в воскресенье 22 мая (4 июня) 1916 г., «с открытием ураганного артиллерийского огня по всем направлениям. …Сверх того, три кавалерийские дивизии брошены на крайний северный фланг Юго-Западного фронта с задачей перерезать в тылу неприятеля железнодорожные линии Ковель — Сарны и Ковель — Ровно», — вспоминал Марсенго и в отношении себя добавлял: «Едва телеграфировав эти известия в итальянское Верховное командование, я прощаюсь с генералом Ромеи и отбываю в Ровно, дабы лично наблюдать и шаг за шагом следовать за наступлением генерала Брусилова» [Marsengo. Eroi senza luce… P.72].

21 мая (3 июня) 1916 г. Марсенго прибыл в Ровно в штаб 8-й армии генерала А.М. Каледина, а затем двинулся дальше, с целью посетить штабы наступающих дивизий. Его детальный рассказ о начальном этапе наступления Юго-Западного фронта представляет собой редкий исторический документ, фиксирующий увиденное на передовых позициях.

«В девять часов следующего утра войска переходят в наступление. За двадцать минут 2-я стрелковая дивизия занимает две линии неприятельских окопов, тогда как 4-я

дивизия достигает третьей линии. Нам сообщают, что 9-я армия на черновицком направлении взяла в плен 240 офицеров и 10 000 солдат. Похоже, успех стремительно вырисовывается по всему Юго-Западному фронту.

Я спускаюсь с наблюдательного пункта и направляюсь в штаб 4-й стрелковой дивизии, коей командует Деникин. Тылы запружены пленными, брошенными неприятелем орудиями, пулеметами, бомбометами и прожекторами; враг беспорядочно отступает. Я нахожу генерала среди его солдат, которые впали в совершенное исступление от победы, и поздравляю его, выражая все свое восхищение.

— Этого еще мало, — отвечает мне Деникин, похлопывая хлыстом по высоким заляпанным грязью сапогам, — еще мало для моей дивизии, которую нарекли «Железной». Помните, что она ведет свое начало от славной бригады Скобелева.

Все 134 орудия, принадлежащие 40-му и 8-му армейским корпусам, ныне находятся в действии. К пятнадцати часам оба начальника дивизий уже перенесли свои наблюдательные пункты вперед. Мне с трудом удается некоторое время следовать за генералом Деникиным, который передвигается то на автомобиле, то верхом. Когда ни то, ни другое средство более не могут служить ему, он идет пешком посреди своих войск. [...] Вечером мимо окопов, ныне покинутых, перешагивая через развороченную артиллерией колючую проволоку и воронки, выбитые в земле крупными калибрами, шествуют еще 3500 пленных» [Marsengo. Eroi senza luce... P. 74].

Находясь в качестве военного наблюдателя союзников на передовых позициях наступающих русских войск, М. Марсенго рисковал жизнью. Так, он стал свидетелем гибели генерала И.А. Микулина, командира 102-й пехотной дивизии, в бою у реки Стырь 26 мая (8 июня) 1916 г. Дивизия Микулина и ее командир, с которым у Марсенго установились дружеские отношения, получили высочайшую оценку итальянского офицера. Он отмечает общую для российских командующих черту в первые дни наступления — следовать невзирая на риски со своими войсками в боевых порядках пехоты. Его впечатления о действиях передовых русских частей на австрийском фронте, записанные в стиле «окопной правды», составляют значительную часть главы, посвященной Брусиловскому прорыву.

«Полевые фортификационные сооружения, столь прочно возведенные австро-германцами, рушатся одно за другим, точно безобидные игрушки. У входов в блиндажи, защитники коих выказывают попытки к сопротивлению, занимают позиции солдаты-бомбометатели. Выкрикнув требование о сдаче, они — ежели сие предложение не принимается незамедлительно с поднятыми вверх руками — сеют смерть и разрушение внутри этих трагических мышеловок. Пока я беседую с генералом Микулиным, несколько неприятельских шрапнельных снарядов “приветствуют” нас, осыпая осколками и грязью.

Мы укрываемся в элементах австрийских окопов, уцелевших после налета русской артиллерии. Эта позиция у села Ставок являлась главным рубежом обороны против-

ника, удерживаемым им еще с 14/27 сентября 1915 г.; она укреплена бетоном, бронещитами, блиндажами, траншейными орудиями и пулеметами. Примечательно, что у каждого солдата в окопе имеется собственная карточка, указывающая его боевое место. Солдаты 406-го полка, вступившие сегодня утром в Ставок, вместо заслуженного отдыха пожелали предать земле тела своих 400 павших товарищей и собрать богатейшие трофеи. Особое внимание ратники уделяют патронам и винтовкам, поскольку и в тех, и в других они уже давно испытывали острую нужду» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 74-76].

Близкие и доверительные отношения установились у М. Марсенго и с командующим Юго-Западным фронтом генералом А.А. Брусиловым — главным «архитектором» российской победы. Мемуарист отмечает противоречивые черты характера генерала, его честолюбие и быстро возросшую летом 1916 г. популярность в обществе. А.А. Брусилов находился в сложных взаимоотношениях со Ставкой, требуя максимальной поддержки своих наступательных действий аналогичными операциями Западного и Северного фронтов. Однако его телеграммы начальнику штаба Ставки генералу М.В. Алексееву оставались без ответа. По словам Марсенго, Брусилов требовал, чтобы на его правом фланге перешли к наступательным операциям генералы А.Е. Эверт и А.Н. Куропаткин. Итальянский представитель от его имени задается вопросом: «Отчего они не двигаются? Чего ожидают? Уж не того ли, когда враг — уверенный, что имеет перед собою одних лишь уставших и изнуренных наступлением людей, — полностью сосредоточится на его <Брусилова> секторе и двинется в контрнаступление?» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 77]

Уже в начале июня 1916 г. стал понятен масштаб военного успеха Юго-Западного фронта. «Потери австрийцев огромны, — сообщал Марсенго. — От 14-го полка 13-й дивизии осталось всего три роты, примерно по сотне человек в каждой. От 25-го полка Ландвера уцелела лишь одна рота в 75 штыков. Кругом царит деморализация: солдаты бегут в беспорядке, устремляясь преимущественно к Ковелю, который назначен пунктом сбора. Жандармы перехватывают беглецов и силою возвращают их в полки» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 83].

Марсенго утверждает, что Юго-Западный фронт А.А. Брусилова имел все необходимое для продолжения наступления. «Русские войска одушевлены великим порывом, — отмечал он, — и желают во что бы то ни стало преследовать врага; они почитают даже остановку на обед за напрасную потерю времени. Ни один из четырех полков 102-й дивизии (бывшей Микулина) не желает оставаться в резерве» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 81].

В мемуарах с удовлетворением указывается на видимые улучшения в работе транспорта, подвозе боеприпасов, эвакуации раненых. Однако сотни тысяч австрийских пленных, захваченных русской армией и находившихся позади боевых порядков, грозили полной дезорганизацией тыла — на это обращал внимание Ставки лично генерал А.А. Брусилов.

По мнению итальянского военного представителя, летом 1916 г. Россия «держала в своих руках победу и упускала ее» [Marsengo. Eroi senza luce... P. 77]. Масштаб военного разгрома Австро-Венгрии оказался неожиданностью для самого Верховного Главнокомандования, и оно не смогло воспользоваться временной слабостью противника для нанесения еще более сокрушительного удара. Виной было отсутствие координации между командующими фронтами, в связи с чем Марсенго размышляет о бесполезном тщеславном соперничестве между ними, служебных интригах и едва ли не «предательстве».

«Войска Брусилова не могут наступать до бесконечности, и когда они окажутся измотаны, обескровлены и деморализованы, они повернут вспять под ударами немецких штыков в свои фланги. Не нужно быть пророком, дабы предугадать, что случится тогда», — делился своим предвидением итальянский представитель [Там же].

К концу лета 1916 г. наступление А.А. Брусилова было приостановлено в силу комплекса стратегических, логистических и тактических причин. Пассивные действия Западного и Северного фронтов генералов А.Е. Эверта и А.Н. Куропаткина позволили австро-германцам сосредоточить против Юго-Западного фронта значительные силы. Перед войсками Брусилова оказались среди прочих дивизии, снятые из-под французского Вердена и с итальянского фронта. Наступающие армии Брусилова уперлись в мощный укрепленный район на реке Стоход, где русская гвардия в июле 1916 г. понесла значительные потери. Элитный резерв русской Ставки, составлявший Особую армию, оказался среди наиболее пострадавших частей, что также нашло отражение в мемуарах М. Марсенго [Marsengo. Eroi senza luce... P.92]. Кампания 1916 г. переросла в изнурительные позиционные бои с огромными потерями.

Русская революция

В январе 1917 г. находившийся в Ставке М. Марсенго наблюдал уже явные признаки надвигающейся в России революции. Его собственные источники фиксировали неконтролируемое развитие политического кризиса в столице и рост антиправительственных и антидинастических настроений в армейской среде, в том числе среди офицеров. По его мнению, для предотвращения катастрофы требовались срочные превентивные меры. Мемуары содержат отголоски ценной информации о планах Ставки, за считанные недели до Февральской революции, перебросить надежные части с фронта в Петроград. (По ряду причин эти планы так и не были реализованы.) Марсенго пишет в первую очередь о гвардейских частях. От своих источников он получил информацию о Гвардейском корпусе, который планировалось перебросить в район Двинска, и Сводной гвардейской кавалерийской дивизии (ошибочно указана 3-я гвардейская кавалерийская бригада), в состав которой входили варшавские уланы (лейб-гвардии Уланский Его Величества полк) и гродненские гусары (Гродненский гусарский лейб-гвардии полк). «В их благонадежности, — писал автор, — сомневаться почти не приходится» [Marsengo. Eroi senza luce... P. 128]. Источником этих сведений выступал корнет С.М. Крупин, зять и фактический адъютант начальника штаба Ставки генерала

М.В. Алексеева — близкий друг М. Марсенго. Однако в предреволюционной атмосфере Ставки и Петрограда, наэлектризованной политическими слухами, по словам мемуариста, было чрезвычайно трудно «отделить истину от вымысла» [Marsengo. Eroi senza luce… P.129].

Многозначительным выглядит детальное описание межсоюзнической конференции Антанты в Петрограде, которая проходила с 19 января (1 февраля) по 8 (21) февраля 1917 г. и стала последней крупной дипломатической встречей союзников перед падением монархии в России. Марсенго указывал на потенциальную взаимосвязь большой «общеевропейской политической игры», в которой участвовала Россия, и обстоятельств разразившейся через две недели Февральской революции. Италия на конференции была представлена дипломатами и военачальниками высокого, хотя и не высшего ранга (с российской стороны, в конференции участвовали ключевые министры). Так, в итальянскую делегацию входили сенатор и будущий министр иностранных дел Витторио Шалоя; глава секретариата министра иностранных дел Луиджи Альдрованди (впоследствии также оставивший мемуары о Первой мировой войне), генерал-лейтенант Паоло Руджери Ладерки (глава военной делегации) и посол Италии в Петрограде Андреа Карлотти. Однако все попытки М. Марсенго достучаться до своего руководства и предоставить МИД Италии актуальную информацию о развернувшемся в России политическом кризисе не имели успеха. Конференция, к его глубокому разочарованию, более походила на формальную протокольную встречу дипломатов, и шанс на согласование стратегических планов союзников был упущен. «Полагаю, — писал Марсенго, — что единственное практическое следствие Петроградской конференции свелось, по всей видимости, к решению союзных держав обеспечить взаимную защиту в случае нападения и приходить на помощь атакованной стороне в течение 21 дня. Но разве они не договорились об этом еще прежде? [2] О, непостижимые тайны политики, немые даже перед голосом орудий!» [Там же].

Примечательна и ремарка, которой Марсенго завершает описание этого дипломатического события: «В протоколе Конференции не указана дата начала военных операций. Эта предосторожность была рекомендована генералом Гурко, дабы избежать осведомленности противника через шпионов, наводнивших каждый уголок России» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 131].

По окончании Петроградской конференции союзные дипломаты от имени императора были награждены российскими орденами, а затем «межсоюзнические миссии отбыли обратно через Мурманск, дабы вернуться на франко-англо-итальянский фронт» [Gurko. С. 304; Marsengo. Eroi senza luce… P. 130].

Марсенго было известно, что уже в апреле 1917 г. начальник генерального штаба вооруженных сил Италии Луиджи Кадорна планировал начать наступление: «сперва в Трентино ради выравнивания линии фронта, а затем — за Горицей. Очевидно, к апрелю все союзники должны развернуть свои операции», — писал он [Marsengo. Eroi senzaluce… P. 129].

Разумеется, это касалось и России, где начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев предполагал перейти в наступление в мае 1917 г., опираясь на ожидаемое улучшение снабжения фронтов «огневыми припасами». На этом фоне вердикт Маурицио Марсенго выглядит весьма жестким: «Что касается боевых припасов, то Франция пообещала России лишь то, что окажется у нее в избытке. В сущности, Россия никогда не сможет иметь мощного вооружения, поскольку не располагает достаточным числом заводов для производства тяжелой артиллерии и снарядов» [Там же]. Военная кампания 1917 г. против Центральных держав, по мнению Марсенго, имела мало шансов на успех, в то время как политический переворот в России был почти неизбежен.

Крайне интересна запись, сделанная им за несколько недель до революционного взрыва в Петрограде: «В Государственной думе до настоящего времени происходили лишь незначительные столкновения, остававшиеся, впрочем, в рамках конституции и законности. По-прежнему раздаются требования об “ответственном министерстве”, и ровным счетом ничего не происходит в войсках; солдатская масса, оставаясь совершенно в стороне от всякого политического движения, продолжает героически жертвовать собой во имя Отечества» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 132]. Переворот, таким образом, произошел неожиданно для большинства нижних чинов армии; а сам Марсенго получил первые достоверные сведения о революции в Ставке 27 февраля 1917 г.

Мемуарист обращает внимание на характерную деталь — в тот день он получил последнее приглашение к высочайшему столу. Поздно ночью с 27 на 28 февраля император отбыл из Ставки, направляясь в Царское Село, беспокоясь за судьбу императрицы и детей. «В ту роковую ночь, — писал Марсенго, — он избрал путь на Царское Село вместо дороги в столицу» [Marsengo. Eroi senza luce… С. 136]. Это предопределило его судьбу, как и судьбу династии и всей империи.

Впоследствии автор мемуаров целенаправленно собирал источники по истории Февральской революции, и глава, посвященная ей, подробным образом документирована. М. Марсенго включил в текст своих воспоминаний уникальный исторический документ — «Дневник» служащего Феофилова, находившегося в императорском поезде («Литера Б») и оставившего детальное свидетельство об этом путешествии императора и последних часах монархии в России. Впрочем, этот документ, до разрешения вопроса о его подлинности, требует особенно осторожного отношения и сопоставления с уже известными свидетельствами очевидцев. Учитывая характер других ценных источников, которые приводит автор в главе, посвященной революции в России, становится очевидным, что Марсенго опирался на разветвленную сеть агентов и офицеров связи, которые непрерывно снабжали его актуальной разведывательной информацией. Осведомленность итальянских представителей о событиях Февральской революции была чрезвычайно высокой — в Петрограде они также имели собственных агентов. Одним из них был сержант Каффи, который, по словам Марсенго, «являлся для нас [итальянцев] ценнейшим сотрудником, поскольку не только свободно изъяснялся по-русски, но и обладал отважным сердцем вкупе с редким благоразумием» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 132]. Его разведывательное донесение от 28 февраля 1917 г. де-

тально и с большой точностью описывает ситуацию в Петрограде и падение старого правительства. Этот документ также включен автором в текст его мемуаров.

Известие об отречении царя произвело ошеломляющее впечатление на русских офицеров Ставки и союзных представителей. Марсенго подчеркивал роковую роль попытки Николая II добраться до Царского Села, которая привела его в Псков, прямо в руки командующего Северным фронтом генерала Н.В. Рузского и петроградских заговорщиков. «Это скорбное путешествие государя было намеренно растянуто на двое суток, поскольку руководители переворота имели целью изолировать его от двора и от Ставки Верховного главнокомандующего», — утверждал мемуарист, ссылаясь на книгу комиссара Временного комитета Думы А.А. Бубликова, опубликованную в Нью-Йорке в 1918 г. [Бубликов. С. 24; Marsengo. Eroi senza luce… P. 141].

Отречение Николая II и формирование Временного правительства итальянский монархист М. Марсенго воспринял как государственную катастрофу для России и грозное предзнаменование будущего крушения всего Восточного фронта. «Ныне под давлением политических событий о войне уже почти никто не помышляет, — писал он. — В Ставке уже давно не слышно никаких толков о военных операциях. Член Государственной думы Энгельгардт принял командование войсками Петрограда и Царского Села. Государыня императрица, великие княжны и цесаревич пребывают под стражей Временного комитета Государственной думы» [Там же].

Личное прощание Марсенго с императором состоялось 7 (20) марта 1917 г. в Могилеве. Российский монарх пожелал в последний раз увидеть представителей союзных миссий перед прощанием с российскими чинами Ставки — событием, трагизм которого был впоследствии отражен во многих мемуарах современников. На следующий день Николай II отбыл в Царское Село, сопровождаемый представителями Временного правительства, и фактически оказался под арестом. Все попытки глав союзных миссий обеспечить бывшему монарху и его семье беспрепятственный выезд за границу не имели успеха. «Участь Романовых, — прямолинейно писал автор, — заставляет вспомнить трагедии самого мрачного средневековья. Возвращение в Царское Село принесло государю бесконечную горечь» [Marsengo. Eroi senza luce…P. 154].

Тяжелые предчувствия итальянского представителя в русской Ставке относительно политических последствий революции и неминуемого развала Восточного фронта быстро стали реальностью.

«Алексеев рассылает циркуляр с категорическим приказом расстреливать солдат, покидающих окопы, но Поливанов, помощник военного министра, является в Ставку, дабы умолять его отменить это распоряжение, — вспоминал Марсенго. — Алексеев упорствует, однако дела идут по-прежнему. На Северном фронте бунтуют, в окрестностях Рогачева грабят помещичьи усадьбы; штаб великого князя Бориса Владимировича арестован и препровожден в Петроград из-за того, что какой-то проводник (служитель вагона, где размещался штаб) обвинил офицеров в заговоре с целью убийства

Керенского. В Петрограде не видно ничего кроме красных знамен, грязных солдат с кокардами и примкнутыми штыками; императорские орлы занавешены красным сукном; все морские офицеры Балтийского флота убиты или взяты под стражу собственными матросами, кои наказывают уцелевших начальников многочасовым выстаиванием под ружьем или тому подобными воинскими взысканиями. В Кронштадте продолжается террор. Адмирал Вирен, героически уцелевший в Русско-японскую войну, погиб в ужасающих мучениях» [Marsengo. Eroi].

18 (31) марта 1917 г. члены Временного правительства прибыли в Могилев. Новый военный министр А.И. Гучков в полдень принял глав военных миссий союзников. Прием оказался «малорадостным»: министр не скрывал всей тяжести положения новой власти в Петрограде и признавал «почти полное бессилие Временного правительства».

«Сие не мешает этой публике, — с горечью отмечал Марсенго, — вечером разделять с нами трапезу в гостинице «Бристоль» в парадоксальной обстановке. Подумать только: мы обедаем в том самом зале, где прежде собирались за столом государь, государыня и августейшая семья; и ныне Керенский — тот самый Керенский, что велел арестовать Кшесинскую (известную балерину, бывшую близкой подругой сперва государя, а затем великого князя Сергея Михайловича), — восседает прямо напротив великого князя Сергея, а подле того сидит Милюков» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 156].

Но все эти шокирующие приметы нового времени казались мемуаристу малозначительными «в сравнении с вестями, приходящими с различных фронтов: солдаты дезертируют, ширятся упорные слухи о сепаратном мире; единственным препятствием для продвижения немцев служит ныне не русский солдат, а весенняя распутица» [Там же].

М. Марсенго приводит содержание беседы генерал-квартирмейстера штаба Ставки генерала А.С. Лукомского с генералом Ромеи 22 марта (4 апреля) 1917 г., в ходе которой российский военачальник «с предельной ясностью» проинформировал своего итальянского коллегу о промежуточных итогах революции.

«Сильнейшая власть — это Комитет рабочих и солдатских депутатов, ибо в его распоряжении находятся все петроградские войска, все балтийские экипажи, заводы, железные дороги, государственные почта и телеграф. Достаточно одного знака Комитета, дабы во всей России не завертелось ни одно заводское колесо, не тронулся ни один поезд. Посему приходится подчиняться его требованиям, даже в том, что касается армии.

Гарнизонные войска разорвали узы дисциплины и чинопочитания. Все наши усилия были направлены на то, чтобы эта опасная эпидемия не поразила также и фронтовые части. Но, вопреки нашим стараниям, нам не удалось воспрепятствовать тому, чтобы недуг проник в войска второй линии и резервы, откуда немало солдат уже потянулось по домам. Многие офицеры были изгнаны своими же подчиненными. Нам пришлось снизойти до учреждения в каждом корпусе смешанных комитетов из офицеров и сол-

дат для разбора дисциплинарных вопросов и отношений между начальниками и подчиненными. Между тем боевая подготовка жестоко пострадала. Важнейшая работа по подвозу снабжения парализована. Мы не можем отправлять в корпуса многочисленные пополнения, поскольку те, прибывая из тыловых гарнизонов, занесли бы на фронт тяжелую эпидемию недисциплинированности, коею они поражены. При первой возможности мы попытаемся предпринять на всех фронтах малые операции, дабы отвлечь войска от внутренних распрей. Если допустить, что дела устроятся, настоящее наступление сможет начаться не ранее конца июня или первых чисел июля по новому стилю» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 156-157].

Примечательна точность, с которой А.С. Лукомский смог описать произошедшую государственную катастрофу и начало разложения фронта; верными оказались и его слова о будущем наступлении, которое летом 1917 г. начала уже новая революционная власть во главе с А.Ф. Керенским.

Заключение

Военные мемуары представителя итальянского генштаба в русской Ставке Верховного главнокомандующего отразили важнейшие потрясения переломного периода отечественной истории 1915 — 1917 гг. Рассказывая о «великом отступлении» 1915 г., Брусиловском прорыве и Русской революции, Маурицио Марсенго раскрывается перед читателем как интеллектуал и офицер-монархист, принадлежавший к военной элите Итальянского королевства. В его текстах нашли отражение и холодный аналитический расчет, и традиционный европейский скепсис в отношении русской действительности, и искреннее сострадание к обреченным героям уходящей эпохи. «Герои без света» — глубокое, горькое и удивительно точное свидетельство о тектонических сдвигах, произошедших в новейшей истории России и Европы в годы Великой войны. Здесь сталкиваются жестокость «окопной правды», свидетелем которой Марсенго был лично, политическое бессилие военной среды и аристократический шок от «парадоксального смешения» (promiscuità) старого и нового миров.

Главные герои его книги — прежде всего генералы и офицеры Ставки — тщетно намеревались «обуздать [революционную] стихию, взывая к понятиям о чести, к славным традициям, к национальному чувству, но вскоре замечали, что лишь сотрясают воздух, подобно Дон Кихотам, кои и сами сознают собственное безумие» [Marsengo. Eroi]. Обреченность увиденной автором русской постфевральской действительности вовсе не означала, однако, обреченности идеалов, в которые он верил. Напротив, в анализе причин русской катастрофы монархист Марсенго восходит к историософским обобщениям: главным триггером революционного распада для него стал не столько социально-экономический кризис, сколько стремительное, почти мистическое исчезновение сакрального авторитета правящей династии.

Как интеллектуал, неплохо знавший Россию, Марсенго понимал, что ее государственное здание веками держалось на безусловном авторитете самодержавия. Внезап-

ный вакуум, образовавшийся после падения Романовых, не мог быть восполнен институтами европейской парламентской демократии, которые в русских реалиях мгновенно выродились в «бесконечное словоблудие» революционного правительства. Пытаясь примирить непримиримое, новая власть в лице А.Ф. Керенского перепутала «прения с действием», чем окончательно лишила себя легитимности. По мнению Марсенго, именно паралич традиционного лидерства превратил великую русскую армию в «неорганизованную толпу», равнодушную к собственным поражениям, и запустил необратимый процесс национального саморазрушения.

Марсенго призывал помнить исторические уроки Русской революции, которые в его глазах имели ценность прежде всего для его собственной страны, Италии. Изданная в период правления Б. Муссолини, его книга противопоставляет российскому опыту укрепление итальянской государственности через сильное лидерство, политический корпоративизм и эксплуатацию имперского мифа. Автор выстраивает прямую телеологическую линию от Февральской революции, крушения Восточного фронта и (само)поражения России в мировой войне к победе Италии и «фашистской революции» 1922 г.

На фоне обстоятельств своего времени публикация 1935 г. формулировала актуальное видение «исторической справедливости»: если плодами победы не смогли воспользоваться ее творцы («герои без света»), это неминуемо должен был сделать кто-то другой. Идея «политического использования истории» нашла отражение в предисловии философа и деятеля режима Муссолини Э. Бодреро, который стремился связать понесенные Россией жертвы с последующей эволюцией межвоенной Европы, незаслуженно забывшей своих «неизвестных героев».

Главная трагедия русской истории начала XX в., по мнению Маурицио Марсенго, стала возможной из-за необратимой десакрализации власти, запущенной военными неудачами и политическими кризисами, особенно с 1915 г., когда монархия перестала восприниматься в качестве объединяющего общество института. Фигуры императора и императрицы вызывали критическое отношение даже в среде офицеров и генералов Ставки, получив уничижительные наименования «полковника» и «полковницы» [Marsengo. Eroi senza luce… P. 134]. Атрофия государственного чувства, охватившая в равной мере военных и гражданских лиц, — вот что поразило итальянского офицера в России более всего. Этот исторический урок он считал наиболее поучительным.

Говоря о революционных властях новой «демократической» России, Марсенго выносит жесткий вердикт, который спустя всего несколько месяцев после Февраля 1917-го оказался пророческим: «Они тешат себя иллюзией, будто все еще представляют собою правящий класс, и, пожалуй, власть действительно осталась бы в их руках, прими они логику обстоятельств, иными словами, удержи они авторитет власти любой ценой и любыми средствами, решительно опираясь на силы, кои еще сохранили здравие, дабы не идти на компромиссы, но искоренять самые семена разложения. Тогда еще можно было бы взирать на грядущее с некоторою надеждой» [Marsengo. Eroi].

Пережив потрясения Февраля 1917-го, русские герои Великой войны оказались лишены «света надежды», после чего Россия утратила свою заслуженную победу. Эта вынесенная в заглавие книги идея Маурицио Марсенго является центральной для всего его повествования.

Примечания

1. Полковник Эдоардо Рополо скончался в Турине в 1917 г.
2. Такое условие было согласовано еще на второй межсоюзнической конференции Антанты в Шантийи в декабре (ноябре по юлианскому календарю) 1915 г.

Литература

Бубликов А.А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк. 1918.

Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин. 1924.

Попова С.С. Русская революция: Донесения начальника бельгийской военной миссии барона де Риккеля. 1916–1918 гг. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 168-184; № 4. С. 165-190.

Agreement between France, Russia, Great Britain and Italy. Signed in London April 26, 1915. London. 1920.

Aldrovandi Marescotti L. Nuova Antologia: Guerra diplomatica. Ricordi e frammenti di diario (1914-1919). Milano. 1936. — URL: slideshare.net/slideshow/luigi-aldrovandi-marescotti-guerra-diplomatica-ricordi-e-frammenti-di-diario-19141919-1936/37330019 (дата обращения: 28.08.2026).

Bodrero E. Prefazione // Eroi senza luce: Una missione militare in Russia durante la guerra mondiale, maggio 1915 — septembre 1917. Torino. 1935. P. IX-XII.

Gurko B. War and revolution in Russia, 1914-1917. New-York. 1919.

Hanbury-Williams J. The Emperor Nicholas II as I knew him. London. 1922.

Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916-1917): Le journal inédit du général Janin. Paris. 2015.

Janin M. Ma mission en Sibérie: 1918-1920. Paris. 1933.

Marsengo M. Il crollo di un impero // La lettura: Rivista mensile del Corriere della Sera. Milano, 1922. Fascicolo 2 (Febbraio). P. 135–144. — URL: emeroteca.braidense.it/eva/sfoglia_articolo.php?IDTestata=47&CodScheda=134&CodVolume=2214&CodFascicolo=11428&CodArticolo=235972 (дата обращения: 28.08.2026).

Marsengo M. Eroi senza luce: Una missione militare in Russia durante la guerra mondiale, maggio 1915 — septembre 1917. Torino. 1935.

Missioni militari italiane all'estero in tempo di pace (1861-1939). Roma, 2001.

Romano A., Foschi R. Emilio Bodrero at the crossroads of fascism and the crisis of psychology // History of Psychology. 2026. Vol. 29, № 1. P. 46–61. — URL: doi.org/10.1037/hop0000285

Ryckel L. de. Mémoires du lieutenant général baron De Ryckel, Sous-chef d'Etat-Major de l'Armée Belge en 1914 puis Chef de la Mission militaire belge au Grand Quartier Général des Armées Impériales de Russie. Paris, Brussels. 1920.

Authors

Vladimir VASILIEV — *Chief Researcher, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Economics; vsvasiliev@mail.ru.*

Farhad IBRAGIMOV — *Lecturer at the Financial University under the Government of the Russian Federation; farxadibragimov@yandex.com.*

Nikolay KALASHNIKOV — *Adviser to the Director, Institute of Latin American Studies RAS, Ph.D. in Economics; n.kalashnikov@ilaran.ru.*

Anton KRUTIKOV — *historian, Member of the International Society for First World War Studies; bialyorzel1000@gmail.com.*

Lyudmila NIKOLAEVA — *Leading Researcher, Center for Economic Research, Institute of Latin American Studies RAS, Ph.D. in Economics; nlb2008@yandex.ru.*

Alexey SHTRYKOV — *Analyst at the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook; alexey.shtrykov@yandex.ru.*

Marina TKACHENKO — *Head of the Department of Industrial Economics, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor; marstav251280@gmail.com.*

Abstracts and Keywords

Vladimir VASILIEV

MYTHOLOGIZING US HISTORY. I. "AMERICAN EXCEPTIONALISM" AND "MANIFEST DESTINY"

Abstract. *This article analyzes contemporary trends in U.S. historiography, demonstrating how a broader methodological crisis has catalyzed the rise of narrativism. Discussions around Francis Fukuyama's «end of history» thesis have led to a critical reassessment of historical objectivity and interpretive frameworks. Drawing on classical imagery, the author evaluates the concepts of historical cyclicity and highlights the foundational cultural influence of Ancient Greece and Rome on American statehood. Furthermore, the paper examines key mythologemes—specifically «American exceptionalism,» the «city upon a hill,» and «Manifest Destiny»—as core components of U.S. civil religion and national identity.*

Keywords: *US historiography, narrativism, mythologemes, Francis Fukuyama, end of history, American exceptionalism, city upon a hill, Manifest Destiny, Clio, historical cyclicity.*

Farhad IBRAGIMOV

THE MECCA AGREEMENT AS A CATALYST FOR A MULTIPOLAR SECURITY ARCHITECTURE IN THE MIDDLE EAST

Abstract. *This article examines the Mecca Joint Defense Agreement, signed on August 7, 2026, by Saudi Arabia, Turkey, and Pakistan. The author analyzes the prerequisites for the emergence of this new format, the strategic interests of its participants, and the agreement's potential impact on the regional balance of power. The Mecca Agreement could serve as a foundational pillar of an emerging multipolar security architecture, provided that its operational mechanisms are fully institutionalized and the alliance remains open to new partners. Its significance lies not only in formalizing the principle of collective defense but also in the desire of regional powers to diversify their security partnerships and reduce reliance on external guarantors. However, the lack of a publicly available treaty text, combined with ambiguous decision-making procedures and diverging strategic priorities among the member states, indicates that this new format cannot yet be classified as an established, fully operational military-political bloc.*

Keywords: *Mecca Agreement, Middle East, regional security, multipolarity, Saudi Arabia, Turkey, Pakistan, Iran, collective defense.*

Nikolay KALASHNIKOV, Lyudmila NIKOLAEVA

TRANSFORMATIONS IN CUBA AND THE US FACTOR

Abstract. *This article analyzes contemporary socio-economic transformations in Cuba against the backdrop of U.S. influence. The authors examine the direct relationship between domestic reforms implemented by the Cuban leadership and shifting Washington-Havana dynamics. Specifically, the study tracks the evolution of the Cuban socialist model following the adoption of the 2019 Constitution, including the expansion of private entrepreneurship, welcoming foreign capital, currency reform, and subsequent crisis-driven adaptations. Particular attention is paid to the mechanisms of economic pressure under the U.S. sanctions regime. Ultimately, the paper argues that while Havana is actively restructuring its model to adapt to modern international conditions, U.S. policy remains the primary external constraint limiting the efficacy of these domestic reforms.*

Keywords: *Cuba, the United States, sanctions, transformation phases, economic reforms, state regulation, energy blockade.*

Anton KRUTIKOV

THE MEMOIRS OF MAURIZIO MARSENGO: ITALIAN MILITARY REPRESENTATIVE AT THE HEADQUARTERS OF THE SUPREME COMMANDER (1915–1917)

Abstract. *This study analyzes the little-known wartime memoirs of Maurizio Marsengo, who served as the Italian military representative at the Russian Stavka (the Headquarters of the Supreme Commander) during the First World War. Stationed at the strategic center of the Russian military administration, Major Marsengo had an important insight into key operations of the Great War on the Eastern Front, as well as the profound upheavals of the Russian Revolution. From the moment of his arrival in Russia, he was immersed in an atmosphere of escalating political crisis within the military and civilian elites of the Russian Empire. In his memoirs, published in interwar Italy, Marsengo recorded the events of the February Revolution in detail and offered his personal analysis of the causes behind the revolutionary catastrophe. A defining feature of this historical source is the author's distinct analytical lens, shaped by his perspective as a monarchist and conservative officer deeply devoted to the House of Savoy and the principles of political legitimism.*

Keywords: *Italy, Russian Empire, Emperor Nicholas II, Maurizio Marsengo, Stavka, World War I, Brusilov Offensive, Russian Revolution.*

Alexey SHTRYKOV

POST-AMERICAN IRAQ: SCENARIOS OF INTERNAL AND EXTERNAL POWER STRUGGLES AND RISKS OF REGIONAL DESTABILIZATION

Abstract. *This article analyzes the domestic and international consequences of the U.S. military withdrawal from Iraq, completed in September 2026. Particular attention is paid to the role of Iraqi Shia militias and their relations with the official state authorities, alongside the competing geopolitical strategies of key external actors. The study posits that Washington may have conceptualized this withdrawal as part of a broader strategy aimed at regional destabilization to intensify pressure on Iran. Given the persistent sectarian fractures within Iraq and the wider Middle East, the author underscores the critical risk of extremist networks reemerging, potentially capitalizing on established logistical channels and illicit arms supply chains.*

Keywords: *Iraq, Iran, Turkey, U.S. military withdrawal, sectarian tension, extremism, militias, American strategy, Middle Eastern destabilization, illicit arms trade.*

Alexey SHTRYKOV

THE EVOLUTION OF THE YEMENI CRISIS: THE ORIGINS, LOGIC, AND STRATEGIC CALCULUS OF THE ANSAR ALLAH MOVEMENT

Abstract. *In September 2026, Ansar Allah (the Houthis) established control over the entire Yemeni Red Sea coast and Perim Island, tightening the blockade of the Bab-el-Mandeb Strait for Israeli and Saudi vessels. This article traces the evolution of the Yemeni crisis from a local Zaydi community protest against Salafisation and financial discrimination to Ansar Allah's emergence as a pivotal military-strategic actor on the Arabian Peninsula. Challenging the predominant Western narrative that frames the Houthis merely as an Iranian proxy, the author highlights Ansar Allah's distinct political agency, shaped by the local historical and sociopolitical dynamics. The movement's asymmetric operations and control over the strait are evaluated as strategic leverage employed to compel Riyadh to exit the conflict by withdrawing support from the Presidential Leadership Council. An analysis of the regional security architecture reveals the limited efficacy of direct US military pressure and the inability of emerging alliances (including the "Mecca Pact") to provide Saudi Arabia with robust military assistance against the Yemeni insurgents.*

Keywords: *Yemen, Houthis, Ansar Allah, Ali Abdullah Saleh, Hussein al-Houthi, asymmetric warfare, Saudi Arabia, Iran, Red Sea, Mecca Joint Defence Agreement, Zaydism, Salafism.*

Marina TKACHENKO

THE DEMOGRAPHIC FACTOR IN CHINA'S ECONOMIC PROSPERITY

Abstract: *The several decades that have passed since the launch of the reform and opening-up policy have clearly demonstrated the significant role of demographic factors — and, above all, the availability of a large, growing, and low-cost labor force — in China's economic development. Today, with its labor supply dwindling, China is transforming into a country where prosperity increasingly depends on how efficiently it utilizes its human resources. Therefore, the demographic decline in China should be viewed not merely as a social problem but as a structural economic factor. Demographics will largely determine whether China can sustain high growth rates and build a fundamentally new model of economic prosperity.*

Keywords: *China, PRC, depopulation, demographic crisis, aging population, labor productivity, digitalization, silver economy.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»
2026
№3 (46)

E-journal «Perspectives and prospects»
2026
№3 (46)
journal.perspektivy.info
Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки *Ирина Гортинская*
Дизайн-макет *Ирина Гортинская*
Техническое редактирование и компьютерная верстка *Ирина Гортинская*

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Адрес редакции и издателя:
127051, Москва, Большой Каретный переулок, д. 7.
тел./факс: +7 (495) 626-30-26